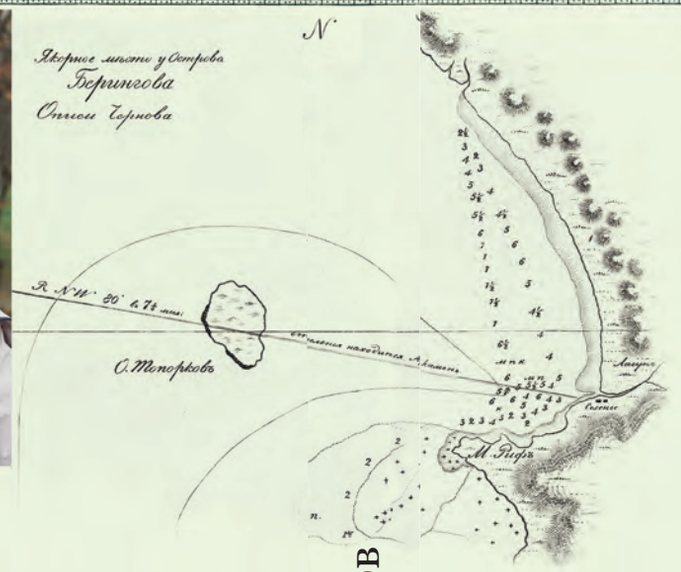

Н. А. Татаренкова

Топонимы Командорских островов

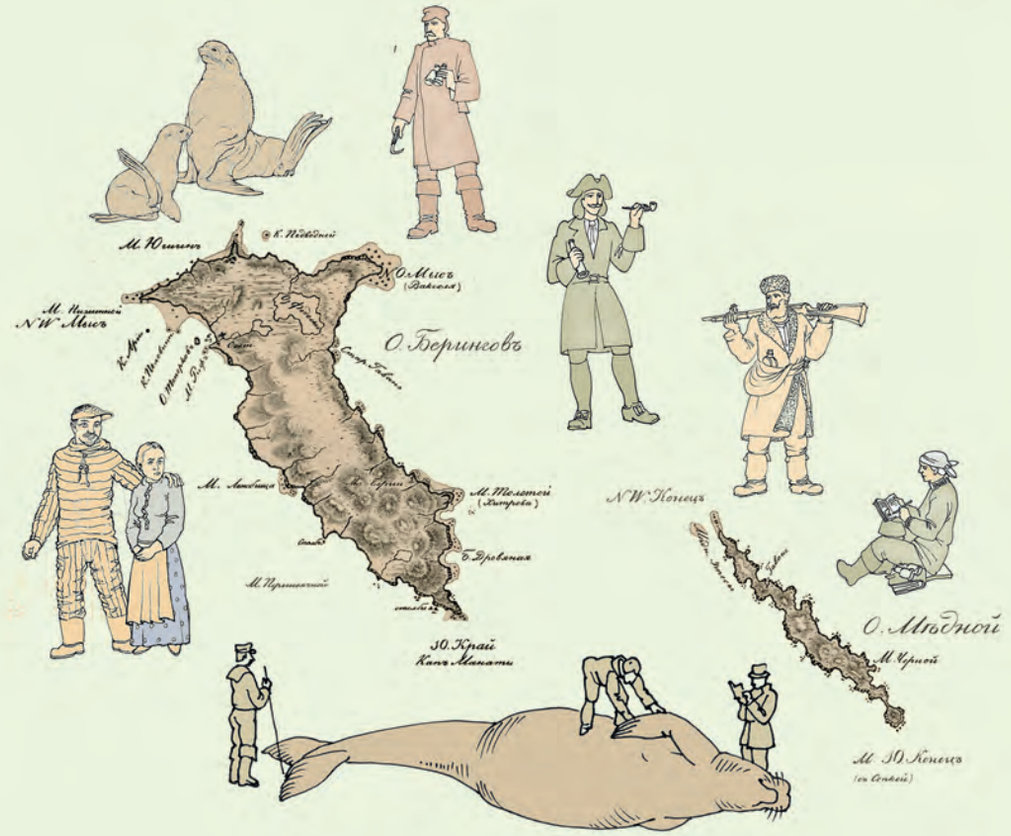
Наталья Александровна Татаренкова в 1991 г. с отличием окончила биолого-почвенный факультет Воронежского государственного университета. На Командоры приехала в 1994 г. в качестве первого научного сотрудника заповедника «Командорский». Прожила на о. Беринга более 20 лет, из них 17 – работала научным сотрудником и хранителем фондов Алеутского краеведческого музея. С 2016 г. – начальник отдела сохранения историко-культурного наследия Командорского биосферного заповедника им. С. В. Маракова.

Автор книги «Алеутское “шелковое” плетение», более 40 научных и 80 научно-популярных публикаций. Основные направления исследований: традиционное природопользование коренных малочисленных народов Севера, генеалогия командорских алеутов, их материальная и нематериальная культура, история заселения Командорских островов, этноботаника.

Награждена почетными грамотами – «В благодарность за труды милосердия во славу Земли и народа Российского» (2010), Правительства Камчатского края (2013), Министерства культуры Камчатского края (2015). Действительный член Русского географического общества.

Н. А. Татаренкова Топонимы Командорских островов

Москва
2018

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА КОНКУРСА НА СОИСКАНИЕ ПРЕМИИ ИМЕНИ Ф.Р. ШТИЛЬМАРКА 2017 ГОДА

Конкурс «Люди в истории заповедников и заповедники в человеческих судьбах» с 2006 года проводится Фондом имени Феликса Робертовича Штильмарка (1931–2005) — ученого, писателя и публициста, всю жизнь посвятившего заповедному делу.

Цель конкурса 2017 года — моральная и практическая поддержка авторов, чьи работы вносят значимый вклад в отстаивание принципов научной заповедности, в собрание достоверных знаний о заповедной природе России.

В жюри конкурса по номинации «Очерки истории заповедных территорий» входили *Елена Гороховская* — ведущий научный сотрудник Института истории естествознания и техники РАН, *Надежда Маркина* — старший научный сотрудник Института общей генетики РАН, научный журналист (ИнформНаука, INFOX.RU, Детали мира, Газета.ru, Генофонд.рф) и *Валерий Новиков* — главный научный сотрудник национального парка «Угра», доцент кафедры географии Калужского госуниверситета (1995–2012), заслуженный эколог РФ.

Центр охраны
дикой природы

Н. А. Татаренкова

ТОПОНИМЫ КОМАНДОРСКИХ ОСТРОВОВ

Серия «Заповедная библиотека»

Программа «Командоры»
Выпуск 6

Москва
Издательство Центра охраны дикой природы
2018

УДК 81.373.21+908+502.1(571.66)
ББК -3*81.2:26.89:28.088л6
Т23

Татаренкова Н.А.

Т23 Топонимы Командорских островов. — М.: Изд-во Центра охраны дикой природы, 2018. — 208 с., ил.

ISBN 978-5-93699-096-0

В книге подробно изложена история и закономерности формирования топонимов Командорских островов, выразительно свидетельствующих о процессах их освоения, традициях использования островных ресурсов и культурной самобытности жителей. Исследование базируется на картографических материалах, лингвистических изысканиях, генеалогических таблицах и фольклорных сюжетах. Рассматриваемый период — с момента открытия островов в 1741 г. до настоящих дней.

Издание рассчитано на жителей Командорских островов и Камчатки, историков и краеведов, но также будет интересно широкому кругу читателей.

ББК -3*81.2:26.89:28.088л6

Ответственный за выпуск:
А.В. Зименко

Рисунок на контртитуле: Л. Стейнегер. Триумфальная Арка Стеллера

Издание книги осуществлено с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов

© Татаренкова Н.А., 2018
© Коллектив авторов, фото, 2018
© Центр охраны дикой природы, 2018

ISBN 978-5-93699-096-0

От издателя

Многим читателям, вероятно, покажется неожиданной публикация книги по топонимике в серии «Заповедная библиотека». Действительно, заповедная тематика традиционно предполагает литературу о природе, а топонимы — это культура, язык, история.

Мы привыкли относиться к заповедникам как к островам живой природы, ценить их именно за нетронутость, мнимую незнакомость. Но человек уже давно живет на Земле, он слишком активен и деятелен, чтобы говорить о нетронутом. Под легким наносом новой «сохранности» лежит огромный культурный слой, в котором сокрыты забытые тайны отношений между человеком и природой. Когда-то на территории многих заповедников, безусловно, жили люди. Их отношение к окружающему было естественным — приобретенным веками труда и опыта. Одним из хранилищ этих знаний был язык, отражавший их видение мира, их окружение, их потребности и чаяния.

Опыт и традиции жизни на той или иной земле имеют непреходящее прикладное значение — отточенные столетиями навыки и принципы пользования благами природы чаще всего наиболее уместны именно в тех, а не иных экологических условиях. Ведь эти навыки опираются и на тонкие особенности местной природы, становящиеся явными и понятными лишь в результате очень длительных наблюдений.

Научными сотрудниками охраняемых природных территорий обычно становятся биологи или географы — люди, не имеющие гуманитарного образования и профессионально никак не связанные с историей или языкознанием. Оказавшись в новых для себя местах и знакомясь с ними, открывая их животный и растительный мир, собирая данные о нем, они волей-неволей погружаются в его прошлое. И порой «превращаются» в краеведов, историков природопользования, этнографов.

Раскрытая Вами книга, написанная таким автором и построенная на материалах из разных временных горизонтов, помогает искать ответы на насущные вопросы жизни на Командорских островах.

Алексей Зименко, Наталья Штильмарк
Центр охраны дикой природы

Светлой памяти
Галины Николаевны Чуян
посвящается

Вступление

Любая местность изобилует своеобразными, интригующими и порою совершенно непонятными названиями. Именно такое чувство испытывает каждый человек, впервые попавший на Командоры.

Странные топонимы Шайба, Полуденная, Арий и другие говорят о том, что на островах сохранилось много устаревших слов, вышедших из употребления даже на Камчатке. Низкий берег в приливно-отливной зоне здесь до сих пор называют лайдой, труднопроходимые скалистые участки морского берега — непропусками, а тропы в долинах рек и озер — собачками. В каком-то смысле Командорские острова являются не только природным заповедником, но и заповедным местом для уходящих слов и понятий, алеутских поверий и удивительных историй,

Непропуск в окрестностях села Никольского, о. Беринга

раскрывающих давно забытое отношение к окружающему миру. При желании здесь можно погрузиться в атмосферу прошлого, почувствовать себя первопроходцем и морским охотником, а можно пойти еще дальше и в обнаженных склонах разглядеть историю гор и долин, насчитывающую миллионы лет.

Как и многие мои предшественники, работу по изучению топонимов я начала сразу, как только приехала на остров. Но первые шаги не принесли значительных успехов. Когда взять тему «наскоком» не удалось, пришлось засесть за словари и погрузиться в изучение архивных документов. В первую очередь это были рукописи А. Полонского и материалы, хранящиеся в Архиве Военно-морского флота. Важным этапом стало изучение дневников Н.А. Гребницкого из петербургского филиала Архива РАН. Расшифровкой полевых записей занималась в Германии правнучка бывшего управляющего, Ольга Андреевна Куликова. Со временем удалось ознакомиться с московскими, камчатскими, владивостокскими, иркутскими, хабаровскими и командорскими архивами в самом широком смысле этого слова — личными, музейными, государственными.

Благодаря коллекционной работе бывшего окружного врача Бенедикта Дыбовского значительный пласт командорской истории сохранился в Кракове. Книгу «Wyspy Komandorskie» 1885 г., содержащую первое подробное описание островных топонимов, удалось найти в библиотеках Львова и Варшавы. Переснять интересующий материал помогли польские и украинские коллеги Мария Дыбовская и Игорь Шидловский. А вот книгу Морозевича пришлось покупать через Интернет (позже ее цифровая копия была выложена на сайт одной из польских библиотек).

Старые метрические книги, исповедные росписи Российско-Американской компании и другие документы более позднего периода хранятся в вашингтонской Библиотеке Конгресса и Смитсоновском институте. Ксерокопии некоторых документов в 1990-х гг. были привезены в дар Алеутскому музею. Другие какое-то время были недоступны. Поэтому разрешение Михаила Анатольевича Членова воспользоваться собранными им тридцать лет назад материалами стало бесценным даром. Некоторые камчатские документы дошли только в его копийном варианте, оригиналы найти не удалось.

Работа с алеутскими терминами в таком объеме была бы невозможна без помощи Евгения Васильевича Головко. Он всегда находил время на лингвистические консультации и научил работать с фонетическим словарем Кнута Бергсланда, который сам по себе является кладезем информации. Ну и, конечно же, главную помощь оказали наши

командорские старожилы, дорогие моему сердцу алеуты В.Т. Тимошенко, Г.М. Яковлев, К.Т. Ладыгин, Э.И. Гребзде и многие другие.

Вера Терентьевна Тимошенко (1927 г. р.) родилась на о. Беринга в семье Юлии Сергеевны и Терентия Алексеевича Ладыгиных. Ее мама была медновчанкой, а отец — беринговским алеутом. Отец умер рано, и родному языку обучал отчим, Иван Ермолаевич Ножиков, а мама прилагала все усилия, чтобы дети освоили русский. Девочка внимательно вслушивалась в разговоры старшего поколения, с каждым днем проникаясь все большим интересом к истории и культуре своего народа. За более чем 20 лет работы заведующей районного архива, Вера Терентьевна изучила бесчисленное количество документов. В свободное время она собирала алеутский фольклор и выступала на сцене. Эта удивительная женщина — одна из немногих, кто знает живую историю Командор и стремится сохранить накопленные знания для потомков. А еще это последний житель острова, свободно разговаривающий на беринговском диалекте.

Эрик Индрикович Гребзде (1934 г. р.) приходится Вере Терентьевне родным племянником по материнской линии. Его мама, Евстолия Терентьевна, была старшей сестрой Веры. Отец, Генрих/Индрик Михайлович, погиб в 1938 г. После смерти мужа Евстолия стала женой беринговского алеута Моисея Александровича Панькова. Эрик называл Моисея отцом, а его маму — бабушкой. Бабушка Анна Макаровна Панькова (ок. 1884–1958) была известной мастерицей по пошиву традиционной алеутской одежды. В 1880–1890-х гг. Анна вместе с семьей жила в селище Ладыгинском, и ее детские воспоминания смогли пролить свет на происхождение топонима. Бабушка научила Эрика алеутскому языку и поведала много удивительных историй и сказок. В настоящее время Э.И. Гребзде живет на Камчатке и по мере сил переводит русские песни и сказки на алеутский язык.

Кирилл Терентьевич Ладыгин (1939–2017) приходится Вере Терентьевне внучатым племянником по линии отца. Родителей Кирилла можно считать медновскими алеутами, хотя отец родился на о. Беринга. Терентий был младшим братом известного алеутского сказочника Георгия Андреевича Ладыгина (1904–1964). В семье все занимались промыслом, и мальчик появился на свет на промысловом ухоже Корабельном. Отец начал брать его с собой с 3-летнего возраста, сначала — в заплечной сумке. Так Кирилл изучил остров и с годами стал промысловым «разведчиком». Он знал каждый камень и каждую кочку и был настолько ловок, что свободно мог дойти от Юго-Восточного мыса до села Преображенского за один световой день. В рассказах Кирилла Терентьевича

об острове его реальный опыт промысловика удивительным образом переплетается с детскими воспоминаниями и алеутским фольклором.

Геннадий Михайлович Яковлев (1935 г. р.) родился на о. Медном, он был младшим ребенком в семье Михаила Ананьевича и Елизаветы Павловны Яковлевых. Михаил Ананьевич погиб во время промысла под снежным обвалом, когда сыну было 6 лет. Навыкам охотника, промысловика и следопыта мальчика обучали родной дедушка Павел Николаевич Хабаров и его сыновья Илларион, Борис и Семен, братья матери. В начале 1950-х гг. биолог-охотовед С.В. Мараков во время песцового промысла отметил удивительную наблюдательность юноши и взял его к себе лаборантом. Помогая вести научные наблюдения, Геннадий Михайлович исходил оба острова вдоль и поперек. Сегодня он является главным специалистом по вопросам традиционного алеутского промысла, разговаривает на медновском диалекте алеутского языка и делает лингвистические переводы.

Указав основных рассказчиков, я ни в коей мере не хочу обидеть всех остальных. Но поскольку здесь нет возможности перечислить поименно всех жителей острова, остановлюсь на этих ключевых фигурах.

И последнее, на чем мне хотелось бы сделать акцент. Прелюдией к представленному исследованию стали беседы и совместные поиски исторических и топографических материалов с замечательным геоморфологом Камчатского филиала Тихоокеанского института географии ДВО РАН Галиной Николаевной Чуян. Очевидно, мы бы и дальше двигались в одном направлении и, быть может, этот труд был бы написан в соавторстве, если бы летом 2010 г. Галина Николаевна не пропала без вести в южной части о. Беринга. Не сомневаюсь, что она сумела найти ответы на многие из волновавших нас вопросы, но эту тайну навсегда сохранит наш остров.

На страницах книги размещен большой объем разнообразной информации — от исторических фактов и генеалогии командорских алеутов до результатов лингвистических изысканий и фольклористики. Для удобства восприятия текст приведен в двух форматах: основном и вспомогательном. Вспомогательный оформлен в виде отдельных рассказов, описывающих конкретные исторические события, биографии, фольклорные мотивы и т. п.

Цитаты и прямая речь, за редким исключением, выделены *курсивом*. Также курсивом выделены латинские названия биологических объектов и слова, записанные на алеутском языке. Последние

включают фонетические символы, отсутствующие в русском языке (*ð, ŋ, ɲ, ɤ, χ, ɦ, ĝ*). Они приведены как на кириллице, так и на латинице — на латинице в том случае, если не вошли в алеутско-русские словари Е.В. Головко и Г.А. Меновщикова, но содержатся в более полном алеутско-английском словаре К. Бергсланда.

Приложения включают две сводные таблицы: «Формирование топонимов Командорских островов» и «Список промысловых экспедиций на Командорские острова с 1743 по 1800 г.». Они позволяют более свободно ориентироваться в хронологической последовательности многочисленных событий. В первой таблице топонимы записаны не только на русском и английском языках, но также на немецком и польском.

Также в книге приведен именной указатель (не включает имена мореходов из Приложения № 2) и карта-схема с указанием основных географических объектов и соответствующих им страниц в тексте.

Благодарности

Автор искренне благодарит: местных жителей *Веру Терентьевну Тимошенко, Геннадия Михайловича Яковлева, Валентину Михайловну Кияйкину, Кирилла Терентьевича Ладыгина, Ивана Ивановича Вожикова, Юрия Юрьевича Голых, Анну Петровну Ульченко* и других — за интерпретацию топонимов, рассказы о событиях разных лет и фольклорные сюжеты; лингвиста *Евгения Васильевича Головко* — за консультации по вопросам алеутского языка; *Ольгу Андреевну Куликову* — за переводы работ Стейнегера и Дыбовского и расшифровку дневников Гребницкого; писателя *Леонида Михайловича Пасенюка* — за рассказ о своих изысканиях на о. Беринга; зоологов *Юрия Борисовича Артюхина* и *Евгения Георгиевича Мамаева* — за помощь в идентификации видов птиц и млекопитающих; *Валентина Евгеньевича Пинигина* и *Галину Максимовну Прянишникову* — за рассказ о работе командорской районной инспекции Камчатрыбвода в 1960-х гг.; этнографа *Михаила Анатольевича Членова* — за предоставление выписок из метрических книг и других документов, касающихся генеалогии командорских алеутов; *Валерию Борисовну Колосову* — за первичную помощь в переводе с польского; сотрудников музеев и архивов — за помощь в поисках и копировании материалов; *поддержку»*
Илью Павловича Вьюева и *Инну Александровну Липилину* – за неугасающий интерес к командорской тематике, создание великолепной серии рельефов «Исторические личности Командорских островов» и активное участие в художественном оформлении книги.

Открытие, заселение и освоение Командорских островов

Официальной датой открытия Командорских островов считается 5 ноября 1741 г.[1] — день, когда перед командой Витуса Беринга предстала долгожданная суша. Контуры утопавшего в тумане берега напомнили побережье Камчатки. Невозможно описать, насколько велика была радость измученных и оциноживших путешественников — полумертвые поднимались на палубу, чтобы увидеть заветный финиш собственными глазами. Нетерпеливые взоры уже различали характерное очертание Авачинской губы… Но чем больше путники вглядывались в непривычную береговую линию, тем больше их терзали сомнения. Отсутствие леса и обилие непуганых морских бобров подкрепляли неуверенность. Нет, не Авача… может, Курилы? Увиденные 30 октября островки (Семичи в группе Ближних Алеутских островов) по описаниям, сообщенным камчадалами, были очень похожи на Курильские и лежали на той же широте. Последние дни силы были на исходе, и в счисления могла закрасться ошибка. Или эта та самая «незнаемая земля»?

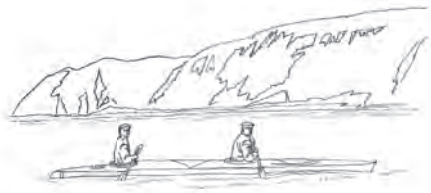
Последняя гавань капитан-командора Витуса Беринга[2]
Рельеф. Гипс. 2017. И.П. Вьюев

Жителям полуострова было издавна известно о некой островной суше, лежащей напротив реки Камчатки. Точнее, они были убеждены, *«что против устья реки Камчатки земле быть должно; для*

---

1 Здесь и далее даты приводятся как в первоисточнике.

2 Портрет Беринга соответствует реконструкции его облика на основании краниологической экспертизы 1992 г., сделанной проф. В.Н. Звягиным.

м. Северный (Юшина)
(79–80 – Тонкий), 81, 85, 87–88, 95, 101
р. Кишечная 123
б. Яновская и Емельяновская 112, 121, 133, 146
Тизиковский уч-к 167
б. Угольная 122
м. Тонкий 93
б. Уриловая 97
б. Линялая 123
б. Дубовая 122
м. Северо-Западный 69, 81, 87, 93
оз. Шангинское 112, 130, 141–142
б. Мясниковская 116
б. Мяконькая 99
оз. Саранное 22, 79, 81–82, 130
м. Вакселя (Северо-Восточный) 80–81, 87–88, 99
р. и оз. Ладыгинские 112, 117–118, 130, 141
б. Западная (Мякишевская) 116
гг. Свинные 93–94, 120–121
гг. Столовые 92–94
б. Китовая, мм. Гаупта и Забияка 107–108, 130
Лощавые ручьи 123
б. Старая Гавань 17, 68, 72, 81, 87, 116, 121, 129, 141
35, 45, 48, 69, 79, 131–132
р. Запорные 123, 137
о. Топорков
о. Арий Камень
р. и оз. Гаванские 69, 82, 104, 136
с. Никольское
р. Товарищеская Шайба 111
Орлов Камень 69, 133
руч. Трифоновский 119–120
б. Федоскина и руч. Снегиревский 86–87, 112, 118
р. Мякишевская, б. Сосновая 112, 116–117
б. Буян 68, 109, 116, 131, 146
б. Китовая 124
б. Старая Одиночка (Шайба) 111
б. Мякишевская 116–117
6, 17, 20, 22, 26, 32, 36, 48, 69–71, 79, 81–82, 90–91, 145
б. Никитинская Шайба 112
м. Тонкий 93, 120
г. Дыбовского (Мороз.) 146
б. Сосновая 122
б. Ореховская 96
б. Таблажанка 99–100
б. Старая Сластная 96, 109, 112
м. Пасенюка 109–110
б. Старцевская Шайба 111–113
б. Усовая 65–67, 78
38, 67–68, 80–81, 93, 95, 97, 102
б. Полуденная 95–96
б. Половина (Лесная) 66–68, 104
б. Уюм 67–68
бывшее Полуденное (Южное) лежбище 82, 96, 111, 123, 128
б. Командор 63–65, 101
б. Наюшка и р. Перегонная 123–124
Арка Стеллера 56, 69, 103–104
р. Кислая Капуста (Чигачиганах) 67, 96
м. Толстый (Хитрово)
бб. Гладковская и Казарма 82, 98, 104, 111–112, 123
мм. Кондерок и Живот 95
б. Каюльская 98, 128
г. Стеллера 56, 69, 102, 104
б. Передовая 67
б. Чакаулахтах 128
Байдарная Пристань 38, 124
б. Дикая 92, 110
б. Изюговая 127
б. Перегребная 81–82, 124, 137
м. Островной и б. Перешеек 71–72, 81, 110
б. Голодная 121, 126–127
б. Лисинская 68, 71–72, 120, 137
б. Озерная (Ханна-Эта) 96
б. Мальцевская 112, 118
б. Серебрянникова 71, 112, 121
б. Стеллера (устар.) 68–69
б. Казарма 82, 111
б. Бобровая 69, 97, 113
б. Эканах 121
б. Ликандровская 112, 121–122
б. Шипицинская 112–113, 115–116, 137
Унгиех Камень 135
м. Монати (Манати)
29, 42, 65–66, 71, 78, 80–81, 100–101, 128–130, 135

Картосхема Командорских островов с указанием страниц

Бобровые Камни 97, 135–136
м. Сулковского 87, 105
м. Скальный 126
м. Матвея 29, 78, 112
г. Стейнегера 105
м. Сивучий 97
б. Песчаная 23, 73, 92
с. Преображенское (устар.) 27, 73–74, 77–78, 80–81, 90–92 и Тизиков Камень (устар.) 136
м. Саклов 124
г. Крепса (совр. Галечная) 107
м. Сихтын Яры 98–99
б. Стрельбовая 127
б. Жировая 74, 98
б. Полуденная и подъем Погибший 125–126
Камень Ваксмута 106
б. Гладковская 75, 81
бб. Солдатская 1-я и 2-я 76, 130
б. Сенькина 76
б. Корабельная 23, 76, 125–126
м. Игулак 125
б. Челяковская (устн.) 142
б. Маленькая 76, 113
б. Сосинская 76
б. Ожидания 74, 91
м. Черный 76, 87
м. Водопадский
б. Середка 76
м. Венидикт Упал 127
м. Лебяжий
б. Глинка 17, 76, 90
б. Собачья Дыра 76
м. Палата 17, 94
м. Пестряков (устн.) 177
б. Бабичевская (Бабичья) 126
б. Перешеек Островной 76
м. Каламак 124–125
г. Сахарная Головка
мм. Южный и Юго-Восточный 87, 93

того, что завсегда там казалось мрачно, каково б впрочем около горизонта ясно ни было»[1]. Русские были наслышаны о ней, как минимум, с начала XVIII в. В частности, 20 февраля 1710 г., докладывая в Якутской приказной палате о своем походе, якутский казак Михайло Наседкин (Насеткин) поведал и об острове. В 1702 г. он был направлен из Анадырского острога в Камчадальский вместе с приказчиком Многогрешным. Они добрались по суше до Пенжинского острога, вышли на карбасах в Пенжинское устье, взяли у ясачных коряков байдары и отправились морем на Камчатку. Дойдя до реки Лесной, пересекли полуостров на нартах и вышли к устью реки Камчатки. И тут Михайло сообщил, что *«против Камчатского де устья значится остров, а какие на том острову люди есть, того он Михайло не ведает, и преж сего на тои острову русские люди бывали ль, того де он Михайло ни от кого не слыхал»*[2]. По слухам, остров был огромный.

Рассказ вызвал неподдельный интерес, и слух о нем распространился мгновенно. За четыре дня до официального доклада Наседкина камчатскому приказчику Осипу Миронову был выслан указ, в котором говорилось: *«...в нынешнем 710 г. ведомо учинилось в Якуцком столнику князю Василью Ивановичу Гагарину: от устья до Камчатки реки значитца в море земля, остров; и тебе Осипу проведать, какие люди на том острове и какой веры и под чьим владением или собою живут и какой в том острове зверь и иное какое богатство у них есть <…> сколь далече до устья Камчатки тот остров <…>, и о том всему учинить чертеж»*. Но поход Миронова так и не состоялся ввиду скоропостижной смерти приказчика[3].

Морской отряд Второй Камчатской экспедиции также располагал этой информацией. Но рассказы об острове больше напоминали легенду, чем реальные сведения: еще в Первой Камчатской экспедиции, во время зимовки 1728–1729 гг., Беринг слышал от жителей полуострова, будто те *«в ясныя дни видят землю чрез моря»*[4]. Но описания были настолько неопределенные, что бот «Св. Гавриил» так и не смог обнаружить этой земли. Да, «незнаемые острова» не были неожиданностью, но в планы Беринга не входило тратить драгоценное время на сушу, расположенную в непосредственной близости от конечной цели похода. Чтобы развеять

---

1 Крашенинников, т. I, 1994. С. 131–132.

2 Берг, 1935. С. 283–284.

3 Стеллер, 1995. С. 198 (комментарий А.К. Станюковича).

4 Экспедиция Беринга, 1941. С. 65.

сомнения, было решено ввести пакетбот[1] «Св. Петр» в бухту, пополнить запасы пресной воды и послать нарочных за упряжками для перевозки экипажа в Нижнекамчатск — на случай, если это все-таки Камчатка.

Команда бросила якорь у юго-западного побережья острова, но начавшимся волнением корабль сорвало и понесло на камни. И тут произошло одно из тех малых чудес, которыми изобиловал весь поход: пакетбот перекинуло через полосу мелководья и вынесло на тихую воду. Так был решен вопрос о зимовке — минуя диспуты капитана и экипажа. Теперь следовало, выбрав погожий день, вывести судно на отмель. Решение было принято, но сил и времени не хватило: 28 ноября пакетбот *«подорвал у плехта канат, великим штормом между норда и оста поставился на тот же пещаной берег, на котором мы <…> имели намерение поставить»*[2]. Судовые припасы были сохранены, но сам корабль пришел в негодность.

Повреждения оказались настолько серьезными, что исправить их не представлялось возможным. В течение зимы, разбившись на отряды, команда обследовала остров. Как и опасались изначально, было подтверждено, что давшая приют суша Камчатке не принадлежит. Нужно было возвращаться на Камчатку, и 9 апреля 1742 г. на общем совете, как записано в «Шканечном журнале» Софрона Хитрово, постановили *«для получения нашей камчатской земли надлежит нам построить какое-нибудь судно, а для того строения обще положить ломать пакетбот «С-т Петр», понеже оной весьма к походу нашему за худостию своею не годен»*[3]. В первых числах мая из остатков пакетбота был заложен гукор[4] «Св. Петр», 9 августа он был спущен на воду, а 13-го навсегда распрощался с островом. Вернувшись на Камчатку, члены экспедиции среди прочего поведали о богатых безлюдных островах, где упокоился прах их капитана.

История освоения Командор с самых первых шагов была ориентирована на эксплуатацию природных ресурсов, главным образом добычу пушнины: морских бобров (каланов), голубых песцов и морских котиков. В XVIII в. острова регулярно посещались русскими промышленниками — исторический этап начался с похода Е. Басова 1743 г. и завершился образованием Российско-Американской компании (РАК) в конце XVIII в. Сначала это были «кампании на паях»

---

1 Небольшое двухмачтовое судно с парусным воружением брига или гукора.

2 Русская тихоокеанская эпопея, 1979. С. 215.

3 Русская тихоокеанская эпопея, 1979. С. 218; Берг, 1935. С. 307.

4 Небольшое морское судно со свободной парусной оснасткой.

из вольножелающих, затем более крупные и многолюдные промысловые партии, финансируемые купцами в складчину. Командоры помнят как краткосрочные заходы, так длительные «прозимовки» и даже многолетний промысел. К примеру, бот «Св. Иоанн» иркутского купца Е. Югова промышлял на островах 3 года (1751–1754), а артель П. Лебедева-Ласточкина — целых 6 лет (1784–1790). Иногда артели частично или полностью объединялись. В отдельные годы их общая численность достигала 130–140 человек[1]. Острова пустовали крайне редко.

В 1747–1749 гг. Большерецкая канцелярия запретила самовольный вывоз меди и казенного экспедиционного имущества, а также наложила жесткие ограничения на промысел бобров и других пушных зверей на «Беринговых островах». Тех, кто все же под разными предлогами высаживался, на Камчатке ожидало изъятие в доход казны трети от общего командорского промысла[2] (вместо обычной десятины). Новая система налогообложения немного снизила нагрузку на Командоры и способствовала скорейшему продвижению русских на восток — к Андреяновским и Лисьим островам, Кадьяку и Аляске. Но этих мер оказалось недостаточно. Интенсивная эксплуатация привела к подрыву пушного запаса[3], и к концу XVIII в. Командоры стали использоваться главным образом как перевалочная база.

В 1781 г. на смену частным промысловым партиям пришла Северо-Восточная Американская компания. Ее учредителями были рыльский купец Г.И. Шелихов, курский купец И.И. Голиков и его племянник армейский капитан М.С. Голиков. В 1799 г. на базе действовавшей 10 лет СВАК и более поздних шелиховских кампаний, направленных на колонизацию Аляски, Алеутских и Курильских островов, была учреждена Российско-Американская компания, наделенная привилегией единолично снаряжать промысловые партии на территорию Русской Америки.

Для удобства правления западные острова были объединены в так называемый Атхинский промысловый отдел, головная контора которого располагалась на о. Атха (совр. Атка). Территория отдела включала Командорский архипелаг и группы Алеутских островов: Андреяновские, Крысьи и Ближние. Но поскольку к началу XIX в. острова не представляли большого экономического интереса, Атхинский отдел вошел

---

1 Татаренкова, 2006. С. 159.

2 АРГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 2. С. 11, 29, 31.

3 Речь идет о добыче бобров, поскольку песцовые шкуры стоили на порядок, а котиковые — почти в 50 раз дешевле.

в основной состав колоний только в 1825 г. Он поступил в распоряжение главного правителя РАК, в то время как прежде подчинялся Охотской конторе (которая, в свою очередь, имела сложное двойное подчинение). Контроль за промыслом стал осуществляться Ново-Архангельской конторой, расположенной на о. Ситха (совр. Ситка), и на каждый остров был назначен свой управляющий, иначе называемый байдарщиком (в 1821–1826 гг. байдарщиком островов Беринга и Медного был один и тот же человек). Таким образом, 1825 г. можно считать годом «рождения» новой административно-территориальной единицы, началом планомерного освоения Командорских островов.

Картина с заселением выглядит намного сложнее. Первая группа насельников закрепилась на Командорах двадцатью годами ранее. Речь идет об артели Федора Шипицына, промышлявшего с 1805 по 1812 (1813) г. с женой, детьми и группой из 9–11 русских промышленников. Именно ему принадлежала идея переселить на о. Медный «алеутов для промысла». Численность каланов неуклонно сокращалась, становилось все сложнее подбираться к береговым залежкам, а алеутам, как известно, не было равных в охоте на бобров с байдарок. Требование Шипицына было выполнено, и по распоряжению Охотской конторы правитель Атхинского отдела И.В. Мершенин переправил с о. Атту первую группу: *«17 байдарок алеутов с семействами»*[1]. Точную дату переселения назвать сложно, но известно, что это произошло не позднее 1825 г., поскольку в этом году Иван Васильевич скончался на борту брига «Финляндия», возвращаясь из Охотска на о. Атка[2]. Анализ количества ежегодно добывавшейся пушнины приводит к заключению, что наиболее вероятным годом заселения следует считать 1821 г. В то же время Е.К. Суворов, не ссылаясь на источник, утверждает, что с 1819 г. на о. Беринга уже жило 30 человек: в бухте Старая Гавань, в окрестностях современного села Никольского и на реке Саранной, а на о. Медном — 15 *«на Палате»*[3], вероятно, в окрестностях будущей деревни Глинки.

Утверждение С.К. Патканова, что в *«1825 г. на о. Беринга было, по Литке, 45 жителей, а о. Медный был еще безлюден»*[4], следует подвергнуть сомнению, поскольку Литке посетил о. Беринга не в 1825 г., а в 1827 г. и указал не 45, а 110 жителей — т. е. то же число, что К. Хлеб-

---

1 Хлебников, 1979. С. 182.

2 Там же. С. 176.

3 Суворов, 1912. С. 98.

4 Патканов, 1911. С. 148.

ников, изучавший народонаселение Атхинского отдела в том же году (про 1825 г. у Литке ничего не сказано). Дословно это звучало: «Il y *a sur l'île de Behring cent dix habitants*»[1] (на острове Беринга 110 жителей). Но тут становится очевидной опечатка, допущенная самим Литке, — у Хлебникова указан не «остров Беринга», а «Беринговы острова» (о походе Литке см. с. 47–48).

История Бурдуковских

Откуда появилось упоминание о 1819 г., если в это время на острова не приезжал ни один исследователь? Что связано с этой датой?

Генеалогические исследования дают ответ: в этом году родился креол Петр Васильевич Бурдуковский, основной информант Норденшельда, Стейнегера и других исследователей. История его рода удивительна и показательна.

Командорские Бурдуковские ведут свой род от лальского мещанина Василия Петровича Бурдуковского. Русский промышленник много путешествовал и повидал на своем веку немало, но старость предпочел встретить на полюбившихся Командорах. Василий родился в Лальском посаде Велико-Устюжской провинции Архангельской губернии (сегодня это поселок в Кировской обл.). Впервые юноша посетил о. Беринга в возрасте 18 лет[2] — не ранее 1770 и не позднее 1773 г. В эти годы на Командорских островах промышляло 5 судов различных русских промысловых кампаний, поэтому вычислить, на каком из них заходил Бурдуковский, не представляется возможным. По семейному преданию, во время этого похода *«били еще морских коров»*[3] и сыровали почки, а также умели истончать шкуру этого зверя до такого состояния, чтобы делать из нее обтяжку для байдар. Правда ли это? Вполне вероятно. Американский зоолог Л. Стейнегер категорически отрицал тот факт, что промысловик мог видеть живых сирен. Как бы то ни было, Василий знал об этом удивительном вымершем исполине гораздо больше, чем любой из командорских старожилов. Даже если предположить, что он не встречал животного лично, юношей он трудился бок о бок с теми, кто знал о морской корове не понаслышке.

В 1790 г. Василий ходил на судне «Св. Иоанн Предтеча» кампании Шелихова (мореход Д. Широких) и промышлял на Лисьих островах,

---

1 Lütke, 1835. P. 276.

2 Stejneger, 1885, Investigations… P. 182.

3 СПФ АРАН. Ф. 851. Оп. 1. Д. 5. Л. 26.

а затем — на островах Прибылова[1]. В 1793 г. судно разбилось возле о. Св. Павла. Груз был вывезен на галиоте «Св. Симеон и Анна», и не исключено, что Бурдуковский ушел вместе с ним.

В 1805 г. началась известная командорская «робинзонада»: штурман Я.Е. Потапов высадил на о. Медный промысловую артель во главе с байдарщиком Ф. Шипицыным, и на протяжении семи лет изолированный архипелаг не посещало ни одно судно. В числе одиннадцати мужчин-промысловиков был и наш герой. Следующий заход судна Российско-Американской компании состоялся только в 1812 г. Первые три года команда промышляла на о. Медном, затем перебралась на о. Беринга, но через год снова вернулись на о. Медный. По одной из версий, во время поездки на о. Беринга бригада оставляла для надзора за добытой пушниной именно Василия Бурдуковского. Это утверждение выглядит вполне правдоподобным, но, к сожалению, дальше автор этого утверждения[2] смешал две истории: робинзонаду Василия Бурдуковского на о. Медном (1 год) и Якова Мынькова на о. Беринга (3 года).

Что именно произошло с Василием в 1812 г., доподлинно не известно. Не исключено, что Бурдуковский был тем единственным вывезенным с острова промысловиком, о котором писал штурман брига «Финляндия» И.Ф. Васильев: *«...один только из них за болезнию просил меня взять его с собою в Охотск, на место же его выискался охотник из наших промышленников»*[3]. Это объяснило бы, каким образом Василий смог в 1812 г. жениться на алеутке Меланье Петровне, воспитаннице главного тойона[4] Ближних островов Тихона Дорофеевича Голодова. Очевидно, у супругов была очень большая разница в возрасте, поскольку на момент заключения брака жениху было около 58 лет.

В браке родились дети-креолы, из которых доподлинно известны имена только двоих: Петра (1819–1899) и Акулины (ок. 1826–1903). Жизнь Василия Петровича была долгой и насыщенной. По свидетельству переехавшего в 1847 г. на о. Беринга тотемского крестьянина Федосея Даниловича Волокитина[5], старик дожил до 90 лет (по утверждению

---

1 Гринев, 2009. С. 80, 641; АРГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 2. С. 166–167.

2 Pierce, 1990. P. 76–77.

3 Головнин, 1949. С. 318.

4 В прошлом — выборный староста у некоторых народов Сибири. В XVIII–XIX вв. термин закрепился на территории Русской Америки и обозначал старейшин из аборигенного населения.

5 Stejneger, 1885, Investigations… P. 182.

сына Петра — до 88) и скончался в окружении родных и близких в 1842 или 1843 г.

Возможно, не все истории Василия были правдивы, какие-то со временем обросли домыслами и дошли в искаженном виде. В любом случае это была яркая, выдающаяся личность, человек, наделенный ясным умом и недюжинным здоровьем. Василия Бурдуковского можно по праву считать «патриархом» Командорских островов.

Как и отец, Петр Васильевич Бурдуковский прожил долгую, насыщенную событиями жизнь промысловика: заведовал отгонами котика, исполнял обязанности старшины острова. Все это время он пользовался большим авторитетом у односельчан и местной администрации[1]. Если кто-то и мог дать исчерпывающую информацию о природе Командор, так это наш продолжатель рода «командорского патриарха».

Один из рассказов Петра Васильевича лег в основу утверждения профессора Норденшельда[2] о том, что дата полного вымирания морской коровы должна быть перенесена с 1768 г. на более поздний срок. Петр хорошо помнил рассказы отца, как русские промышленники били гигантов в прибрежных водах и сыровали их почки. Он отчетливо представлял технологию обработки шкуры: для изготовления обтяжки байдар она не расщеплялась, а «худела» (истончалась).

Ему принадлежит и другое опубликованное свидетельство — о том, что в середине XIX в. в районе Командорских островов почти ежегодно наблюдались большие массивы приходивших с севера дрейфующих ледяных торосов. Стейнегер отнесся скептически к обоим утверждениям[3], и напрасно. Климатологические наблюдения Бурдуковского невольно подтвердил К. Хлебников: *«Льды* [на о. Беринга] *приносятся при W и NW ветрах в генваре и феврале, иногда очень много»*[4]. Вслед за ним, отмечая изменение направления теплого течения Куросио, доктор Слюнин отмечал: *«…30 лет тому назад (1860-е) зима на Командорских островах была гораздо холоднее; бухта у сел. Никольскаго замерзала до Арьего камня…»*[5]

Петр Васильевич скончался 26 сентября 1899 г. во время эпидемии кори. Если бы не выкосившая седьмую часть населения островов тяжелая инфекционная болезнь, старик мог бы дожить до солидных лет своего отца.

---

1 Гребницкий, 1882. С. 47; Сулковский, 1882. С. 5.

2 Nordenskiöld, 1882. P. 606.

3 Stejneger, 1885, Investigations… P. 181–183; Stejneger, 1896. P. 17.

4 Хлебников, 1979. С. 169.

5 Слюнин, 1895. С. 37.

В 1827 г. правитель Ново-Архангельской конторы РАК Кирилл Хлебников объехал на бриге «Кяхта» острова Атхинского отдела и произвел перепись населения. Согласно его данным, на Командорах находилось 17 русских, 13 креолов, 35 креолок, 24 алеута и 21 алеутка[1]. Но это население не было оседлым. В те годы семьи не были жестко привязаны к какому-либо месту и имели возможность относительно свободно мигрировать.

Кто такие командорские алеуты?

«Командорскими алеутами» принято называть сложную в этническом отношении малочисленную народность Севера, сформировавшуюся в XIX в. на Командорских островах. И здесь сразу стоит определиться в терминах. Дело в том, что в документах РАК и более поздних отчетах под «алеутами» подразумевали не только жителей Алеутской гряды с исходным самоназванием *унаӈан* (унанган), но и представителей других аборигенных народов, населявших юго-западную оконечность полуострова Аляски и близлежащие острова. В нашем случае в их числе оказались эскимосы алютик (коняги и чугачи) и разнообразные метисы с примесью тлинкитской, якутской и сибирско-татарской крови[2].

Наряду с «алеутами» существовало понятие «креол». На территории Русской Америки креолами называли потомков от смешанных браков между аборигенным населением и приезжими европейцами. Обычно это были русские мужчины и алеутские, эскимосские и индейские женщины. Но «креол» и «метис» — не одно и то же: в 1821 г. креолы были выделены в особое сословие, имевшее более высокий социальный статус.

Под «русскими» подразумевали собственно русских, украинцев, коми (зырян и пермяков), евреев, цыган и т. д.

В числе первых переселенцев на Командорские острова были креолы — служащие РАК и алеуты с Ближних островов. Через некоторое время их ряды пополнили жители Андреяновских и Лисьих островов, о. Ситка и островов Прибылова. Последнее организованное подселение произошло в 1887–1888 гг., переселенцами были «курильцы» — семьи, промышлявшие на Курильских островах, пока те по договору 1875 г. не отошли Японии. Их записывали как «алеутов» и даже называли «айнами», но на деле это были в основном кадьякские эскимосы[3].

---

1 Хлебников, 1979. С. 161.

2 Гребницкий, 1882. С. 45.

3 Гребницкий, 1902. С. 34.

Несмотря на происходившие административно-структурные перемены, из-за малолюдства и отдаленности Командоры считались «не имеющими постоянных поселений» вплоть до второй половины XIX в. Когда в 1830 г. священник Иаков Нецветов впервые посетил самые отдаленные острова отдела, он застал следующую картину. На о. Беринга в селении при Гавани он застал русских, креолов и очень небольшое число алеутов, всего на острове проживало 75 человек. Все они состояли на службе компании и подчинялись русскому байдарщику И.А. Волкову. В селении имелись казенные постройки, несколько частных домов, принадлежавших русским, казармы и амбары для хранения товаров и припасов. Остров жил главным образом промыслом морского котика и песца, шкуры которых ежегодно вывозились на Атку. Прочие животные: сивуч, нерпы, птицы и рыба — служили в основном для местного потребления, позже на Атку стала вывозиться в ограниченном количестве и красная рыба, выловленная на озере Саранном[1].

Остров Медный по структуре управления и роду занятий в точности напоминал соседний Беринга: здесь также жили русские, креолы и алеуты, но доля алеутов была выше. Алеуты были вывезены с о. Атту и поэтому считались вольными. Как и русские с креолами, алеуты состояли на службе компании и были задействованы во всех имевшихся видах работ, так что их образ жизни не отличался от остальных. Все 60 человек подчинялись русскому байдарщику И. Курмачеву (Кузьмичеву). Жилища и хозяйственные постройки в селении, в отличие от таковых на о. Беринга, являлись собственностью компании.

Оба селения — на Беринга и на Медном — долгое время назывались «селения при Гавани», или Гаванские. Собственные названия они получили ближе к концу XIX в.

История Зайковых

Как же осуществлялось переселение? Было ли оно добровольным или насильственным? В этом плане показательна история семьи Зайковых.

Фамилия примечательна тем, что алеутская ветвь Зайковых образовалась не в результате заключения брачного союза между русским и местной уроженкой, а путем православного крещения. Крестным отцом алеутов Зайковых стал русский штурман Потап Кузьмич, а первым крещеным алеутом — тойон о. Атту Александр Потапович (? — ок. 1801). Во главе командорской линии стоит его сын Иван Александрович (?–1843).

---

[1] Netsvetov, 1980. P. 114, 115.

Откуда Потап Кузьмич Зайков родом, история умалчивает. Первое упоминание относится к 1772 г., когда он в звании штурманского ученика исполнял обязанности морехода во время промыслового похода на боте «Св. Владимир». 26 июля 1773 г. бот остановился для зимовки в бухте Песчаной о. Медного (вероятно, совр. Корабельная или Тополевская) и *«по выгрузке припасов был поднят на балки; для житья людям построены были юрты, а для промысла байдары, <…> могущия поместить каждая по десяти человек»*[1]. В течение года команда занималась пушными промыслами, пополняла запасы продовольствия и заготавливала лафтаки[2] для обтяжки байдар.

7 июня 1774 г. Зайков направил судно к Ближним островам, а в июле 1775 г. — к Лисьим и о. Унимак. Зайков промышлял в согласии не только с миролюбивыми аттинцами, но также с лисьевскими алеутами и эскимосами алютик. Доверительные отношения способствовали добровольному объясачиванию нескольких человек, но самым ценным было то, что туземцы рассказали об островах Санак, Унга и других, вплоть до мыса Дуглас. На основании полученной информации и собственной топографической съемки Зайков составил довольно точную карту Алеутской гряды. Карта была отправлена в Иркутск вместе с заметками морехода. За проделанный фундаментальный труд иркутский гражданский губернатор Ф.Г. Немцов исходатайствовал в 1780 г. Зайкову *«производство в штурмана на первую вакансию»* и 500 рублей из собранного ясака.

По возвращении в Охотск судно «Св. Владимир» с общего согласия компаньонов было *«пожертвовано в Больничный дом в Иркутске для страждущих бедных»*. На следующий год было отстроено судно «Св. Александр Невский» и 1 августа 1781 г. Зайков подошел к о. Беринга. После зимовки команда отправилась к берегам о. Уналашка, а оттуда — на восток для поиска новых промысловых угодий на Аляске. Промыслы были удачными. Но на обратном пути Потап скончался.

Александр Потапович Зайков был тойоном о. Атту. Фамилию и отчество он получил от крестившего его морехода Потапа Кузьмича. С высокой степенью уверенности можно утверждать, что алеут принял православное крещение в 1775 г. Отличительной чертой

---

1 Спасский, 1822. С. 8.

2 Грубо выделанная шкура сивуча, реже котика, нерпы или морской коровы, с опревшим или остриженным мехом. Служила главным образом материалом для обтяжки байдарок и байдар, в редких случаях — как заменитель бумаги.

Алеуты-первопоселенцы Командорских островов[1]
Рельеф. Гипс. 2018. И.П. Вьюев

обращения в христианскую веру западных алеутов было то, что все они приняли крещение от мирян, поскольку в те годы ни один миссионер не посещал эти острова. И когда в начале XIX в. первый священник прибыл на территорию Атхинского отдела, он застал полные селения чин оглашенных алеутов, среди которых не было ни одного некрещеного взрослого.

Тойон Зайков родился и жил на Ближних островах, но однажды, по воле случая, ему довелось провести две зимы на Камчатке и повидать Командоры. В 1798 г. бот «Св. Николай» кампании Козицына подошел к о. Атту. Ему навстречу выдвинулась байдара с тринадцатью алеутами и их предводителем Александром Потаповичем. Аборигены хотели показать русским удобный вход в гавань и для этого поднялись на судно, оставив байдару пришвартованной у борта. Но усилившимся ветром лодку сорвало, а вслед за этим и сам бот понесло на запад. Поневоле пришлось войти в реку Камчатку. Поселившийся на Камчатке тотемский купец В. Кузнецов укомплектовал судно всем необходимым и вновь отправил его на о. Атту — для ведения промыслов и возвращения алеутов. По пути «Св. Николай» остановился у берегов о. Медного и вновь был сорван с якоря, но на этот раз еще и поврежден. Судно починили только к весне 1799 г., но поскольку во время кораблекрушения якорь был утрачен, продолжить поход не решились и вернулись на Камчатку. Бот требовал серьезного ремонта, и Кузнецов не смог отправить его в том же году. С июля 1799 г. привилегия снаряжать суда за промыслами была дана Российско-Американской компании, поэтому Кузнецову пришлось отказаться от своих планов. Алеуты сначала были переправлены в Охотск и уже оттуда на судне РАК доставлены на родной остров[2].

Тойон Зайков отличался дружелюбным отношением к русским и за свои заслуги был пожалован царскими властями шитым золотом

[1] Художник предположил, что высадка была на восточном берегу Медного, между бухтами Гладковской и Корабельной, близко к становищу артели Шипицына.

[2] АРГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 2. С. 169–170.

кафтаном, кортиком и другими вещами. Его сын Иван был одним из первых переселенцев на о. Медный.

В 1867 г. основная часть владений РАК отошла по договору Соединенным Штатам. Командоры сохранили российское подданство. Весной 1868 г. по настоянию князя Д.П. Максутова местные жители заключили контракты со шкипером П.Г. Лемашевским и купцом Пфлюгером; впоследствии петропавловским исправником Ф. Хмелевским договора были признаны незаконными[1]. В 1869 г. строения компании приобрел купец 1-й гильдии надворный советник А.Ф. Филиппеус. Ему вменялось в обязанность снабжать продовольствием и предметами первой необходимости Командорские и Курильские острова, поступившие в заведование Приморским областным управлением.

В 1868 г. на территории Калифорнии были зарегистрированы две торговые фирмы с почти идентичным руководящим составом: «Hutchinson, Kohl & Co»[2] и «Alaska Commercial Company» (АСС). В 1870 г. правительство Штатов предоставило АСС исключительные права на промысел морских котиков на островах Прибылова. В феврале 1871 г. Министерство внутренних дел России заключило контракт о сдаче в аренду командорских котиковых промыслов торговому дому «Гутчинсон, Кооль и К°». Штаб-квартира обеих компаний располагалась в Сан-Франциско, а срок аренды составлял 20 лет. «Двойняшки» Говарда Гутчинсона стали основным поставщиком котиковых шкур на мировой рынок.

Условия договора с российской стороной были значительно менее выгодны государственной казне, чем аналогичного договора с американской[3], поэтому в 1877 г. князем Максутовым были внесены некоторые корректировки. Новая версия немного улучшила материальное положение алеутов, но в целом оставляла много нареканий. Высокие доходы от продажи шкур и противоречивые сведения о положении дел вынудили Главное управление Восточной Сибири (ГУВС) направить на Командорские острова своего специалиста. Им стал новопричисленный к канцелярии генерал-губернатора ГУВС кандидат естественных наук Н.А. Гребницкий. Он был командирован в 1877 г. для обоснования и лимитирования производимого промысла, а также осуществления надзора за ним (прежде эти обязанности лежали на окружном

---

1 РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 12. Ч. 1. Л. 108–125 об. Рапорт Ф.В. Хмелевского, 1869 г.

2 В российских документах XIX в. компания записана как «Гутчинсон, Кооль и К°».

3 Сулковский, 1882. С. 39.

исправнике). Гребницкий занимал вверенный ему пост управляющего ровно 30 лет и в мае 1907 г. был уволен по состоянию здоровья. За время службы он зарекомендовал себя как дальновидный администратор, сумел грамотно организовать и регламентировать промысел пушного зверя: установил жесткие недвусмысленные правила охоты, минимально ущемляющие интересы местного населения, организовал регулярные запуски зверя (временное запрещение охоты на промысловых животных, вводимое с целью восстановления численности поголовья) и всеми силами способствовал пресечению браконьерской деятельности иностранцев в российских территориальных водах.

Компания строго соразмеряла количество добываемых шкур с потребностями внешнего рынка и не оставляла без внимания социальную сферу — строила дома и церкви, содержала школы и фельдшерский пункт. В 1888 г. Командорские острова были выделены в самостоятельную округу Приморской области. Административным центром стало село Никольское, начальником Командорской округи назначен все тот же Н.А. Гребницкий (в 1902 г. северные округи были переименованы в уезды).

В 1891 г. срок американской аренды истек, и пушные промыслы перешли «Русскому товариществу котиковых промыслов». Поначалу доход казны резко увеличился, вырос и заработок островитян. Стали выделяться значительные суммы на содержание доктора, фельдшера, аптек, школ и церковных причтов. Но одновременно с этим началось катастрофическое падение численности морского зверя. Причина таилась в заключенном в июне 1891 г. соглашении между Англией и Соединенными Штатами, запрещающем морской промысел в восточной части Берингова моря. Россия не смогла добиться распространения запрета на западную часть, и акватория нашего государства оказалась под угрозой полного разграбления. В мае 1893 г. были приняты проект российского закона и международное соглашение о 10-мильной охранной зоне вдоль русского материкового берега и 30-мильной вокруг Командорских островов, но и этих мер оказалось недостаточно.

Новый век принес командорцам экономический кризис, безжалостные эпидемии и демографический коллапс. Голод, холод и болезни унесли несопоставимо больше жизней, чем все вооруженные столкновения во время обороны лежбищ от японских «хищников» в 1900–1920-х гг. Арендовавшее промыслы с 1901 по 1911 г. Камчатское торгово-промышленное общество не переломило означившейся тенденции. В 1912 г. Министерство земледелия заключило договор с владивостокским торговым

домом «Чурин и К°» о сдаче в аренду промыслов бобров и песцов, но состояние котиковых лежбищ было настолько плачевным, что правление коммерческой компании было вынуждено установить 4-летний запуск. Окончание срока аренды частично совпало с государственным переворотом. Год от года положение ухудшалось, и к 1920 г. хозяйство пришло в полный упадок. Вместе с приходом на Командоры в 1923 г. советской власти возобновились поставки продовольствия и товаров первой необходимости. Стремительное вымирание командорских алеутов было остановлено. В 1928 г. острова были объединены в Алеутский островной туземный район, а в 1932 г. был образован Алеутский национальный район.

Район развивался логично и планомерно, и даже «новая система хозяйствования» в виде островного звероводства являлась в каком-то смысле рационализированной формой алеутского традиционного природопользования. Серьезные перемены начали происходить с конца 1950-х гг. Село Преображенское на о. Медном было признано нерентабельным и к 1970 г. закрыто. Медновчане, кто-то добровольно, кто-то вынужденно, стали переселяться на о. Беринга. В то же время приморская зона близ устья реки Гаванской, где располагалось село Никольское, была признана цунамиопасной, поэтому жилые постройки и социально значимые объекты было решено перенести на более высокую береговую террасу. Процесс начался в конце 1950-х гг., а основная застройка производилась в 1970-х — начале 1980-х гг., формируя современный облик, к которому мы привыкли (за последние годы вместо наиболее старых и ветхих многоквартирных домов отстроены современные двухэтажные здания). Исторический центр, сохранивший дома американской постройки 1880-х гг., сегодня является территорией проведения районных культурно-массовых мероприятий.

В периоды проведения интенсивных строительных работ и развития инфраструктуры района было привлечено значительное число сторонних рабочих и специалистов. Они пополнили постоянный приток приезжей рабочей силы, в которой нуждался зверозавод. Возрастание доли приезжего населения способствовало разрушению сформировавшихся на островах культурных устоев. Приблизительно в это же время произошла смена поколений: рожденные в послевоенные годы и воспитанные в школе-интернате алеуты уже почти не разговаривали на родном языке. Они еще имели достаточный словарный запас, чтобы понять речь старших, но редко выстраивали предложения и заговаривали сами. Ситуация усугублялась трениями между «медновцами»

и «беринговцами», возникшими на фоне жилищного переуплотнения и неравного слияния двух сельских администраций: в никольскую входило много приезжих управленцев, и именно она доминировала, все чаще игнорируя богатый опыт самоуправления преображенских алеутов. Горечь от утраты малой родины породила мнимый «языковой барьер», что в свою очередь способствовало скорейшему угасанию алеутского языка.

В 1980-х гг. численное превосходство приезжего квалифицированного населения стало почти пятикратным. В результате в своем национальном районе алеуты оказались в маргинальном положении[1]. Ситуация изменилась в 1990-х гг. — с распадом социалистической системы хозяйствования и последовавшим резким оттоком пришлого населения. К 2010-м гг. фактическое соотношение между алеутами и приезжими выровнялось. В настоящее время все жители разговаривают на русском языке, несколько носителей алеутского находятся в весьма преклонном возрасте. За годы совместного проживания на изолированной островной суше пестрый многоликий состав населения Командорских островов ассимилировался физически и духовно. Но сколь бы велика ни была степень «креолизации», алеутский культурный компонент всегда оставался доминирующим, обеспечивая выживание островного социума в экстремальных ситуациях. Эта особенность сохраняется, хотя при наступлении благоприятных условий переходит в неявное, латентное состояние.

С 1993 г. большую часть островов занимает государственный природный заповедник «Командорский», получивший в 2002 г. статус биосферного. Основной целью его организации является сохранение уникальных природных комплексов Командорского архипелага, генофонда растений и животных, а также естественных условий жизни и деятельности командорских алеутов.

---

[1] Корсун, 2012. С. 219 со ссылкой на: АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. № 1595. Л. 5.

Походы к островам и ранние картографические материалы

Самая первая карта, включающая «Беринговы острова» — это карта морского похода Второй Камчатской экспедиции, составленная в 1744 г. по материалам журнала лейтенанта Свена Вакселя им самим и «флота мастером» Софроном Хитровым (Хитрово). Оригинал был утрачен, но сохранилась копия, заверенная в феврале 1754 г. Петром Расторгуевым, подмастерьем *«морскаго шляхетнаго кадетскаго корпуса математических и навигацких наук»*[1]. Судя по указанному году, карта была составлена в Енисейске, куда команда «Св. Петра» прибыла из Якутска в октябре 1744 г. На нее нанесены хорошо узнаваемые очертания о. Беринга, место захоронения погибших членов экспедиции, Кап Манат (мыс Манати), маршруты пакетбота и гукора, а также фрагменты о. Медного (другие детали, такие, как Камчатка, Алеутские острова и побережье Аляски в данном контексте не рассматриваются).

Медный изображен в виде двух островков — видимых вершин гор, которые в хорошую погоду можно легко разглядеть с о. Беринга. Рядом прорисован фрагмент еще одной береговой линии. Логично предположить, что это остров из группы Ближних Алеутских. Но острова, увиденные 30 октября 1741 г. и принятые за Курильские[2], изображены южнее (речь идет о так называемом «острове Аврама» и трех крошечных, лежащих напротив: принято считать, что «Аврам» соответствует группе Семичи, но это не совсем так, Семичи — три скученные точки на схеме, в то время как крупный похож на о. Агатту). Странный фрагмент, лежащий между Беринговым островом и о. Аврама, напоминает увеличенную часть о. Медного в районе бухты Матвеевской. Поскольку известно, что пакетбот «Св. Павел» проходил в непосредственной близости от о. Медного, создается впечатление, что этот фрагмент

---

1 РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 79.

2 Стеллер, 1995. С. 89–90.

Капитан Чириков на палубе пакетбота «Св. Павел»[1]
Рельеф. Гипс. 2017. И.П. Вьюев

взят из материалов капитана Алексея Чирикова. Это не противоречит историческим фактам, поскольку отряды объединились именно в Енисейске. Чириков отправился в Петербург в 1745 г., а объединенная команда пакетботов «Св. Петр» и «Св. Павел» под началом Вакселя вернулась в северную столицу в январе 1749 г.

С середины XVIII в. во время промысловых походов русские первопроходцы пользовались картой Камчатского (Берингова) моря, составленной знаменитым российским гидрографом Алексеем Ивановичем Нагаевым. Карта базировалась на материалах Второй Камчатской экспедиции и содержала более поздние правки и дополнения, внесенные на основании рапортов сибирского казака Е.С. Басова.

В конце 1730-х гг. Емельян Басов был одним из первых инициаторов промысловых походов *«на Курильские и прочие незнаемые острова»*[2]. Но ввиду отсутствия денежных средств первое промысловое судно удалось отстроить только к 1743 г. Второй поход состоялся в 1745–1746 гг., он завершил открытие Командорского архипелага подробным описанием обоих островов. Во время третьего собрали самородную медь, с тех пор остров, на котором были обнаружены самородки, называется Медным. По словам В.Н. Берха, вслед за подачей в Правительствующий сенат рапорта о походе Басова 1747–1748 гг., незамедлительно последовал указ в Адмиралтейств-коллегию о необходимости учета полученных сведений при составлении сводной карты. Коллегия возложила исполнение работ на А.И. Нагаева, и тот *«составил из всех прежних сведений выписку, приложа к оной карту, коею и руководствовались промышленники»*[3]. По всей видимости, со временем оригинальная карта была утрачена[4], но создается впечатление, что некоторые

---

1 Образ А.И. Чирикова соответствует его предполагаемому историческому портрету, закрепленному в изобразительном искусстве и кинематографе.

2 АРГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 2. С. 3; Северная энциклопедия, 2004. С. 74.

3 Берх, 1823. С. 5.

4 Барканова, 2009. С. 11–15.

дошедшие до наших дней меркаторские карты 1750–1760-х гг. базировались на трудах Нагаева.

История Емельяна Басова

Емельян Софронович Басов (ок. 1700 — ок. 1765) родился в крестьянской семье деревни Ярковой Тобольского уезда. Грамоте обучен не был, но обладал великолепной памятью, твердым умом и редкой трезвостью суждений. В 1726 г. Басов был зачислен в казаки отряда головы Афанасия Шестакова и направлен в Якутск, оттуда во главе команды из 30 человек отправился на эверсе вниз по реке Лене *«для проведывания пути в Камчатку»*. К несчастью, на реке Сикток судно раздавило льдом. Тогда казаки отстроили три шитика[1] и, разделившись по 10 человек, продолжили путь, по возможности разведывая, куда можно пройти крупным судам. Через два года члены отряда вернулись на службу в Якутск. В 1733 г. Басов был определен в Охотскую казачью команду в распоряжение Г.Г. Скорнякова-Писарева и произведен в сержанты. Все время службы он находился на особом счету: руководил сбором ясака на Камчатке, контролировал сплав провианта и припасов из Якутска в Охотск, даже сопровождал в Сибирский приказ (Москва) собольи и лисьи меха государевой казны.

В Москве казак испросил дозволения *«ходить на Курильские и прочие незнаемые острова для привода в подданство живущих там»* и, получив в феврале 1739 г. разрешение и инструкцию, занялся организацией похода. Но поскольку казна была пуста, он обязался изыскать собственные средства. В поисках выхода из положения, осенью 1741 г. Басов подрядился конвоировать на Камчатку ссыльного князя Александра Долгорукого. Перезимовав в Большерецке,

Самородная медь острова Медный.
Казак Емельян Басов[2]
Рельеф. Гипс. 2017. И.П. Вьюев

[1] Парусно-гребное плоскодонное одномачтовое судно, длиной около 10 м. В камчатском варианте доски обшивки скрепляли («шили») жилами и ремнями.

[2] Образ Басова является художественной визуализацией, его изображение не сохранилось.

он отправился на казенной байдаре на 1-й Курильский остров в надежде взять у курильцев байдару и следовать дальше, но М.П. Шпанберг помешал его планам.

Надежда появилась, когда в конце августа 1742 г. вернулись выжившие члены морского отряда Беринга. Слух о богатстве острова разнесся по Камчатке, и Басову наконец удалось отстроить в долг морскую лодку и собрать вольножелающих для снаряжения первой промысловой «кампании на паях».

В 1743 г. шитик «Св. Петр» отправился в свое первое путешествие. Среди прочих на борту был участник экспедиции Беринга Петр Верхотуров. Добытых шкур с лихвой хватило на погашение долга, сверх того 50 бобров на 1 тыс. рублей было с общего согласия пожертвовано церкви Св. Николая в Нижнекамчатске.

Целью второго похода (1745–1746 гг.) было *«опознание виденных Басовым в первое плавание земель»*: команда впервые высадилась на о. Медном и поставила «в изголовье» острова крест; Басов описал береговую линию обоих островов и составил полный реестр оставленного экспедицией Беринга казенного имущества, а казак Расторгуев нашел *«озеро шириною в 5 верст»*. Тогда же отстроили первую землянку в районе нынешнего села Никольского. Попытки открыть новые острова, которые, как казалось, должны были лежать к северо-востоку от Командор, не увенчались успехом, с этого момента в команде начались раздоры. Некоторые по возвращении на Камчатку продали свои паи.

С 1747 г. между промысловыми партиями зародились конкурентные отношения: помимо «Св. Петра» на острова стали заходить шитики «Св. Иоанн» купца Холодилова и «Св. Симеон и Анна» купца Рыбинского. В развитии дальнейших событий ключевую роль сыграл доклад Басова о необходимости запрещения производить промыслы на Командорах[1]. Он доказал, что государству невыгодно взимать со столь богатых земель одну лишь церковную десятину. К тому же на о. Беринга оставались казенные вещи от разбитого пакетбота, *«которыя могут расхитить промышленные»*. В августе 1747 г. Большерецкая канцелярия издала соответствующий запрет, впоследствии распространившийся и на вывоз меди. С 1748 г. было установлено изымать в госказну третью часть от добытой на Командорах пушнины.

На этом удача отвернулась от сибирского казака. Служилый человек оказался не способен ни удержать распадавшуюся команду,

[1] АРГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 2. С. 11, 13, 29.

ни конкурировать с расчетливыми купцами, ни вести диалог с мастерами горного дела. Но он не сдавался, всеми правдами и неправдами стремился поправить дело. Лишь когда рухнули последние надежды, зимой 1755 г., незадолго до Рождества Христова, он *«собрал бывшие у него медные и оловянные обломки и из сплава их вылил в три раза в бане, по ночам, 4 рублевика и 8 полтинников»*. На них он купил *«у Нижекамчатских обывателей к празднику ягод на 1 полтинник, молока на 3 р. 50 к., табаку на 2 полтинника и заплатил за соленую рыбу 3 р.»*. Но вскоре обман раскрылся, Басов был арестован и представлен в Большерецк, оттуда он был направлен в Иркутск на Следственную комиссию сибирских и камчатских дел и в конце концов 22 июля 1763 г. был взят с гауптвахты на Нерчинские заводы. Там старик вскорости и умер, изувеченный тяжкими наказаниями[1].

Шитик «Святой Петр»

Шитиком называли небольшое парусно-гребное плоскодонное одномачтовое палубное судно, доски обшивки которого скреплялись, «шились»: в поморском варианте — ивовыми прутьями, корнями можжевельника и ели, в камчатском — китовым усом, жильными и кожаными ремнями. Паруса и снасти по бедности зачастую изготавливали из оленьих кож. С 1754 г. вместо шитиков начали строить гвозденики, боты или барки с деревянными скреплениями.

Первый промысловый шитик, отправленный к Командорским островам, был построен на реке Еловке нижнекамчатским служилым Петром Колокольниковым. Работы проводились в течение зимы 1742/43 г. Когда реки очистились ото льда, Петр привел суденышко в Нижнекамчатск. Басов принял шитик с условием, что деньги за строительство вернет после вояжа, и нарек его «Св. Петром». Судно *«шириною внутри 7 аршин и вышиною внутри же 3 аршина»* было оснащено *«гребями и парусами длинною по килю от корга до корга»*. На изготовление парусов, фока и бифока, ушло 300 аршин холста; на конопать — 50 пудов крапивы и 25 пудов смолы; на скрепление — 10 пудов железа. Два якоря, по 6 пудов каждый, были взяты в казне от разбитой японской бусы, а два компаса куплены у «пробирного мастера» Симона Гардеболя, ходившего в 1738–1742 гг. на Курилы и к берегам Японии в составе отряда Шпанберга.

1 августа 1743 г. «Св. Петр» с командой из 20 человек вышел из реки Камчатки и на пятые сутки подошел к о. Беринга. Бросили якорь,

[1] АРГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 2. С. 2–16.

но в ночь канат лопнул, и шитик выбросило на берег, к счастью не повредив. Зиму и весну команда собирала выбросной лес для спуска судна на воду, и 6 июля 1744 г. они вновь отправились в путь. Но поскольку якоря были плохи, а снасти не выдерживали нагрузки, решено было возвращаться. Близ устья реки Камчатки канат снова лопнул, и шитик вторично выбросило на берег.

В 1745 г. удалось приобрести более надежные якоря и снасти, и «Св. Петр» отправился во второй поход. Зимовка на о. Беринга прошла без эксцессов. Зато следующий вояж сулил новые приключения: к сентябрю 1747 г. судно встало на якорь у берегов острова, позднее названного Медным. Через несколько дней камчадал Илья Пирожников обнаружил в утесах самородную медь, и Басов отправился изучать жильные выходы. Но через два дня после окончания исследования месторождения сильным нагоном воды шитик выбросило на берег, повредив его, и вдобавок разбило два елбота. Из припасенных на такой случай досок рабочие построили елбот и отправились на нем собирать выкидной лес для ремонта шитика. Исправленное судно поставили *«в найденной на N стороне острова гавани»*.

В 1749–1750 гг. «Св. Петр» вновь ходил на о. Медный, но уже без Басова. По возвращении на Камчатку он полностью перешел во владение купца Трапезникова и в том же году разбился на скалах восточного мыса о. Атту. Все кампанейское имущество пропало без остатка, и один человек утонул[1].

В Российском государственном архиве Военно-морского флота сохранились две копии с карты рассматриваемого периода, имеющей полное название: «Карта меркаторская от охоцка до лапатки и до чукоцкаго носу, положением прежним описанием 1725 году наботу гавриле под командой бывшаго гд-на капитана командора Беринга. а приобщеныя острова, и часть земли против того носу по журналу бывшаго подштурмона Ивана Федорова 1732 году на том же боту. а между рекой камчаткой и лапаткой к востоку до длины 35° 00′ приобщенное с карты сочиненной на пакет боте с. петре под командой помянутаго гд-на капитана командора, <види>мы места 1741 году / подленной за рукой ка<пита>на Шпанберха»[2]. Одну из них переснял в январе 1754 г. «геодези ученик» Федор Трапезников, а заверил все тот же подмастерье

[1] АРГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 2. С. 5–15, 44.

[2] РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 70. Л. 2.

Петр Расторгуев. Приходился ли Федор родственником камчатскому посадскому Никифору Матвеевичу Трапезникову, известному организатору промысловых экспедиций на Алеутские острова, — остается загадкой. Вторая карта является более поздней копией с этой копии (год создания не указан) и содержит незначительные неточности в результате ошибочного прочтения.

На картах указан о. Берингов (на поздней копии — Беринга), два фрагмента о. Медного — как на карте Вакселя и Хитрова, но повернуты они несколько иначе. Южнее нанесен все тот же фрагмент береговой линии, предположительно о. Медного (сам остров нигде не подписан). Еще два маленьких островка лежат с запада и с востока от северной оконечности о. Беринга: в одном из них узнается о. Арий Камень или о. Топорков, а в другом — воображаемая земля на северо-востоке, которую Басов безуспешно искал в мае 1746 г. (присутствует и на карте 1744 г.). Восточнее обозначены острова Алеутской дуги: Св. Аврама, Св. Стефана и Св. Маркияна (названия не укоренились).

Довольно точные контуры о. Беринга и искаженная, но узнаваемая северная часть о. Медного склоняют к мысли, что при создании оригинала учитывались описания, сделанные Е. Басовым после первого похода 1743–1744 гг. Примечательно, что более поздняя карта-схема, составленная по рассказам русских промышленников 1755–1764 гг.[1], хотя и содержит оба острова, Командорской и Медной (в середине XVIII в. о. Беринга зачастую называли Командорским, а весь архипелаг — Беринговым), имеет куда более существенные неточности: береговые линии нанесены произвольно, а ориентация Медного по сторонам света соответствует фантазийному варианту 1740-х гг.

Странно, что эта карта-схема, составленная к 1764 г., не учитывала ни накопленные данные об о. Беринга, ни довольно подробную карту о. Медного, начерченную в 1758 г. проводившим на острове геологические изыскания маркшейдером Петром Яковлевым.

Поход Петра Яковлева

Первая самородная медь в количестве 50 фунтов была собрана командой Басова на втором по размерам острове Командорского архипелага осенью 1747 г. Еще 19 фунтов привез из следующего похода 1749–1750 гг. мореход Дмитрий Наквасин. В июне 1751 г. Басов был направлен из Большерецка в Охотск — в свете открытия нового

[1] РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 81.

месторождения и в связи с разбирательством по делу «о взятом им на Беринговом острове казенном ломе» с места бывшей стоянки Камчатской экспедиции. В Охотске он получил инструкцию и прилагавшиеся к ней копии с указов Берг-коллегии, в соответствии с которыми *«поручалось ему описать и положить на карту островов, где находится самородная медь и исследовать месторождение ея»*[1]. Анализ металла, проведенный Берг-коллегией, показал, что найденная в 1747 г. медь *«оказалась лучшею по лигатуре для делания червонцев, подобна японской»*. Поэтому, прежде чем командировать на остров специалиста по горному делу, желали получить предварительные сведения от Басова — о местоположении и количестве руды. В помощь при «освидетельствовании меди» было разрешено взять трех казаков, в числе которых должен был быть кузнец. В 1752 г. поступило подтверждение поручения, но малограмотный Басов был не в состоянии справиться с поставленной задачей, и осенью 1753 г. на Камчатку прибыл посланный от горного ведомства обер-гиттенфервальтер Петр Яковлев.

Летом следующего года Яковлев отправился на Командоры на шитике «Св. Капитон» с мореходом Наквасиным (из-за разыгравшегося вокруг шитика скандала Басова в поход не взяли). Зимовку «Св. Капитон» провел на о. Беринга в гавани Низовцева — на месте современного села Никольского. Оправданием простоя послужил предлог, что на о. Медном не осталось морских «коров для пропитания». На деле интерес большинства компаньонов сводился не столько к изучению месторождения и составлению карты, сколько к добыче ценной пушнины. Прокормить себя на о. Медном не составило бы труда, а вот численность дорогостоящих морских бобров к тому времени там действительно изрядно снизилась. В результате пребывания на о. Медном летом 1755 г. горная команда во главе с Петром Яковлевым детально обследовала северо-западную оконечность острова.

Кроме того, Яковлев был первым и единственным исследователем, забившим тревогу в связи с катастрофическим падением численности морской коровы. Как следует из контекста, в хищническом способе забоя животных он обвинял в первую очередь рабочих конкурирующей кампании Трапезникова, промышлявших бобров на судах «Св. Авраам» и «Св. Николай» под предлогом заготовки провизии для дальних походов — мяса морских коров и сивучей, — а также шкур на лафтаки. Эти охотники промышляли в северной части о. Беринга небольшими

[1] АРГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 2. С. 13.

группами по два-три человека. Коров били с берега или с мелководья специальной поколюгой, но удары, как правило, были не смертельные, и подранки уходили на глубину. Дальше все зависело от удачи: если тушу выбрасывало на берег сразу, она была пригодна в пищу, если проходило более суток, мясо закисало и требовалось забивать следующую. Наряду с хищническим применялся рациональный, по мнению маркшейдера, способ забоя. Он был под силу группе из 8–10 человек.

В ноябре 1755 г. в приказной избе Нижнекамчатского острога Яковлев настаивал на необходимости издания указа от Большерецкой канцелярии, запрещающего малолюдные «вредительные промыслы» морских коров с тем, чтобы и о. Беринга не был опустошен так же, как о. Медный. Но предложение осталось без ответа. Подробный отчет о походе приведен в публикации П.П. Пекарского 1867 г.[1]

По возвращении в 1755 г. на Камчатку маркшейдер предоставил рапорт, а в 1758 г., находясь в г. Якутске, составил описание горных работ и карту о. Медного. Он детально обследовал северо-западную оконечность острова, довольно точно нанес контуры северной и центральной части северо-восточного побережья и подписал бытовавшие названия бухт и рек. Материалы были отправлены в Санкт-Петербург с П.К. Фроловым.

Карта дошла до наших дней в опубликованном варианте: как приложение к статье «Описание острова Медного» Г.И. Спасского (1822 г.) и как иллюстративный лист в отчете Ф.П. Литке о путешествии на шлюпе «Сенявин» (1835 г.). Статья Спасского базируется на отчетах маркшейдера Петра Яковлева и штурманского ученика Потапа Зайкова (поход бота «Св. Владимир» кампании Ореховых 1773–1774 гг.). Гипотетически Яковлев был в состоянии составить карту о. Беринга, так как провел на нем основную часть времени, но, очевидно придерживаясь инструкции, ограничился одним Медным, содержащим искомое месторождение.

В 1767 г. карту Алеутских (и Командорских) островов составил великоустюжский купец Василий Иванович Шилов. Она привлекла внимание Адмиралтейств-коллегии, и императрица наградила купца золотой медалью «За полезные обществу труды». Карта базировалась на материалах, собранных во время промыслового похода на боте

[1] Пекарский, 1867. С. 183–186.

«Св. Андреан и Наталия» 1762–1766 гг. (передовщик[1] и мореход Степан Глотов). На ней довольно точно отражены контуры и последовательность Алеутских островов, вполне узнаваем о. Медный (Медной), на котором артель зимовала в 1762–1763 гг. Но о. Беринга (Камендорской) принял неожиданные очертания: его южная часть в районе мыса Толстого и Байдарной Пристани гипертрофирована, а северная превратилась в слабо выраженный аппендикс. Из-за этого кажется, что остров разросся в восточном направлении. Поскольку известно, что летом 1763 г. Глотов послал на о. Беринга байдару, которая *«привезла оттуда 5 июля от разбитаго пакетбота — железа в разных вещах 22 п., снастей для конапати 10 п., корольков 2,550, свинца 1 ½ ф. и меди котельной 10 ф.»*[2], можно предположить, что промысловики высадились в районе Байдарной Пристани и дальше места бывшего лагеря Второй Камчатской экспедиции не ходили. Странные очертания являются результатом детализации небольшого изученного ими участка.

Согласно записи А.С. Полонского, карту-схему обоих островов составлял штурманский ученик Василий Софьин[3], назначенный на судно «Св. Авраам» мореходом вместо казака Григория Низовцева (Низовцова). К сожалению, обнаружить саму карту не удалось, но есть основания полагать, что собранные им данные дополнили ранний вариант меркаторской карты «Восточное Камчатское море», сочиненной штурманом прапорщичьего ранга Я.И. Шабановым. Яков Иванович был ближайшим помощником М.Д. Левашова. Во время плавания к берегам Аляски 1768–1769 гг. он находился на борту гукора «Св. Павел».

Василий Софьин и последняя морская корова

Гукор «Св. Петр» Второй Камчатской экспедиции был не единственным судном, отстроенным на о. Беринга. В 1752 г. к острову подошел «Св. Борис и Глеб» кампании Никифора Трапезникова, но канат единственного якоря оборвало во время сильного волнения, шитик выбросило на берег и разбило. К счастью, все остались живы. В течение двух зим команда собирала выкидной лес и строила новое судно. Второй шитик нарекли «Св. Авраамом». В 1754 г. «Св. Авраам», ведомый рукой Алексея Дружинина, отправился в морской поход. Он «касался» многих Алеутских

---

1 Человек, ответственный за ведение пушного промысла и выполнение инструкций администрации порта приписки, а также за груз на судне.

2 АРГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 2. С. 76.

3 АРГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 2. С. 95.

островов, но приставать к ним не решался из-за многолюдства жителей. Пространствовав некоторое время, он вернулся на родной о. Беринга, и только через три года, в 1757 г., впервые увидел Камчатку.

В 1759 г. Трапезников продал шитик московскому купцу Ивану Никифорову, но тот через два года умер, и суденышко вновь перешло Трапезникову. В октябре 1765 г. «Св. Авраам» наконец спустили на воду, но осенними штормами его понесло в курильскую сторону и вскоре выбросило возле реки Ходутки. Мореходом в том злополучном походе был казак Григорий Низовцев. При выкиде на берег шитик не понес сильного урона и был исправлен в течение зимы.

Вместо Низовцева мореходом взяли штурманского ученика Василия Софьина (Софьинского). 24 июля «Св. Авраам» вышел в море и через несколько дней подошел к о. Медному. Вскоре шитик «коснулся земли» и был поврежден настолько, что идти на нем на восток Софьин не решился. Сначала хотели поднять судно на берег и починить, но из-за недостатка леса для покатей и сложного рельефа сделать это не удалось. Тогда решили его полностью разобрать. В течение двух лет команда занималась промыслом и строила новое судно — «Св. Петр и Павел». Основная группа (не более 30 человек) трудилась на о. Медном, в то время как 14 человек перешли на байдаре на соседний о. Беринга.

В обратный путь двинулись 29 июля 1768 г. — забрали товарищей с о. Беринга, а затем взяли курс на Камчатку. Нет сомнений, что в эти дни команда пересекалась с экспедицией Левашова и Креницына, корабли которой проследовали вдоль юго-западного побережья о. Беринга, а затем пересекли пролив между островами.

Согласно официальной версии, члены правительственной экспедиции 1764–1770 гг. были последними свидетелями, видевшими, как промышленники добывают морскую корову[1]. Сопоставив даты, легко понять, что речь о той самой группе из 14 человек, которая промышляла отдельно от основной бригады. Скорее всего, туша была разделана недалеко от современного села Никольского.

Сборы на острове должны были занять несколько дней: следовало упаковать пушнину, ошкурить корову, вытопить жир. Но основная задержка произошла по дороге на Камчатку. Свирепствовавшие встречные ветры не позволяли суденышку двигаться на запад, к полуострову смогли подойти только в сентябре. К тому времени команда от недостатка воды и провизии дошла до последней крайности. Но ветер

[1] Sauer, 1802. P. 181; Baer, 1840. S. 69.

не прекращался и не давал зайти в реку. Тогда решили выгружаться в несколько приемов на елботах, а выгруженное судно затащили по покатям на берег.

Помимо пушнины Софьин привез 1 пуд 35 фунтов меди и предоставил карту Командорских островов.

Складывается впечатление, что картографическая работа была выполнена Василием Софьиным не по личной инициативе, а по просьбе Михаила Левашова — именно он занимался «описью» Командорских островов. Для исследователя были крайне важны наблюдения морехода, прожившего на островах два года. Эту версию косвенно подтверждают расхождения в двух версиях карты Шабанова: одна из них хранится в архиве Петербурга, другая — в университете Фэрбенкса[1]. «Американская» карта выглядит более ранней: на ней отсутствует северная часть о. Беринга, и контуры островов прорисованы менее детально. На «российской» о. Беринга изображен полностью, а фрагмент северо-восточного побережья о. Медного (на обеих картах представлен только фрагмент острова) более узнаваем. Принципиальных расхождений в изображении Алеутских островов не наблюдается. Отличается только способ счисления времени — в ключевых точках маршрута указаны даты с разностью в сутки. Дело в том, что до 1925 г. наряду с начинающимися в полночь гражданскими сутками бытовали также «морские» и «астрономические». Морские начинались в полдень уже наступивших гражданских, т. е. опережая привычное время на 12 часов, а астрономические, напротив, — в полдень предыдущих. Обе карты подписаны одинаково: *«Опись морской секретной экспедиции, под главною командою Флота Капитана Креницына, из плаваньев Гукора С. Павла, под командою Флота Капитан Лейтенанта Левашова в 1767м Году. В следствии от Большерецкаго устья до устья реки Камчатки, Камчатской берег чрез плаванье пеленгами связан и против прежних карт много поправлен,* ***а в 768м и 769м годах командорской и медной острова, чрез плавание от Камчатскаго устья, и по обсервациям, в своих местах утвержденных****; а оттого к Востоку лежащия острова сколько нам видно было, до острова Аляксы морем описаны. В острове Уналакше гавань С. Павла и Аляксинской пролив обсервациями утверждены, во время зимовки 768го года, в проливе галиота С. Екатерины; а в гаване Гукора Павла. Между ими острова чрез*

[1] РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 92; ADA. G9236 S12 [177_] S521.

четыре-кратное Гукора плаванье от Уналакши к тому проливу и от пролива к Уналакше пеленгами связаны, и с натурою положения сходны быть могут. Положение румба и разность длины, между видимаго нами Августа 19го дня 768 года острова и Аляксинскаго пролива, взято со учиненной из наших плаваньев и связанной пеленгами плоской карты. А где какое склонение компаса употреблено нами было значит на сей карте при плавании. На оной же карте путь, от Камчатки к островам значит черными линеями, а обратной к Камчатке путь теми же линеями пунктирно. Под смотрением Командующаго Гукора С. Павла. Сочинена Штурманом ранга прапорщичья Яковом Шабановым».

Но все же остается вопрос: если Софьин провел на островах два года, почему изображена лишь часть о. Медного? И к каким «российским картам» апеллировал в 1791 г. Сарычев? Очевидно, значительная часть исследовательской деятельности российских мореходов так и останется «за кадром».

Экспедиция П.К. Креницына и М.Д. Левашова

Первая карта Командорских и Алеутских островов, составленная к 1764 г. по итогам морских походов российских купцов и промышленников, была, по сути, примитивной схемой, отражавшей лишь последовательность островов и приблизительную ориентацию их по сторонам света — без градусной сетки и с сильно искаженными пропорциями. К этому времени назрела необходимость проверки собранных данных и проведения полноценной инструментальной съемки. Толчком для организации экспедиции стало открытие «Св. Иулианом» Лисьих островов (поход 1758–1762 гг. кампании И. Никифорова). 4 мая 1764 г. вышел Указ императрицы Екатерины II об организации специальной экспедиции. Экспедиции предписывался режим строжайшей государственной секретности. На пост руководителя Адмиралтейств-коллегия постановила назначить Петра Кузьмича Креницына (ок. 1728–1770), а ему в помощники утвердить офицера для командования вторым судном. Имея возможность сделать собственный выбор, Креницын указал на Михаила Дмитриевича Левашова (ок. 1738 — ок. 1775), которого хорошо знал по Кольбергской операции (оба участвовали в Семилетней войне).

1 июля 1764 г. команда из 16 человек выступила из Санкт-Петербурга и осенью прибыла в Тобольск. Там сибирский губернатор Д.И. Чичерин озвучил более конкретные задачи и вручил пакет инструкций. «Экспедиция о возобновлении китовых и других звериных и рыбных промыслов» помимо официальной цели принести *«пользу*

мореплаванию и купечеству на востоке» имела секретное задание встретиться в районе Камчатки с экспедицией В.Я. Чичагова, чьи суда должны были *«учинить поиск морского проходу Северным океаном в Камчатку»* (встреча не состоялась, поскольку предположение Ломоносова, что центральная часть Арктики свободна ото льда, оказалось ошибочным). В Тобольске к экспедиции присоединился бывавший на островах в 1760–1763 гг. нежинский купец Прокопий Лисенков (см. с. 120) а позже — 9 учеников навигацких школ Томска и Иркутска и 20 якутских казаков. В октябре 1765 г. команда прибыла в Охотск. Планировалось выйти в море летом 1766 г. и перезимовать на Командорских островах, но подготовка к походу завершилась только к осени. В состав эскадры вошли новоотстроенные бригантина «Св. Екатерина» и гукор «Св. Павел», в сопровождение были выделены суда Охотского порта: галиот «Св. Павел» и бот «Св. Гавриил».

10 октября 1766 г. экспедиция вышла в море. На третий день корабли потеряли друг друга из виду. «Св. Екатерина» достигла Большерецка и стала на якорь. Но в ночь на 24 октября начался мощный шторм, и бригантину понесло к берегу и посадило на мель. Едва команда успела высадиться, корабль разбило ударами волн. Левашову удалось отвести гукор к низменному берегу, «Св. Павел» также сел на мель, но почти не пострадал. «Св. Гавриил» вошел в устье р. Большой, был выброшен на берег и оказался непригоден для дальнейшего плавания. Печальнее всего была участь галиота — он разбился в щепы у Седьмого Курильского острова, из 43 человек погибло 30. Вместо бригантины был отстроен галиот «Св. Екатерина».

23 июля 1768 г. галиот «Св. Екатерина» под командованием капитана 2-го ранга Креницына и гукор «Св. Павел» под командованием капитан-лейтенанта Левашова вышли из устья Камчатки и 27/28 июля[1] подошли к юго-западному побережью Командорского, или Берингова, острова. В это время с о. Медного готовился к отплытию недавно отстроенный шитик «Св. Петр и Павел» (мореход — В. Софьин). Шитик вышел 29 июля и взял курс на соседний о. Беринга, где промышляли 14 человек команды. Экспедиционные корабли прошли проливом между островами Беринга и Медным: 29/30 июля они находились в точке напротив мыса Манати. Все говорит в пользу того, что именно здесь, в проливе, встретились «Св. Павел» Левашова и «Св. Петр и Павел» Софьина. Но прежде

[1] На картах Шабанова указаны разные даты (см. с. 40–41).

члены морского отряда стали свидетелями того, как промышленники беринговской команды убили «последнюю» морскую корову.

11 августа гукор и галиот потеряли друг друга из виду и встретились уже у берегов о. Уналашка. За время перехода Левашов нанес на карту восточную часть Андреяновских островов. На Уналашке суда запаслись водой и отправились дальше, до о. Унимак и Аляски. 5 сентября они вновь разлучились, уже до весны следующего года. «Св. Павел» вернулся на Уналашку и бросил якорь в заливе, названном Макушинским, а затем встал на зимовку в бухте, получившей название бухты Св. Павла. На острове Левашов встретил русских промышленников с аманатами[1] (вероятно, команду «Св. Андреяна и Наталии» с мореходом Лукой Вторушиным, покинувшую о. Медный незадолго до прихода экспедиционных кораблей). Отношения у русских с местным населением складывались непростые, но Левашову удалось расположить алеутов к себе. Четверо тойонов с о. Акутан в знак доверия сами привезли своих детей в аманаты. 10 мая следующего года алеуты помогли связаться с Креницыным. Он зимовал на о. Унимак в более тяжелых условиях, и большая часть экипажа погибла от цинги.

23 июня 1769 г. «Св. Екатерина» и «Св. Павел» отправились в обратный путь и 24 августа прибыли в Нижнекамчатск. По пути было сделано описание Четырехсопочных островов. 29 июля 1769 г. корабли вновь подошли к северной оконечности о. Медного и сделали отметку: *«На сих камнях множество бывает морских зверей Сиучей и Котов; а на мысу находят медную руду, тутже и самую медь выкидывает из моря боруном»*[2]. 2 и 3 августа держались северо-восточного побережья о. Беринга. В эти дни ни одна артель на островах не промышляла.

Экспедиция Левашова и Креницына положила начало систематической съемке Алеутских и Командорских островов, утвердив их «на своих местах». Левашов собрал богатейший этнографический материал и из собственных рисунков составил «Атлас видов Камчатских и Алеутских островов». Креницын оставил в журнале важные записи о сейсмической активности. Географическими результатами экспедиции пользовались все русские и иностранные мореплаватели, в том числе Джеймс Кук.

---

1 В данном случае: человек или группа лиц (обычно это были дети или подростки), переданные местной общиной в залог мирных, а иногда даже доверительных отношений.

2 РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 92; ADA. G9236 S12 [177_] S521.

Следующие уточнения были внесены секретной астрономической и географической экспедицией Биллингса — Сарычева во время плавания в 1791–1792 гг. в акватории северной части Тихого океана. Шхуна «Слава России» провела у берегов Командор около 2 суток, за это время были уточнены береговые линии обоих островов и расположение о. Медного, впервые обозначенного на месте, соответствующем реальному географическому положению[1]. Внесенные исправления оказались очень существенными, поскольку на популярной в то время карте Дж. Кука координаты северной оконечности о. Медного были указаны с большой погрешностью.

Описание Командорских островов сделал зимовавший в 1783–1784 гг. на о. Беринга Григорий Иванович Шелихов[2]. Его карта 1793 г. не уступает карте Сарычева, а в некоторых деталях даже превосходит ее. Во всяком случае, очертания о. Беринга у Шелихова указаны намного точнее.

Экспедиция Биллингса — Сарычева

В отличие от экспедиции Левашова и Креницына необходимость нового похода была продиктована не успехами русских первопроходцев, а возросшей активностью иностранных мореплавателей на севере Тихого океана. Начало Северо-Восточной экспедиции было положено указом Екатерины II от 8 августа 1785 г. Основной целью было подтверждение приоритета русских открытий и обеспечение обороноспособности дальневосточных владений. В число задач входило картирование побережья Чукотки и *«многих островов на Восточном океане, к американским берегам простирающихся»*, а также присоединение новооткрытых земель. «Диким жителям» тех земель надлежало *«вселить хорошие мысли о россиянах»*, а тойонам вручать *«зделанные на таковый случай медали»*. Копия медали «Союзные России» для поощрения старейшин выставлена в экспозиции Алеутского краеведческого музея[3].

Руководителем Северо-Восточной экспедиции был назначен 24-летний Дж. Биллингс (1761–1806). В число участников входили офицеры Роберт Галл (1761–1844), Гавриил Андреевич Сарычев (1763–1831) и Христиан Тимофеевич Беринг (1761–?), внук Витуса Беринга. Г.А. Сарычев по старшинству был только третьим в экспедиции, но впоследствии

---

1 РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 705. Л. 1.

2 Шелихов, 1793. С. 3–4, 132–133.

3 АКМ. АКМ ГИ 117.

заслуги исследователя подняли его на один уровень с Биллингсом. Научную часть возглавлял врач иркутского госпиталя Карл Мерк (ок. 1761 — ок. 1799), инструкцию по сбору ботанических, зоологических и этнографических коллекций для него составлял П.С. Паллас. Секретарем и переводчиком Биллингса был Мартин Сауэр, чья книга о походе не менее известна (хотя на момент опубликования была расценена как государственная измена).

Не имея причин рассказывать о ходе всей экспедиции 1785–1793 гг. и плавании к Чугачской губе и восточным островам 1790 г., остановимся только на затрагивающем Командорские острова морском походе 1791–1792 гг.

Трехмачтовая шхуна «Слава России» под командованием Биллингса была спущена на воду 10 июня 1789 г. Вскоре на охотской верфи был построен второй корабль — «Доброе намерение», но спустя всего лишь два месяца шхуна под командованием Галла попала в сильную зыбь, была выброшена на берег и разбита. Строительство второго судна возобновилось в Нижнекамчатске во время зимовки 1790–1791 гг., руководили работами сам Галл и Х. Беринг. Военный катер «Черный орел» был спущен на воду 25 июня 1791 г.

16 мая 1791 г. «Слава России» с капитаном 1-го ранга Биллингсом и капитаном 2-го ранга Сарычевым на борту вышла из Авачинской губы, но вскоре из-за встречных ветров была вынуждена вернуться и простоять на якоре до 19 числа. При попутном ветре шхуна направилась к устью реки Камчатки для встречи с Галлом, поскольку все рассчитывали, что катер будет построен к концу месяца. *«Капитану Галлу дано было о сем знать»* и в случае, если бы он вышел в море раньше, *«велено ожидать <…> у северной оконечности Берингова острова, до 29 Маия»*[1]. Но катер построен не был (о чем на тот момент не знали), а встречные ветра не пускали «Славу России» на север, поэтому было решено повернуть к о. Беринга и ожидать встречи там.

27 мая на горизонте появился означенный остров. Вечером шхуна приблизилась к юго-западному побережью в месте, где возвышались «довольно высокие горы» и при WZW ветре пошли вдоль берега на север. В полночь корабль, гонимый усилившимся прижимным ветром, чуть не налетел на «отделившийся от берега высокий камень» (по всей видимости, о. Арий Камень). Прошли в непосредственной близости от него. Утром, обогнув «северной низменной мыс», повернули на юго-восток.

[1] Сарычев, 1802. С. 72.

«В сие время проходили мы весьма близко от того места, где Командор Беринг, при возвратном пути из Америки будучи в бедственном положении, принужден был пристать к острову, где и окончил жизнь свою. Мы очень сожалели, что нам не можно было съехать на берег, посмотреть место, где погребен первый сей по здешним морям плаватель, и отдали долг праху его одним воспоминовением…», — писал Гавриил Андреевич. Очевидно, высадка на берег состоялась в другом месте, поскольку Мерк успел собрать небольшой гербарий[1].

Пройдя назначенное место встречи и не увидев «Черного орла», Биллингс принял решение идти к Алеутским островам. К вечеру сгустился туман, и капитан, прокладывая путь по английской карте, сочиненной во время путешествия Джеймса Кука (сам Кук к Командорам не подходил), определил его под таким углом, что, согласно российской карте, он привел бы прямо в средину о. Медного. Сарычев с трудом убедил командира *«переменить предпринятой им путь на два румба к Северу»*. Это спасло корабль. Когда рано утром туман немного рассеялся, команда увидела, что *«прошли мимо северной оконечности Меднаго острова, в разстоянии не более 200 сажен, и каменья подводные были видны за кормою судна»*[2]. Тогда все, и в том числе Биллингс, не доверявший русским картам, удостоверились, что и Кук может ошибаться.

Обойдя о. Медный, «Слава России» взяла курс на Ближние острова. Миновали Атту, Семичи, Булдырь, Кыску, сделали небольшую остановку на Танаге, пошли к Андреяновским и Лисьим, а затем на Уналашку, с которой отправились на острова Прибылова и в залив Св. Лаврентия…

Отчеты экспедиции включают географические, метеорологические, гидрографические, астрономические, этнологические, биологические наблюдения и зарисовки местности. Кроме того, Биллингс подверг резкой критике кампанию Г.И. Шелихова за жестокое обращение с туземцами, вызвав этим шагом протесты со стороны заинтересованных российских чиновников.

В 1816 г. капитан 2-го ранга Василий Михайлович Головнин (1776–1831) был направлен императором в инспекционную поездку по территории Русской Америки. Одна из поставленных задач — производство астрономической съемки и уточнение координат северных земель. В августе 1817 г. шлюп «Камчатка» вышел из Кронштадта, пересек

---

1 Hulten, 1927. P. 8.

2 Сарычев, 1802. С. 73–74.

Атлантику, обогнул мыс Горн и через Тихий океан дошел до Камчатки. 21–22 июня 1818 г. он находился у побережья Командорских островов[1].

Подход к о. Медному был обусловлен необходимостью разрешить спор: в какой точке находится северная оконечность острова? Сарычев утверждал, что на карте Кука северо-западный мыс положен 25 минутами южнее реальной широты. «Камчатка» миновала южную оконечность о. Беринга, не приближалась к нему, и взяла курс на о. Медный. Пользуясь возможностью, Головнин положил координаты южных оконечностей обоих островов на карту[2]. Астрономическую съемку, вероятнее всего, проводил занимавший пост начальника гидрографической экспедиции мичман Ф.П. Литке, ассистировать ему мог гардемарин А.К. Этолин.

Обогнув юго-восточный мыс, шлюп двинулся вдоль северо-восточного побережья о. Медного. Порывы ветра не позволили осуществить высадку. В 7-м часу вечера низкая облачность скрыла остров из виду, и капитан, не желая больше терять драгоценного времени, направил «Камчатку» к берегам о. Атту. Дальше его путь пролегал через Кадьяк и Ситку в Форт-Росс, оттуда на Гавайи, Марианские и Молуккские острова и через Индийский океан к мысу Доброй Надежды, а затем обратно в Кронштадт.

Маршруты кораблей «Слава России» Биллингса (1791 г.) и «Камчатка» Головнина (1818 г.) на карту Командорских островов нанес Ф.П. Литке[3] — во время кругосветной экспедиции на шлюпе «Камчатка» 1817–1819 гг. или сразу после нее.

Второй раз Федор Петрович подходил к командорским берегам осенью 1827 г., по пути следования на Камчатку. На борту военного шлюпа «Сенявин» (поход 1826–1829 гг.) кроме командира Ф.П. Литке (1797–1882) находились натуралист экспедиции барон Фридрих Генрих фон Киттлиц (1799–1874) и судовой врач, а по совместительству ботаник Андрей Карлович Мертенс (1796–1830). 7 сентября[4] шлюп прошел севернее о. Медного и следующий день посвятил изучению северной стороны о. Беринга. За время краткосрочной высадки на остров Киттлиц и Мертенс успели собрать небольшой гербарий.

---

1 Головнин, 1949. С. 317.

2 Литке, 1835. С. 344.

3 РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 150. Л. 3.

4 В французской версии: *«20 сентября мы прибыли в северо-восточную точку этого острова»*. Литке, 1835. С. 143, 344–349; Lütke, 1835. P. 274–277.

Литке намеревался разыскать селение при Гавани, ошибочно полагая, что оно находится на северном побережье. Но после встречи с жителями селища Саранного (название селения в отчете не фигурирует, но казарма и строящиеся жилища на карту нанесены) изменил свои планы и ограничился информацией, полученной от промысловика Сенькова. Островитяне подошли к «Сенявину» на странной парусной конструкции. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это три байдарки, связанные между собой. На центральной был закреплен кол, удерживающий два шерстяных одеяла, исполнявших роль полотнища. Литке отметил, что эти байдарки шире лисьевских, а сами гости не слишком хорошие мореходы. Впрочем, это замечание следует относить не к алеутам, а к русскому «командиру», после встречи гордо сошедшему на борт своего импровизированного корабля. Алеуты сидели в люках боковых байдарок и спокойно гребли.

Описание Командорских островов, приведенное в труде Литке, базируется главным образом не на его личных впечатлениях, а на всевозможных отчетах и рассказах. Сеньков предлагал дать ему провожатого, чтобы посетить Гавань, но капитан отказался, считая, что устной информации достаточно. Другая особенность публикаций заключается в том, что французский текст не идентичен русскому, в первом случае содержится больше красочных путевых заметок, интересных широкому кругу читателей, в то время как в русскоязычной версии доминируют таблицы и сухие отчеты.

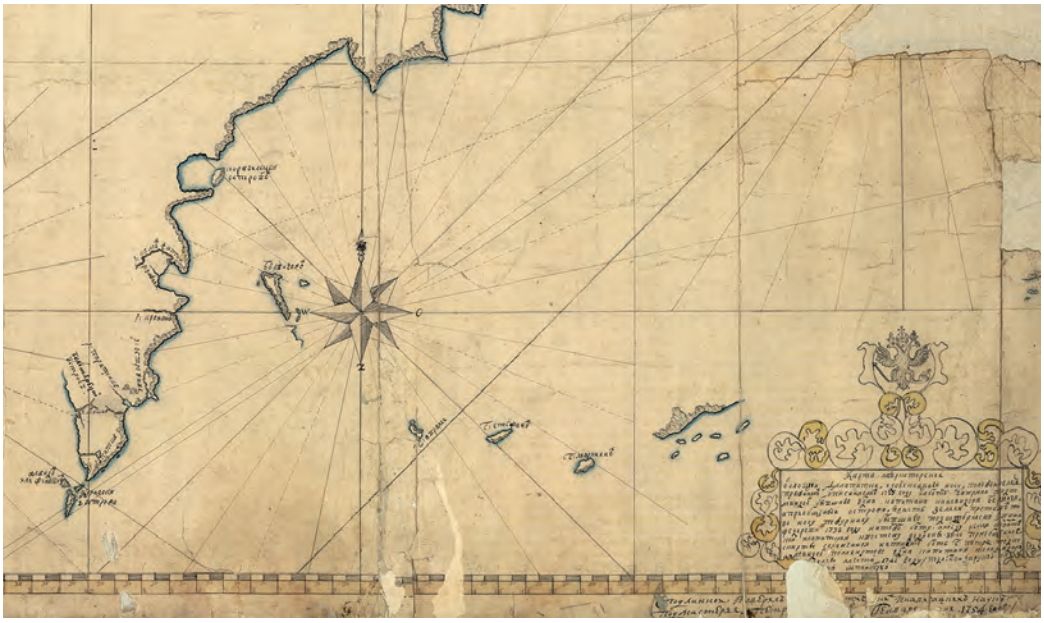
«Плоская карта части о-ва Беринга 1827 г.» с указанием маршрута Литке была составлена лейтенантом Д.И. Завалишиным и заверена самим Литке[1]. Дмитрий Иринархович (1804–1892) лично никогда не был на Командорских островах, но в 1822–1824 гг. посещал восточные владения Русской Америки во время кругосветного путешествия на фрегате «Крейсер» под командованием М.П. Лазарева. За участие в декабристском движении он был осужден на каторгу и в январе 1827 г. переведен из Петропавловской крепости в Сибирь. Вернулся в Москву в 1863 г. Учитывая непростой жизненный путь Завалишина, год и место составления карты неясны. Это первая работа, на которой отмечено будущее село Никольское и подписан о. Новый, он же Сивучий (Сивучей, Сиучий) камень, совр. о. Арий Камень.

С началом заселения островов карты становились все точнее. Формировались топонимы, большинство из которых дошли до наших дней.

---

[1] РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 200.

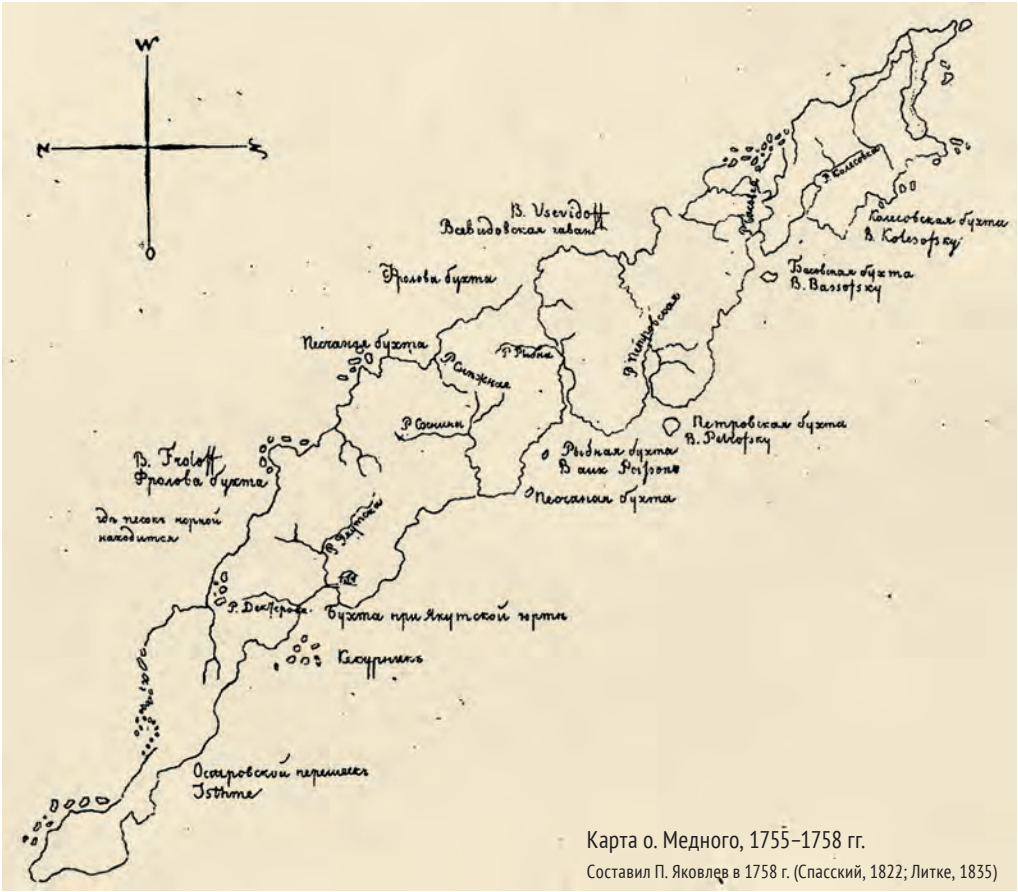
Карты Командорских островов, 1740–1940-е годы

Карта меркаторская от Охоцка до Лопатки и до Чукоцкаго Носу <...>, 1740-е гг. (фрагмент)
Составил М. Шпанберг, переснял Ф. Трапезников в 1754 г. (РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 70. Л. 2)

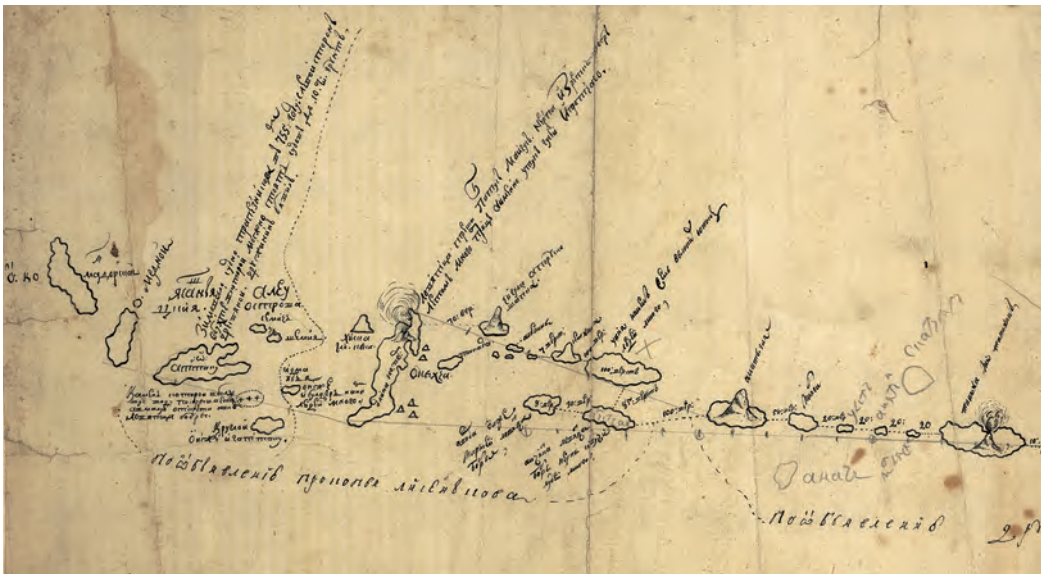

Карта, сочиненная по материалам похода Второй Камчатской экспедиции к берегам Америки 1741–1742 гг. (фрагмент)
Составили С. Ваксель и С. Хитров в 1744 г., переснял П. Расторгуев в 1754 г. (РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 79)

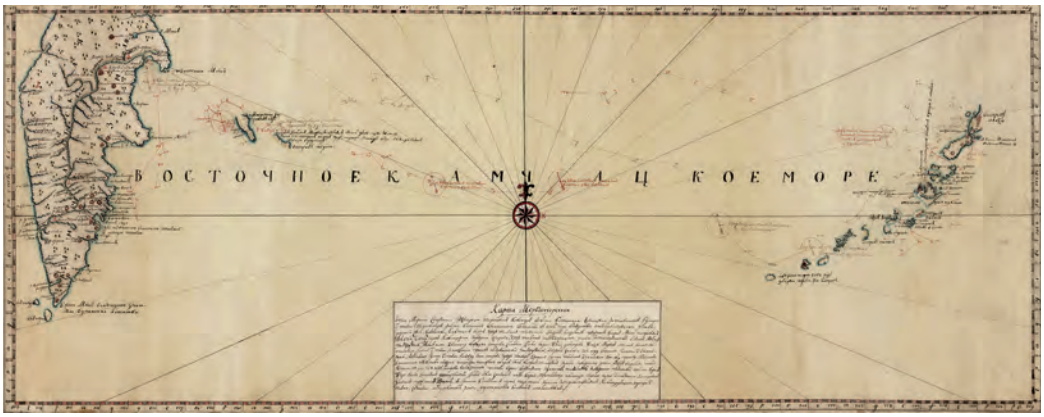
Карта о. Медного, 1755–1758 гг.

Составил П. Яковлев в 1758 г. (Спасский, 1822; Литке, 1835)

Карта Алеутских островов, составленная по рассказам промышленников 1755–1764 гг. (фрагмент)

(РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 81)

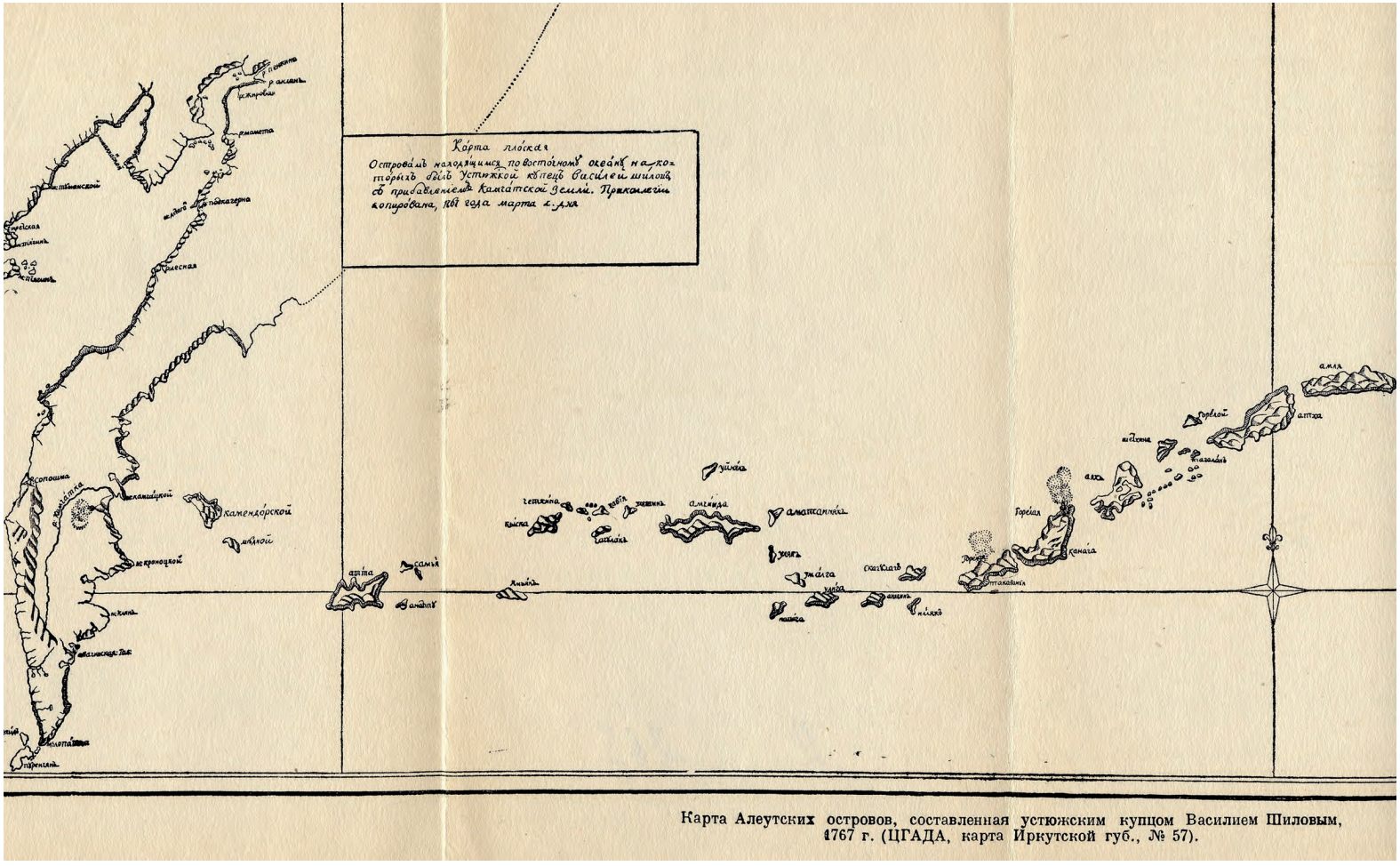

Составил Я. Шабанов предположительно в 1772 г. (ADA G9236 S12 [177_] S521)

Составил Я. Шабанов (РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 92) (фрагмент)

Карта меркаторская «Восточное Камчатское море», сочиненная по материалам экспедиции П. Креницына и М. Левашова 1767–1769 гг.

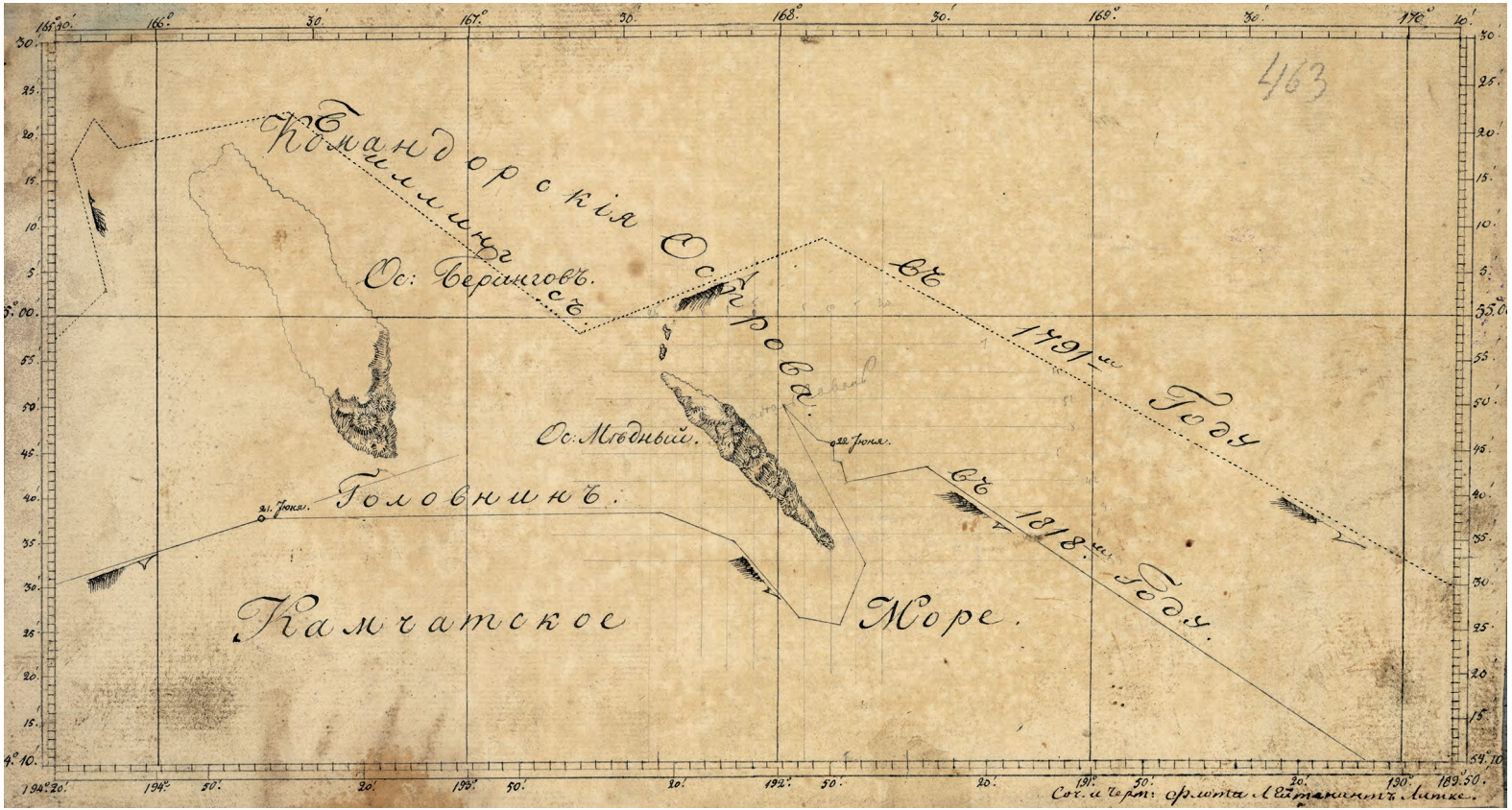
Карта Камчатки, Командорских и Алеутских островов, 1767 г. (фрагмент)

Составил В. Шилов (Русские открытия..., 1948)

Карта меркаторская «Северовосточной части Сибири, Ледовитаго моря, Восточнаго и Северозападных берегов Америки», 1790-е гг. (фрагмент)

Составил Г. Сарычев (РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 705. Л. 1)

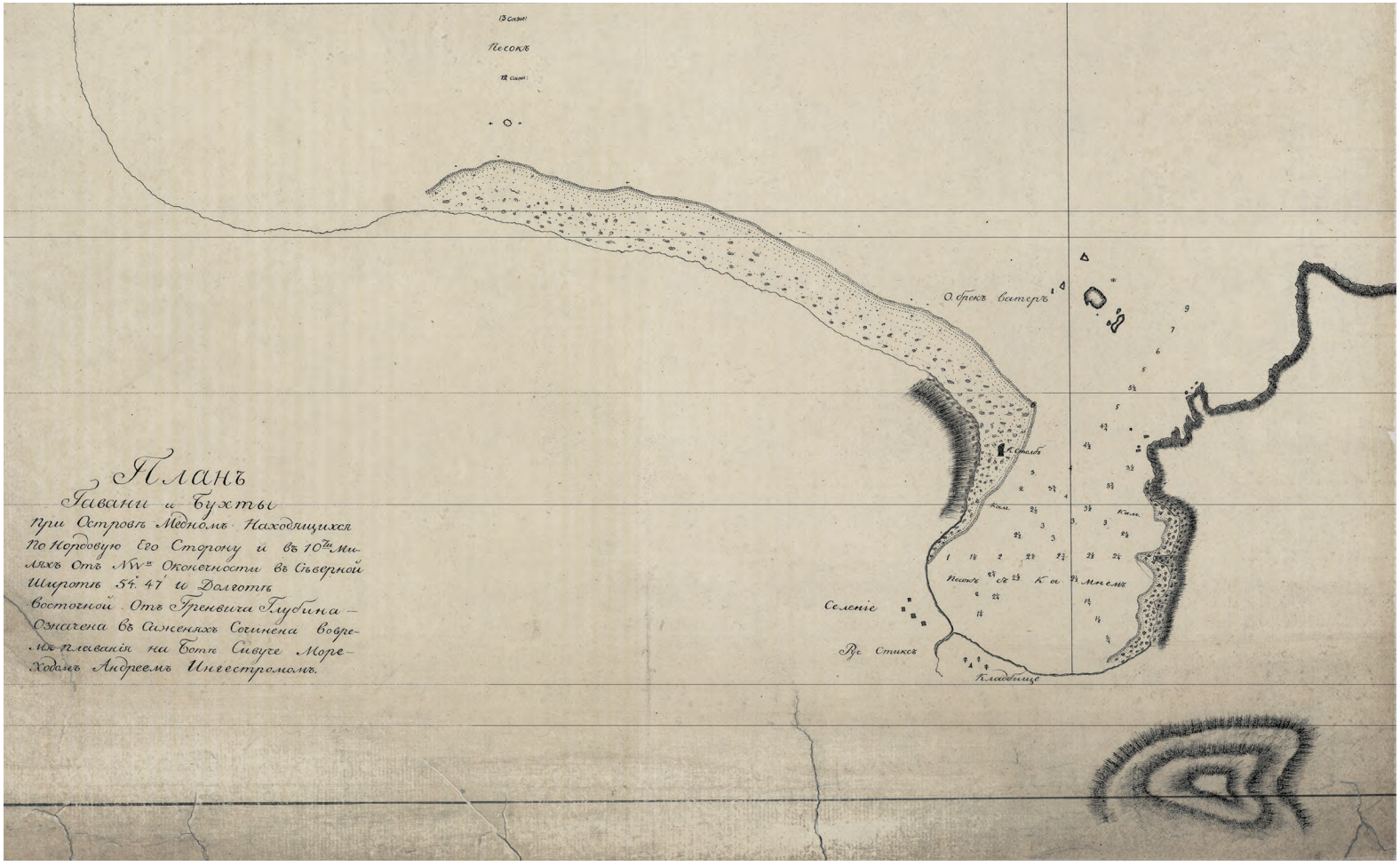

Карта Командорских островов с указанием путей шхуны «Слава России» под командованием Биллингса (1791 г.) и шлюпа «Камчатка» под командованием Головнина (1818 г.)
Составил Ф. Литке (РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 150)

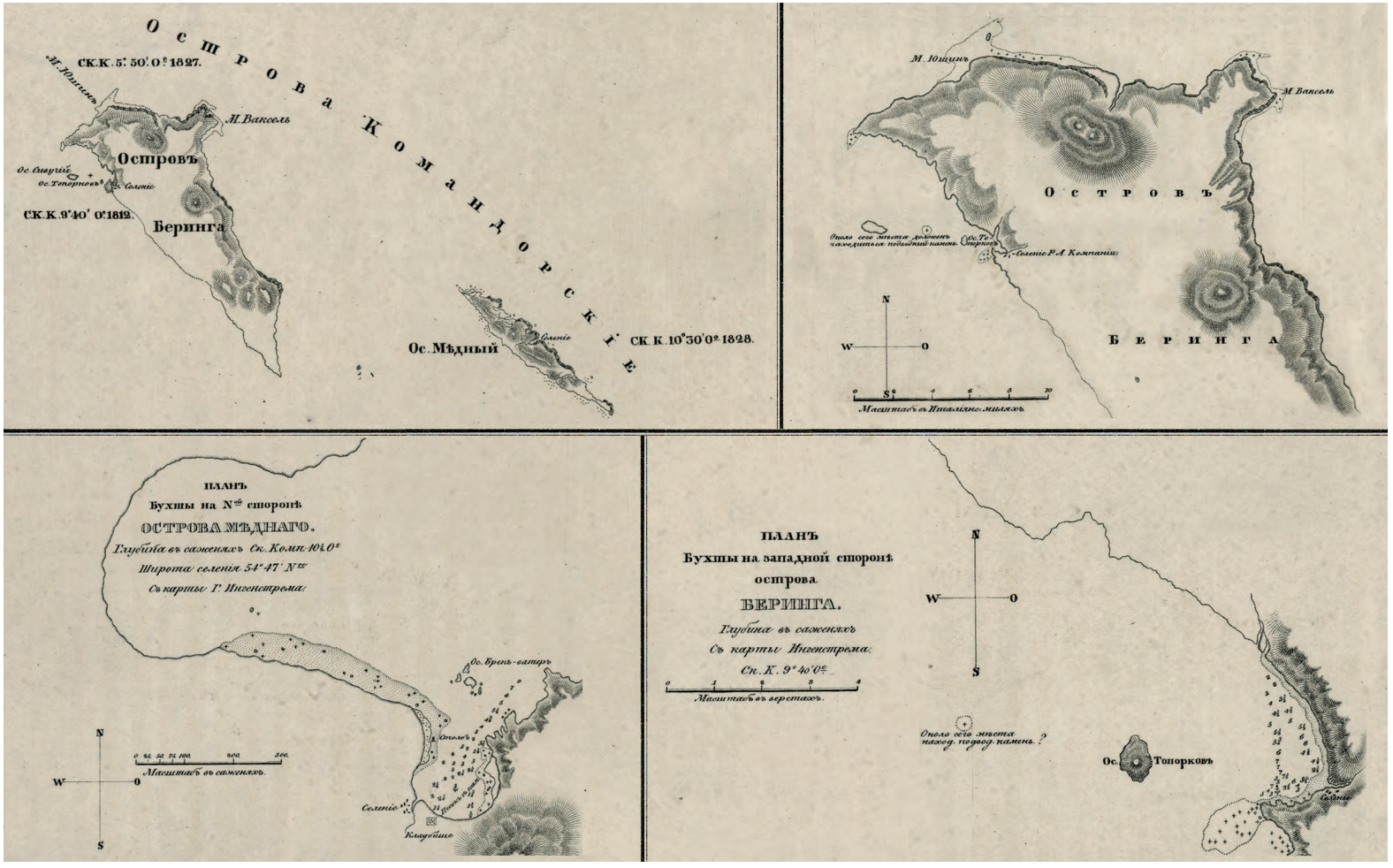
Карта о. Беринга с указанием пути шлюпа «Сенявин» в 1827 г.

Составил Д. Завалишин, заверил Ф. Литке (РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 200)

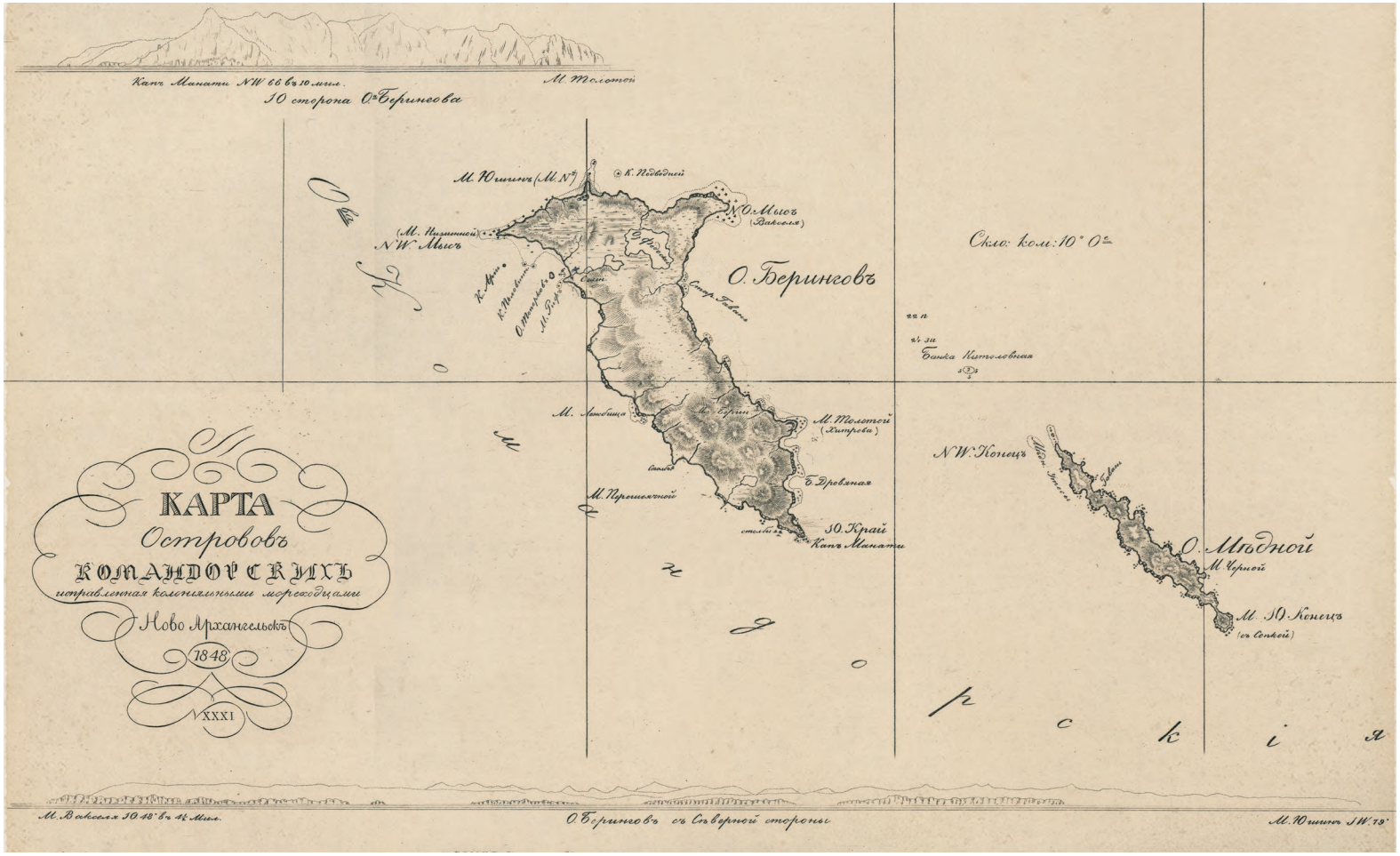

План
Гавани и Бухты
При Островъ Медномъ Находящихся
По Норовую Его Сторону и въ 10ти Миляхъ Отъ NWго Оконечности въ Сѣверной Широтѣ 54. 47' и Долготѣ Восточной Отъ Гренвича Глубина — Означена въ Саженяхъ Сочинена во время плаванія на Ботѣ Сивуче Мореходомъ Андреемъ Ингестромомъ.

План гавани и бухты на о. Медном, 1830 г.
Составил А. Ингестром (РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 247)

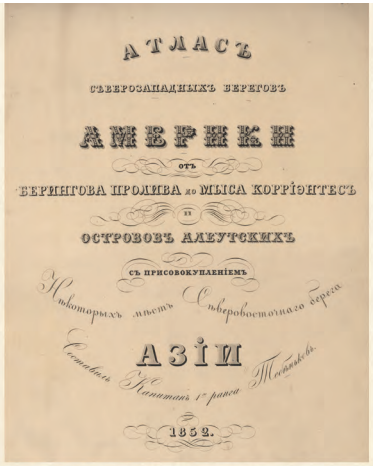

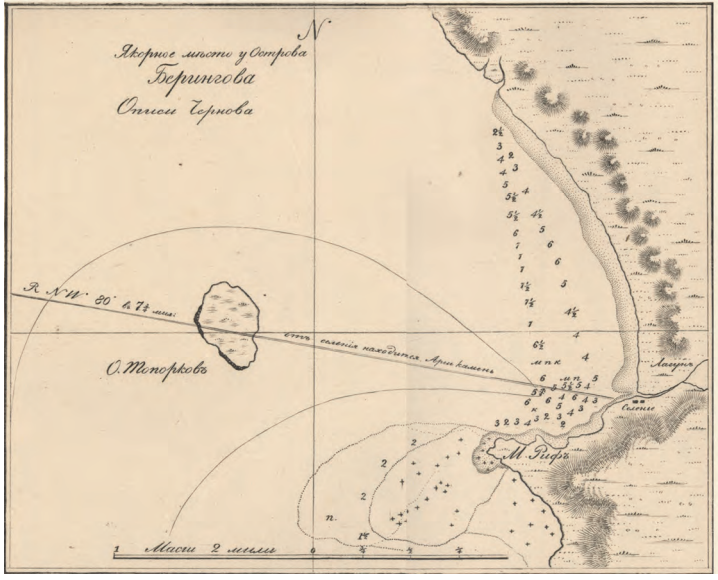
Меркаторская карта Восточного океана и Берингова моря с Алеутскими и Командорскими островами, 1848 г. (фрагменты)
(РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 10. Д. 92)

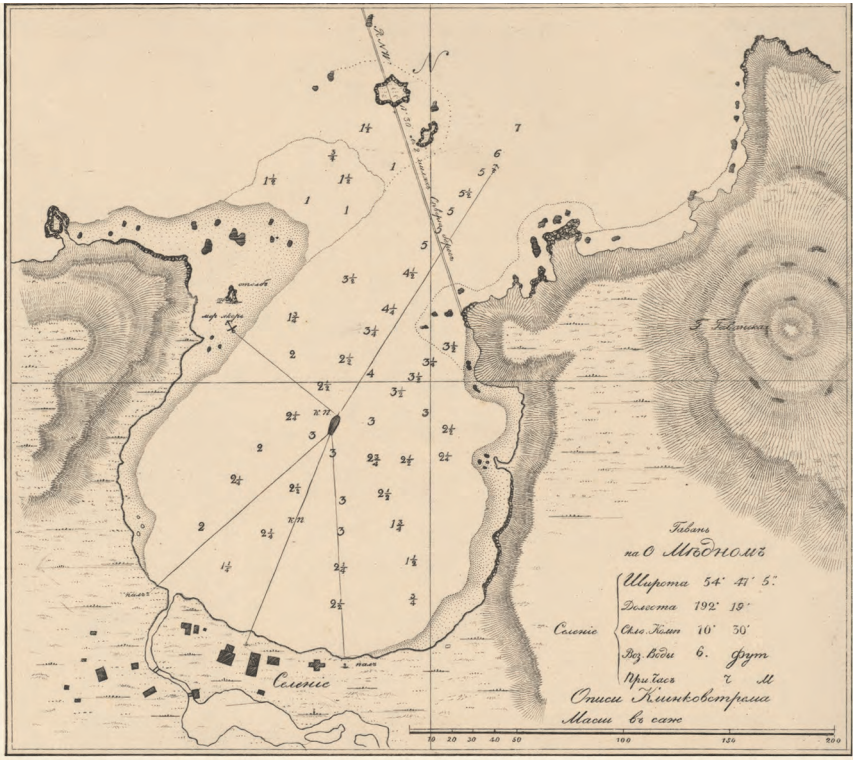

Карта Командорских островов, исправленная колониальными мореходами (фрагменты)

Ново-Архангельск, 1848 г. (Тебеньков, 1852)

Карта Командорских островов, исправленная колониальными мореходами (фрагменты, обложка атласа)

Ново-Архангельск, 1848 г. (Тебеньков, 1852)

Карта Командорских островов, 1882 г. (фрагменты)

Составил И. Зандман, исправил Н.Н. Беклемишев, дополнил Н.А. Гребницкий (Сборник... Т. 3. Вып. 2, 1882)

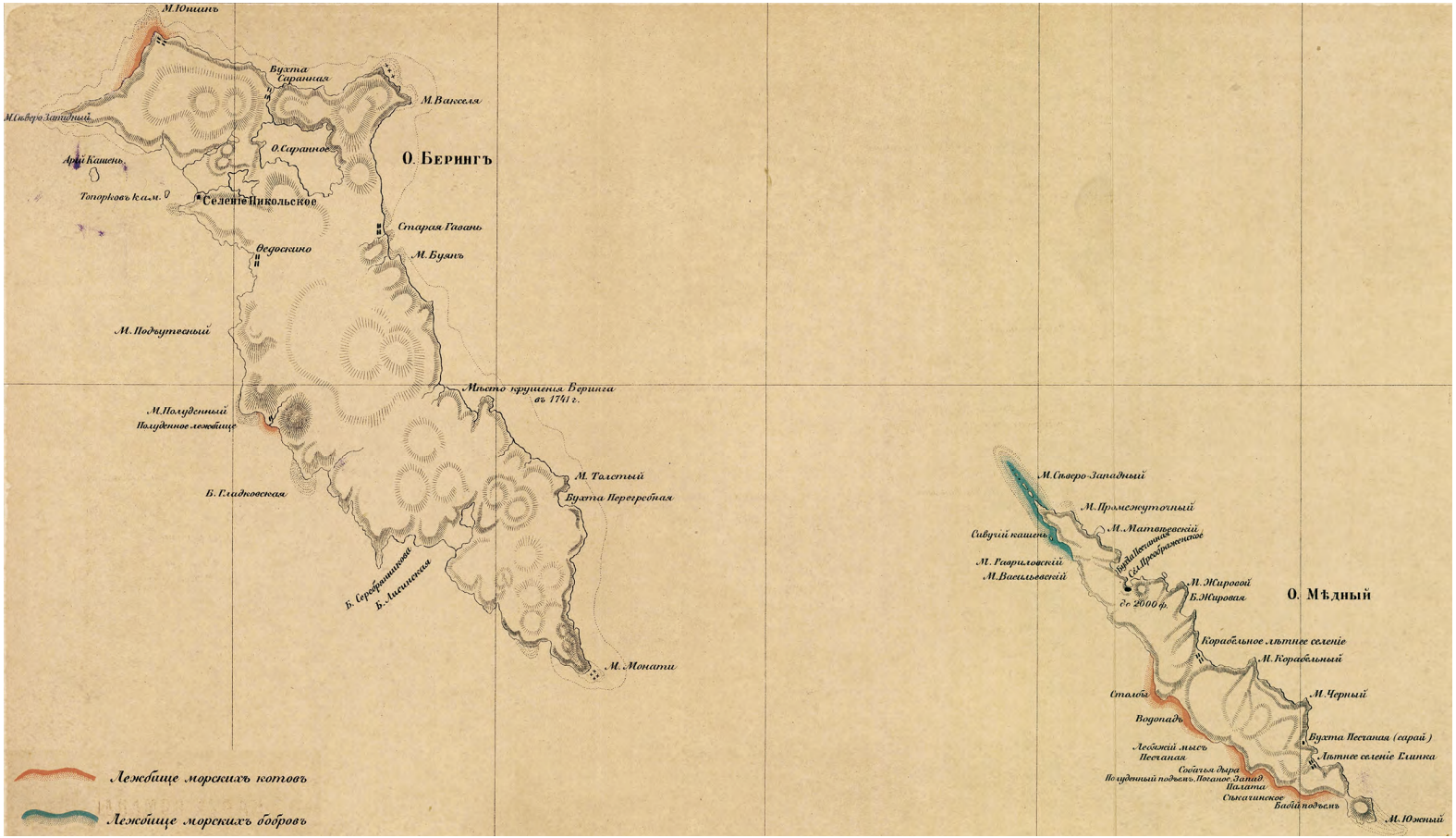
Карта Командорских островов, 1885 г.

Составил И. Зандман, дополнил Б. Дыбовский (Dybowski, 1885)

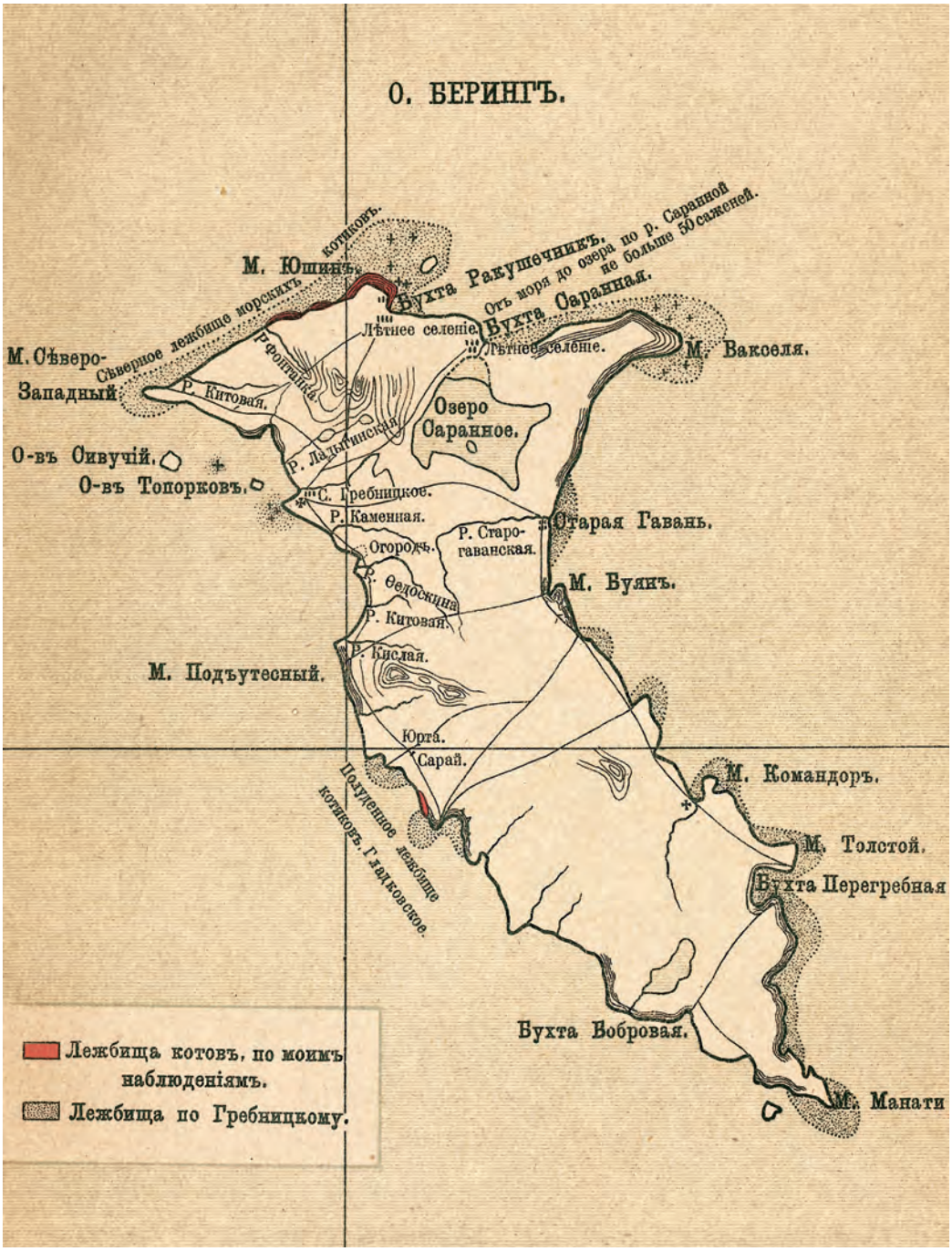
Карта о. Беринга, 1885 г.

Исправил и дополнил Л. Стейнегер (Stejneger, Eine Umsegelung der Berings-Insel, 1885)

Карта Командорских островов, 1893 г.

Составил И. Зандман, дополнил К. Савич (РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 262)

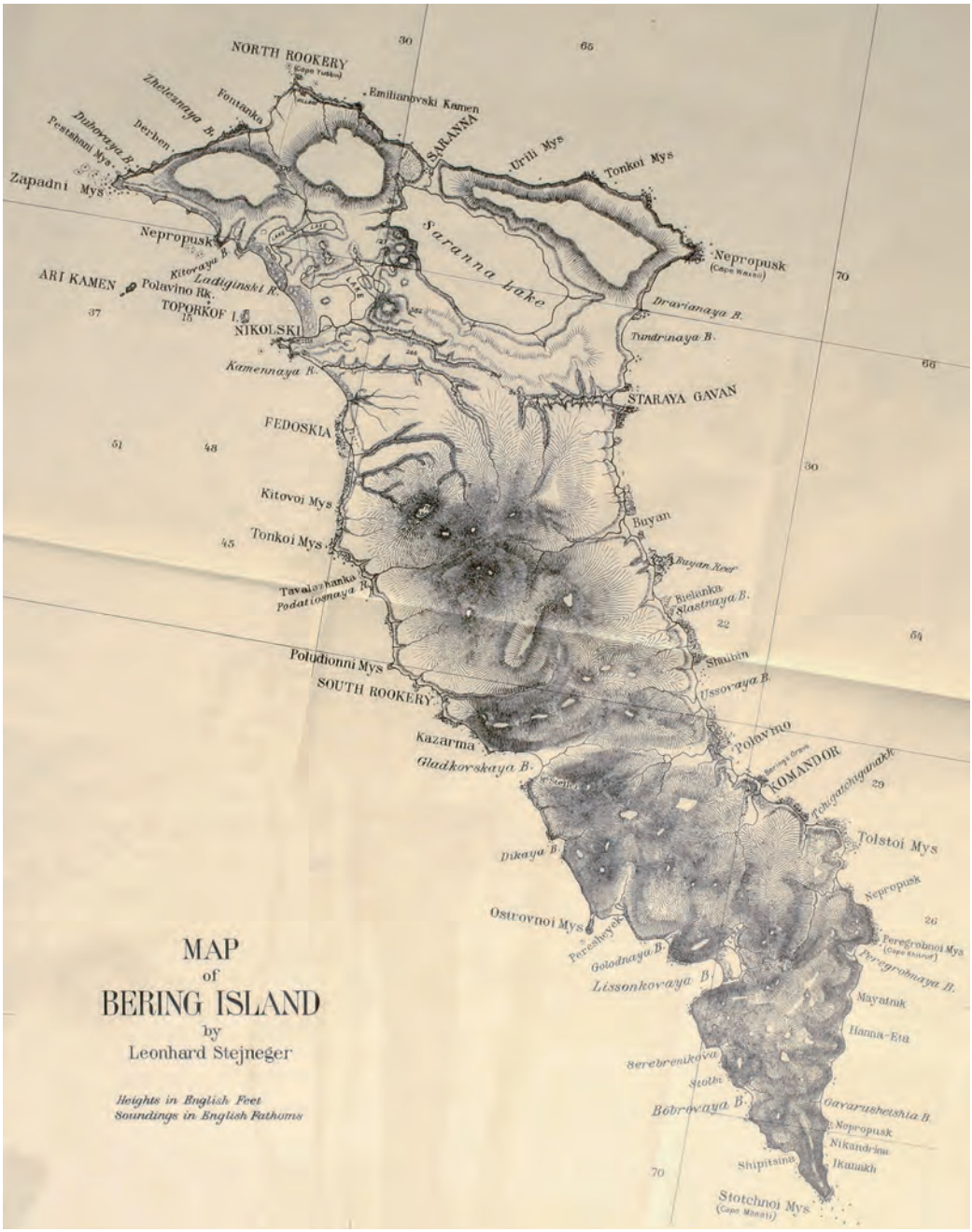
Карта о. Беринга, 1892–1893 г.

Источник: Н.В. Слюнин (1895)

Карта о. Медного, 1892–1893 г.

Источник: Н.В. Слюнин (1895)

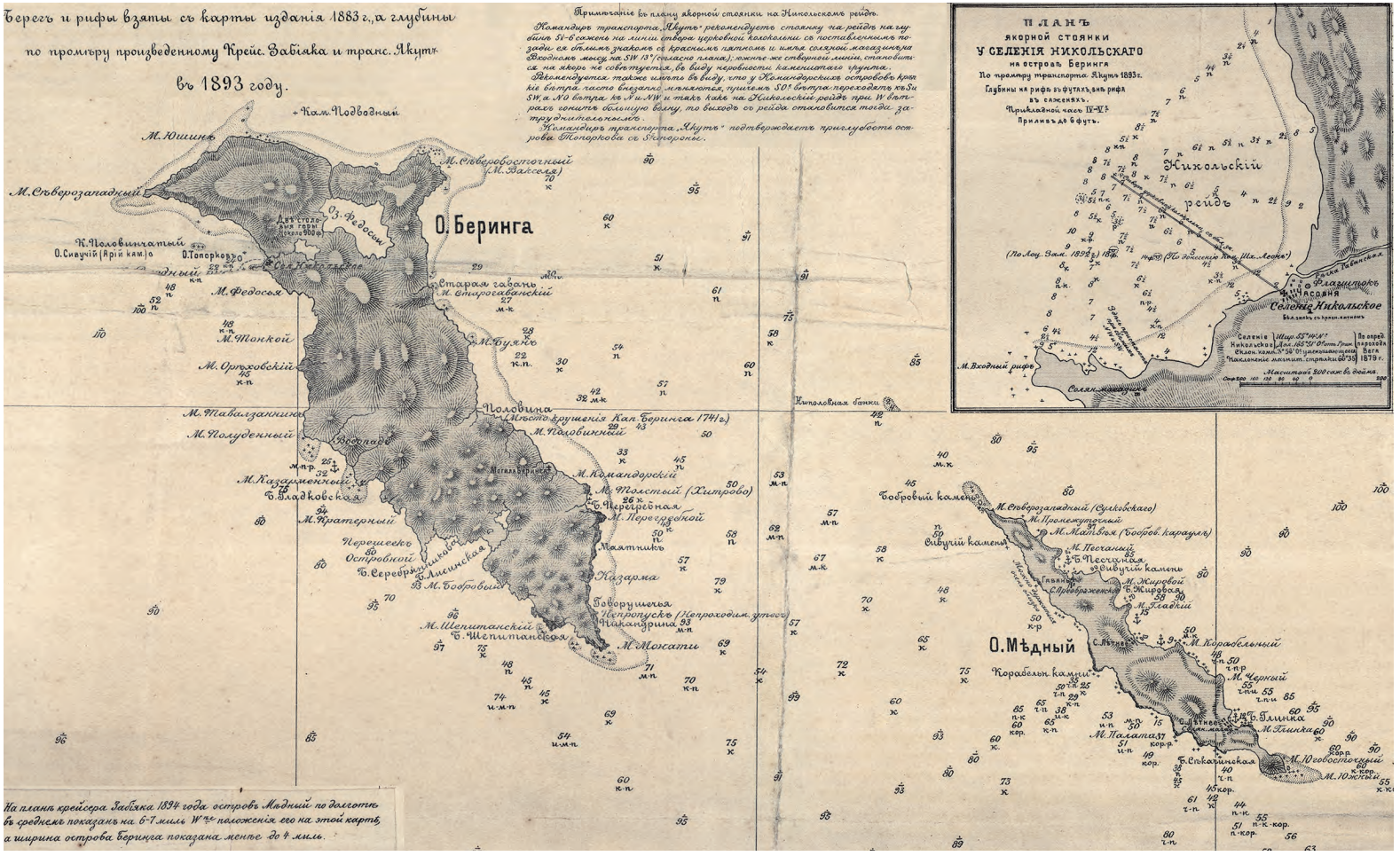
Карта о. Беринга, 1896 г.

Исправил и дополнил Л. Стейнегер (Stejneger, 1896, 1898)

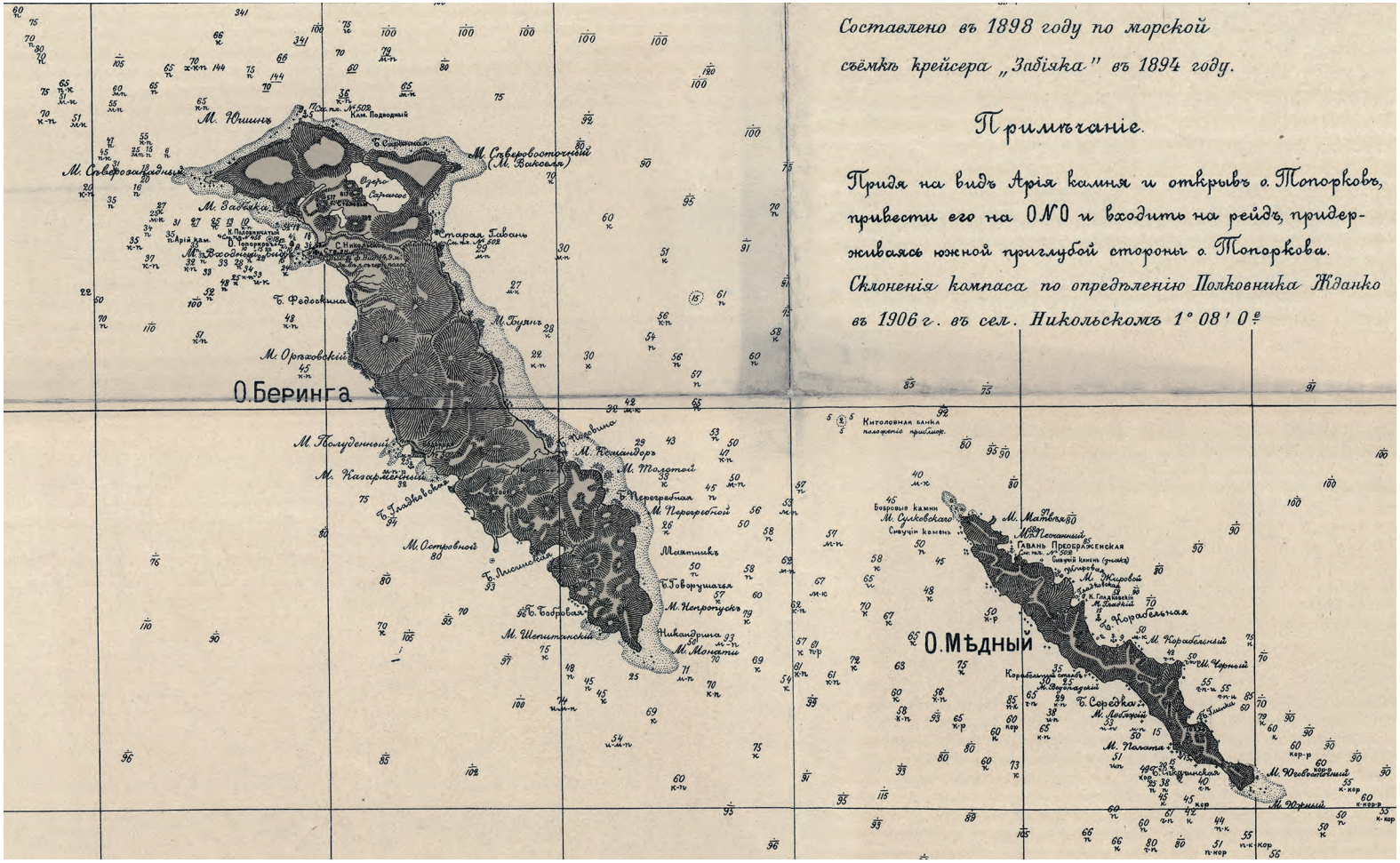
Карта о. Медного, 1896 г.

Исправил и дополнил Л. Стейнегер (Stejneger, 1896, 1898)

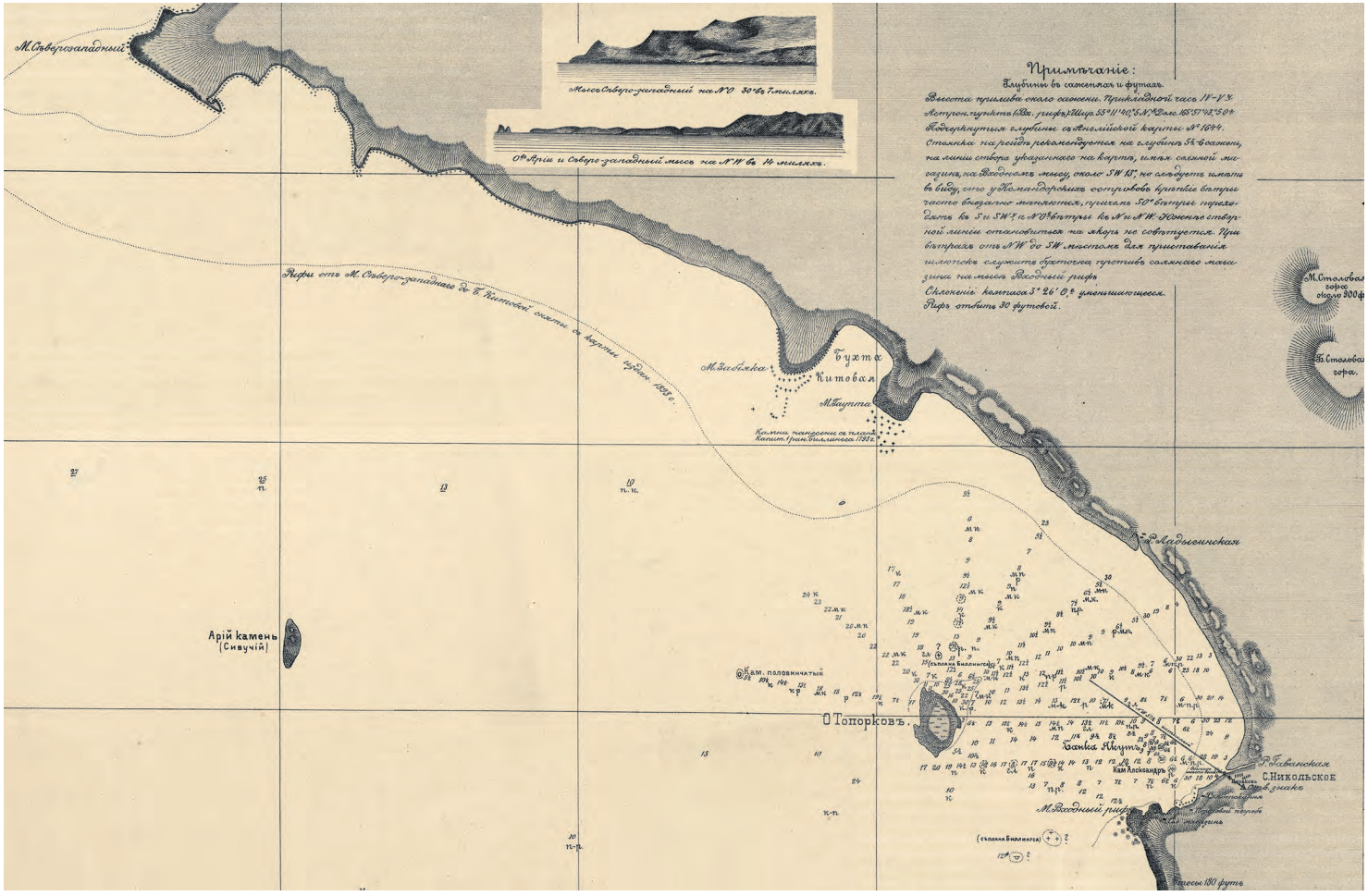
Карта Командорских островов, 1894 г. (фрагменты)

Берег и рифы – с карты 1883 г., а глубины – по промерам крейсера «Забияка» и транспорта «Якут» в 1893 г. (РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 7. Д. 1602)

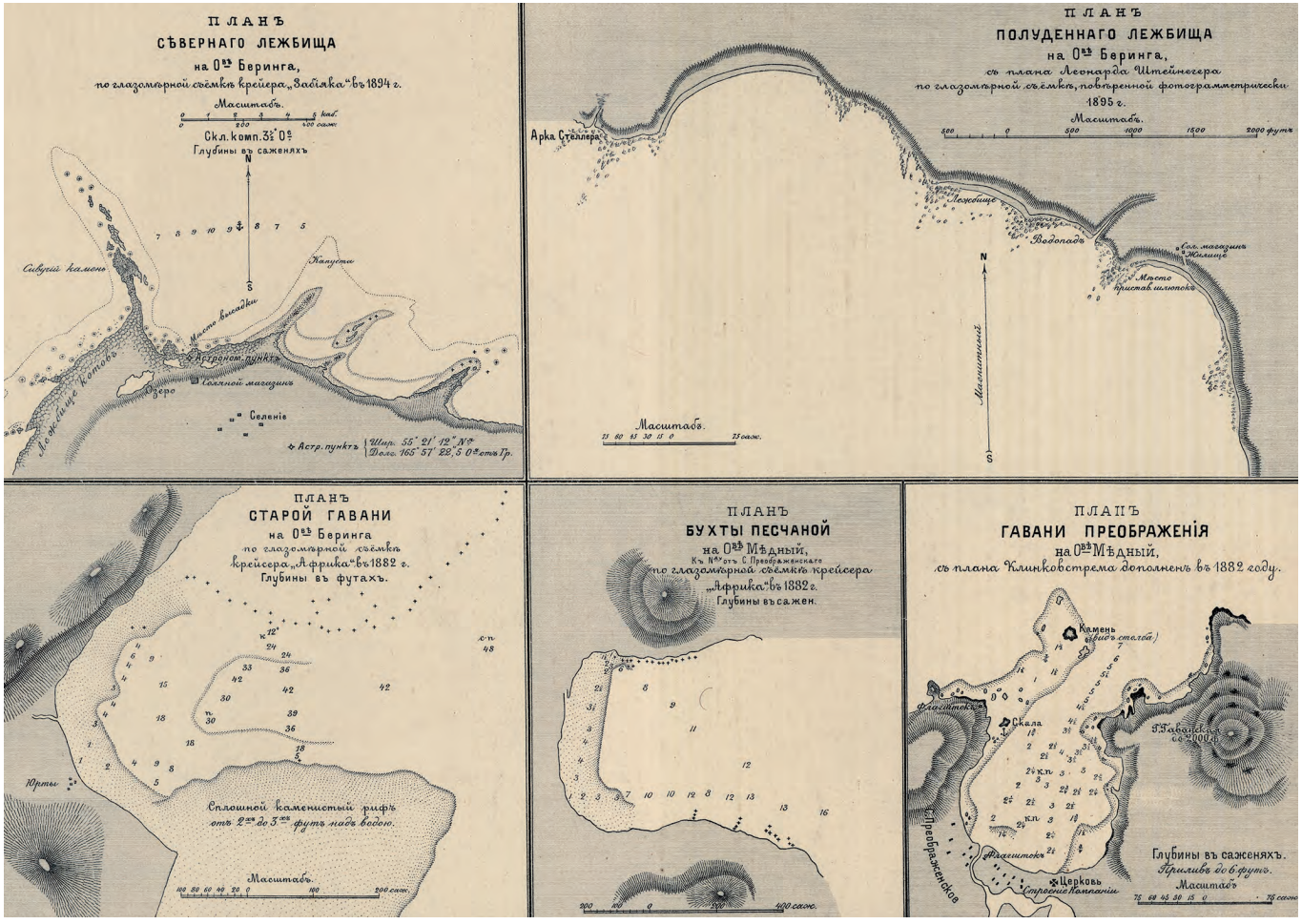

Карта Командорских островов, 1898 г. (фрагменты)

Составлена по промерам крейсера «Забияка», напечатана в 1914 г. (РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 7. Д. 1603)

Карта северо-западной части о. Беринга, 1896 г.
(РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 6. Д. 222)

Якорные стоянки у Командорских островов, 1898 г.
(РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 6. Д. 237)

J. Morozewicz.
Mapa Geologiczna W. Beringa
Geological Map of he Bering Island
Tło topograficzne wedle L. Stejnegera
Topographical base by L. Stejneger
Znaczenie barw. Legenda
Tufy pelitowe i psammitowe Górny Oligocen
Pelitic and psammitic tuffs. Upper Oligocen
Zlepience. Dolny Miocen.
Conglomerates. Lower Miocene.
Andezyty, bazalty, etc. wraz z tufami.
Andesites, basalts etc. and their tuff.
Wydmy piaszczyste i torfowiska.
Sand dunes and peat bogs
Jez. Szerenna
Przyl. Tonkoj
Przyl. Miasnicki
Z. Drzewna
Z. Tundrowaja
Z. Stary Port
Z. Balszaja
Z. Bujan
Z. Bielanka
Z. Slastnaja
Z. Usowaja
Z. Polowina
Z. Komandorska
Z. Ceinga-czinganah
Z. Tuchminowska
Z. Majatnik
Z. Hanna-Eta
Koszary
Z. Gawaruszeczja
Z. Szypicyna
Przyl. Manat
Przyl. Ostrownoj
Z. Glodna
Z. Peregrebnaja
Z. Lisonkowa
Z. Dzika
Z. Gladkowska
Przyl. Koszary
Przyl. Poludniowy
Przyl. Kilowoj
Przyl. Tonkoj
Fedoskja
Z. Kitowa
W. Taporkowa
15 Osada Nikolskoje
Przyl. Wschodni (Waxell)
Z. Sarannaja
Z. Fontanna
Z. Zelezna
Zat. Sw. Maurycego
Kamien Ar.
Zyl. Zachodni
Przyl. Plaszczyzny
Z. Dzikowa
Przyl. Ph(tegowisko kotwicz.)
Legowisko kotwicz.
Rz. Potrzaskowa
Rz. Kamienna
Rz. Kamienna
Rz. Kamienna

Карта о. Медного. Геологическая съемка 1903 г.
Исправил и дополнил Ю.А. Морозевич (Morozewicz, 1925)

Карта о. Беринга, 1910–1911 гг.

Дополнил Е.К. Суворов (Суворов, 1912)

Карта о. Медного, 1910–1911 гг.
Дополнил Е.К. Суворов (Суворов, 1912)

Карта Командорских островов, 1941 г. (фрагмент)

Источник: В.П. Хабаров (1941)

Первой работой этого периода следует считать «План гавани и бухты при острове Медном», сочиненный мореходом бота «Сивуч» А.И. Ингестромом во время захода на острова летом 1830 г.[1] Этот «План», в несколько переработанном виде, вошел в отчет Литке 1835 г. и меркаторскую карту «Восточный океан и Берингово море. С Алеутскими и Командорскими о-вами»[2], составленную по материалам разных журналов и карт и отпечатанную Гидрографическим департаментом Морского министерства в 1848 г.

Мореход Ингестром и бот «Сивуч»

Андрей Иванович Ингестром, он же Ингрстром, он же Johansson, а изначально Eric Anders Ingeström, родился в 1799 г. в Гельсингфорсе (совр. Хельсинки). С 1817 г. юный финн уже состоял штурманом на службе РАК. В 1821 г. Ингестром прибыл в Ново-Архангельск и более 10 лет исполнял обязанности морехода и картографа в восточных колониальных владениях. В 1822 г. Андрей Иванович был назначен штурманом на шхуну «Фортуна», направлявшуюся на о. Кадьяк с грузом хлеба и оружия. Находившемуся на борту священнику Л. Щетинину надлежало построить там церковь и служить в ней настоятелем. В 1823–1825 гг. «Фортуна» сопровождала и охраняла промысловые партии[3]. В 1828 г. Ингестром был назначен шкипером недавно отстроенного на о. Ситка бота «Сивуч»; в апреле 1829 г. бот под командой Ингестрома был направлен на о. Атка для поддержания сообщения между островами Атхинского отдела[4].

23 мая 1830 г. «Сивуч» впервые подошел к берегам о. Медного[5]. Погода не благоприятствовала высадке, и Ингестром решил не рисковать и сначала высадиться на о. Беринга. Утром 25 мая подошли к селению, обошли островки Арий Камень и Топорков и в 7 часов вечера бросили якорь. Священник Иаков Нецветов, с 1828 г. окормлявший острова Атхинского отдела, высадился на сушу и немедленно приступил к исполнению своего долга. Закончив церковные требы и загрузив добытые шкуры на борт, команда вернулась на о. Медный. 10 июня все работы были завершены, и 11-го «Сивуч» не без труда вышел из бухты и отправился обратно на о. Атку.

---

1 РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 247.

2 Литке, 1835. С. 346; РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 10. Д. 92.

3 История Русской Америки, 1999. С. 371–383.

4 Netsvetov, 1980. P. 330.

5 Netsvetov, 1980. P. 34–40; Татаренкова, 2012, Ранний этап деятельности… С. 69.

Век «Сивуча» оказался недолог: 22 марта 1831 г. из-за внезапной смены погоды прижимной боковой ветер понес бот в сторону суши. Сильные порывы не позволяли использовать парус, не удержал и якорь, и судно было выброшено на берег. Это произошло у берегов о. Атка на пути из Охотска в Ново-Архангельск. Благодаря искусству Ингестрома жертв и потери груза удалось избежать. Счастливому исходу также способствовал песчаный пляж бухты Ильинской. 8 апреля управляющий Атхинской конторы И.И. Сизых и корабельный мастер И.Г. Нецветов признали бот непригодным для дальнейшего судоходства. (Несмотря на давние неприязненные отношения между Сизых и Ингестромом, обвинения мореходу предъявлены не были.)

21 июля 1831 г. Ингестром отправился в Ново-Архангельск, вместе с ним на борту брига «Охотск» с о. Атка ушел мастер кораблестроения Осип (Иосиф) Нецветов, родной брат священника[1]. Андрей Иванович решил не возвращаться в отдел и в 1832 г. выехал в Петербург, а в следующем уволился со службы. В том же году он получил диплом шкипера и до 1845 г. работал старшим преподавателем и директором в школе для штурманов в г. Або (совр. Турку). С 1846 г. опытный мореход состоял инспектором в лоцманской службе Финляндии, а в 1874 г. женился на Софии Басилиер. Картограф прожил долгую яркую жизнь и скончался на родине в возрасте 85 лет.

Во второй половине XIX в. появились более качественные, постоянно уточняющиеся, детализированные карты островов с указанием высот и промерами глубин. Значительный вклад в развитие картографии внес главный правитель Русской Америки (1845–1850) капитан 1-го ранга Михаил Дмитриевич Тебеньков, организовавший в годы своего правления несколько исследовательских экспедиций. В 1852 г. на базе многолетних гидрографических исследований им был составлен знаменитый «Атлас Северозападных берегов Америки от Берингова пролива до мыса Корриентес и островов Алеутских. С присовокуплением некоторых мест Северовосточнаго берега Азии».

Многие исследователи и государственные чиновники конца XIX в. пользовались картами Зандмана. Иван Зандман (Сандман, Sandmann) был гражданином Соединенных Штатов и с конца 1870-х гг. главным агентом торгового дома «Гутчинсон, Кооль и К°» на Командорских островах. Также он являлся капитаном ходившего под российским

[1] Netsvetov, 1980. P. 27, 64.

коммерческим флагом парового барка «Александр II». Зандман лично проводил астрономическую съемку координат о. Медного, в то время как большая часть директивных точек для о. Беринга была определена ранее служащими Российско-Американской компании[1]. Анализ очертаний береговой линии о. Беринга дает основание утверждать, что в основу карты Зандмана легли промеры из «Атласа…» Тебенькова, хотя контуры не идентичны. Иван Зандман составил две карты Командорских островов: одну — меньшего масштаба, включающую оба острова, и другую — большего, только для о. Медного. Обе карты он охотно давал копировать.

Паровой барк «Александр II»

Паровой барк «Александр II» являлся собственностью американского торгового дома «Гутчинсон, Кооль и К°». Судно старой постройки, тимберовку (капитальный ремонт) и установку парового двигателя проводили приблизительно в 1878 г.; мощность — 120 номинальных сил и 500 индикаторных; ход — до 10 узлов/час, грузоподъемность — 400 т. В 1881 г. имел в штате капитана (Зандмана), двух офицеров, 2 механиков и 11 матросов.

Был занят вывозом шкур с Командорских островов и о. Тюленьего, а также доставкой в компанейские склады всех видов товаров. Работал во время промыслового сезона: приходил к Командорам в мае и через каждые две недели делал рейс между островами и Петропавловском; в сентябре-октябре возвращался в Сан-Франциско. Ходил под российским коммерческим флагом. Управляющий Командорскими островами Н.А. Гребницкий, а затем и губернатор Приморской области ходатайствовали о предоставлении судну таможенного флага на период плавания в российских водах, при условии, что в это время на борту будет находиться сам управляющий островами[2]. В таком случае барк мог выполнять помимо прочих охранные функции.

Первую копию с карт Зандмана снял мичман клипера «Стрелок» Николай Николаевич Беклемишев, увеличив ее таким образом, что английский дюйм стал равен 5 верстам, и добавив некоторые подробности, которые сообщил ему управляющий Командорскими островами Н.А. Гребницкий. Карта была опубликована во 2-м выпуске 3-го тома «Сборника главнейших официальных документов по управлению

---

1 Dybowski, 1885. S. 96.

2 ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 435. Л. 31, 67–67 об.; Гаврилов, 2003. С. 10, 538.

Восточной Сибирью» (1882 г.)[1]. Вторую копию сняли офицеры клипера «Вестник», третью — крейсера «Африка».

Николай Александрович Гребницкий

Николай Александрович Гребницкий (1848–1908) занимал пост управляющего Командорскими островами с 1877 по 1907 г. За 30 лет безупречной службы он зарекомендовал себя как дальновидный администратор, сумел грамотно организовать и регламентировать промысел пушного зверя и всеми силами способствовал пресечению браконьерской активности иностранцев в российских территориальных водах.

Николай родился в селе Кончанском Новгородской губернии — родовом имении князей Суворовых. Юноша имел влиятельного покровителя в лице петербургского военного генерал-губернатора Александра Аркадьевича, внука прославленного полководца. Закончив с серебряной медалью Ларинскую гимназию, он в 1867 г. поступил на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Являясь активным членом Общества естествоиспытателей, к середине второго курса Гребницкий создал серию иллюстрированных лекций по морфологии животных, но так и не успел их издать из-за ареста за участие в студенческих волнениях. Был отчислен и административным порядком выслан в Великий Новгород «по месту проживания». Там Николай женился на Екатерине Ивановне Писаревой, младшей сестре известного революционера-публициста. Разрешение продолжить обучение было получено в сентябре 1870 г., и поскольку дорога в столичные города была закрыта, Гребницкий выбрал Новороссийский университет г. Одессы. В декабре 1872 г. успешно защитил степень кандидата естественных наук. Будучи приверженцем передовых эволюционных и генетических теорий своего времени, молодой ученый подавал большие надежды, но семейная драма смешала планы. После измены и трагической гибели жены Николай оставил Одессу и отправился покорять Сибирь.

В 1875 г. он прибыл учителем математики в мужскую гимназию г. Иркутска, а спустя 10 дней был зачислен в действительные члены Сибирского отдела Русского географического общества. Через полгода Гребницкий уволился из гимназии и лето 1876 г. провел в правительственной экспедиции по изучению Южно-Уссурийского края. Он блестяще справился с поставленной задачей и весной 1877 г. был зачислен

[1] Здесь и далее в тексте приводится современное написание источника.

в штат Главного управления Восточной Сибири и вскоре командирован для управления Командорскими островами.

Николай Александрович Гребницкий – управляющий Командорскими островами
Рельеф. Гипс. 2018. И.П. Вьюев

Помимо исполнения прямых обязанностей, Гребницкому приходилось решать самые разнообразные задачи — от снабженческих до педагогических и даже фельдшерских. При нем Командоры были выделены в самостоятельную округу, его усилиями был образован самостоятельный приход, открыты школы и библиотеки. Управляющий ратовал за претворение идеи российского земства и учил алеутов самоуправлению. Особенно много внимания он уделял просвещению и образованию, двое алеутов получили фельдшерское образование, многие были задействованы в научно-поисковых работах, и почти все мужское население было грамотным.

Николай Александрович не единожды принимал непосредственное участие в дипломатических переговорах с Соединенными Штатами, Японией и Великобританией по вопросам эксплуатации и охраны тихоокеанских вод. По собственной инициативе проводил на островах регулярные метеорологические наблюдения. Делал ботанические, зоологические и антропологические сборы, за что в 1893 г. был награжден золотой медалью Бэра, а в 1896-м избран членом-корреспондентом Зоологического музея Академии наук.

В 1883 г. Гребницкий женился во второй раз — на дочери действительного статского советника Елизавете Николаевне Гирс. Жена переехала к нему на о. Беринга (их дом, стоявший недалеко от устья реки Гаванской, сгорел в 1970-х гг.). Помимо собственных детей Елизавета взяла на воспитание внебрачную старшую дочь мужа Марию, матерью которой была алеутка (или креолка). В 1899 г. за Гребницким и членами его семьи было признано право на потомственное дворянство.

В 1907 г. Николай Александрович уволился со службы по состоянию здоровья и уехал в свой скромный загородный дом на Новгородчине — единственное «имение», которое он нажил. Надпись на надгробье резюмирует итог непростой жизни российского чиновника, сумевшего

подняться из крепостного сословия до дворянского: *«Больши сея любве никтоже имать да кто душу свою положит за други своя»*[1] (Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих).

На базе карты Зандмана составлял свои отчеты окружной врач Бенедикт Дыбовский — еще одна дополненная версия приведена в его монографии «Wyspy Komandorskie» (1885 г.). Дыбовский стал первым исследователем, посвятившим топонимике отдельный раздел своего труда. Такие же очертания островов можно увидеть на картах судового врача военного транспорта «Якут» Николая Васильевича Слюнина. В 1892–1893 гг. транспорт работал в акватории островов и предназначался в том числе для охраны котиковых лежбищ.

Бенедикт Дыбовский

Бенедикт Иванович Дыбовский (1833–1930) известен миру как неутомимый и разноплановый ученый: географ, медик, зоолог, этнограф, лингвист. Он родился в польской шляхетской семье имения Тонвы Минской губернии (совр. Новогрудский р-н Республики Беларусь). По окончании Минской гимназии поступил на естественно-медицинский факультет Дерптского университета (совр. Тарту) и окончил образование в Берлине. В 1860 г. Дыбовский защитил диссертацию на звание доктора медицинских наук и хирургии и в эти же годы стал приверженцем научной концепции Дарвина. В 1862 г. он получил степень доктора зоологических наук и занял пост адъюнкт-профессора зоологии и сравнительной анатомии в Варшавской главной школе (университете).

Кафедра была не только местом научной деятельности, но и политической трибуной. Искренние патриотические убеждения привели ученого к сотрудничеству с польским Центральным национальным комитетом, организовавшим вооруженное восстание 1863–1864 гг. Восстание было подавлено, а участники арестованы. Благодаря усилиям немецких коллег смертная казнь, полагавшаяся за политическое преступление, была заменена ссылкой в Сибирь. Несмотря на положение каторжанина, Дыбовский использовал каждую свободную минуту для изучения местной фауны. Он оказывал медицинскую помощь всем нуждавшимся и снискал расположение местных властей. В конце 1868 г. гражданские права были восстановлены, и Дыбовский получил статус поселенца. Ученый исследовал Байкал, его окрестности, южные

[1] Татаренкова, 2016. С. 101–115.

районы Уссурийского края и долину реки Амур.

В 1879 г. Дыбовский по собственному желанию отправился на Камчатку исполнять обязанности окружного врача. Для проведения исследований на полуострове было выделено финансирование от Русского географического общества, членом которого он являлся. За четыре года пребывания на Камчатке (1879–1883) он несколько раз объехал территорию и трижды посетил Командорские острова: в 1879, 1882 и 1883 гг.

Бенедикт Тадеуш Дыбовский
Рельеф. Гипс. 2018. И.П. Вьюев

Бенедикт Иванович сочетал врачебную практику с научными исследованиями и общественной деятельностью: на Камчатке основал больницу для страдающих проказой и сифилисом, проводил вакцинации и боролся с эпидемиями; изучал климат, гидрологические особенности открытых водоемов и геотермальных источников; описывал растительный и животный мир, настоял на урегулировании соболиного промысла; проводил этнографические и лингвистические изыскания, собирал и анализировал статистические сведения; установил памятный крест Ж. Лаперузу. По собственной инициативе Дыбовский завез на Камчатку кроликов и коз, на Командоры — северных оленей, лошадей, коз и кроликов (последние, к счастью, не прижились).

В 1883 г. Львовский университет пригласил ученого занять вакантную должность заведующего кафедрой зоологии на философском факультете, на что он согласился и в 1884 г. прибыл во Львов с багажом из 60 ящиков, наполненных разнообразными экспонатами. Помимо лекций Дыбовский проводил общественную и научно-исследовательскую работу, организовал зоологическую лабораторию и зоологический музей, впоследствии названный его именем. Оставленное им наследие обширно и многогранно.

Но резкие категоричные взгляды энергичного разноплановой исследователя разделяли далеко не все. В своих трудах Дыбовский неустанно полемизирует с Гребницким. Стейнегер, занявший научную сторону Гребницкого, также попал в немилость. Сегодня сложно понять полемику XIX в., но нужно помнить, что каждый из оппонентов сумел изложить парадигму гармоничного развития островного сообщества.

Существенные уточнения береговой линии о. Беринга сделал Леонард Стейнегер. Он не только зафиксировал на карте уже существовавшие топонимы, но и стал инициатором закрепления новых: горы Стеллера, реки Стеллера и Триумфальной Арки Стеллера. Первая статья ученого, содержащая картографический материал, была опубликована в «Немецких географических страницах» (г. Бремен) в 1885 г. Это научно-популярная статья «Eine Umsegelung der Berings-Insel. Herbst 1882» — «Под парусом вокруг острова Беринга. Осень 1882 г.». В 2012 г. работа была переведена на русский язык Ольгой Андреевной Куликовой, правнучкой Н.А. Гребницкого, и в 2014 г. опубликована в сборнике «Вопросы истории Камчатки» под редакцией и с научными комментариями Н.А. Татаренковой. Статья Стейнегера 1885 г. вышла одновременно с докладом Дыбовского. Трудясь автономно, они являлись скорее оппонентами, нежели соратниками. Тем ценнее высокий уровень соответствий на составленных независимо друг от друга картах.

В 1896 г. Стейнегер опубликовал уточненные топографические карты обоих островов: в масштабе 1 : 42 000 для о. Беринга и 1 : 21 000 для о. Медного. Используя данные океанографических зондирований, проведенных в 1874 г. паровым корветом «Тускарора» и в 1892–1895 гг. пароходом «Альбатрос», Стейнегер составил гидрографическую карту Берингова моря[1]. Американские научно-исследовательские корабли работали у берегов Алеутских островов, в то время как глубинные промеры близ Командорских островов проводили военный транспорт «Якут» — в 1893 г. и крейсер «Забияка» — в 1894 г.

Леонард Стейнегер (Штейнегер)

Леонард Стейнегер (1851–1943) был первым исследователем, положившим начало систематическим разносторонним наблюдениям за природой Командорских островов: в 1882 г. организовал первую метеорологическую станцию на о. Беринга; в 1895 г. разработал принципиально новую методику учета численности ластоногих, основанную на фотофиксации лежбищ со стационарных точек. Он проводил орнитологические изыскания, наблюдения за песцами и морскими млекопитающими; описал новый вид китообразных — командорского ремнезуба. Им были собраны кости представителей двух вымерших видов: морской коровы и стеллерова баклана. Часть материала он обработал лично, другую, вклю-

[1] Жегалов, 1964. С. 645.

чающую гербарий, коллекцию рыб и наземных беспозвоночных (червей, моллюсков, многоножек, паукообразных, чешуекрылых, жесткокрылых и ракообразных), отдал своим коллегам. В результате многолетней исследовательской деятельности свет увидела целая серия замечательных научных публикаций, не утративших актуальность и по сей день.

Леонард Гесс Стейнегер
Рельеф. Гипс. 2018. И.П. Вьюев

Леонард родился в норвежском городе Берген, лежащем среди семи горных вершин, поэтому часто называл себя сыном гор. В 1869 г. он покинул Норвегию и, сопровождая мать, изучал орнитофауну Восточных Альп. В 1871–1875 гг. юноша искал себя, обучаясь то философии, то медицине и закончив в итоге университет со степенью кандидата правоведения. К 1880 г. финансовое положение семьи пошатнулось, и он переехал в Соединенные Штаты.

В 1881 г. Стейнегер приступил к работе в отделе орнитологии Смитсоновского института. Среди прочих, его внимание привлек проект поездки на Командорские острова. Экспедиция началась в марте 1882 г. и закончилась в октябре 1883 г. Большую часть времени молодой ученый провел на о. Беринга, это позволило ему произвести топографическую съемку, результатом которой стала достаточно точная карта острова. Поскольку Леонард не успел взять с собой фотокамеру, вместо фотографий он делал зарисовки, а карты-схемы лежбищ выстраивал с помощью азимутального компаса и шагомера[1].

Вернувшись в Штаты, Стейнегер занял должность помощника куратора отдела птиц Смитсоновского института, а с 1889 г. возглавил отдел амфибий и рептилий. Когда проблема использования и сохранения северного морского котика и рыбных ресурсов перестала быть сугубо экономической и приобрела политическое звучание, ученый был призван в состав нескольких государственных комиссий по изучению состояния промысловых видов животных. В связи с этим Стейнегер трижды посетил Командорские острова: в 1895 г. — в качестве специального

[1] Stejneger, 1898. P. 134.

атташе Комиссии по рыболовству США, в 1896 и 1897 гг. — как член Международной комиссии по северному морскому котику. Во время пребывания на Командорах Стейнегер пользовался неизменным расположением и дружеской поддержкой своего единомышленника и коллеги Н.А. Гребницкого. И лишь во время последнего визита летом 1922 г. 70-летний профессор инспектировал котиковые лежбища в одиночестве, поскольку его друга уже не было в живых.

За работу в области сохранения морского котика Стейнегер был награжден золотой медалью на Парижской выставке 1900 г. С 1898 г. включен в состав Международной комиссии по зоологической номенклатуре, а в 1923 г. был избран в Национальную академию наук. Еще через 8 лет стал пожизненным президентом Американского общества ихтиологов и герпетологов.

В Архиве Военно-морского флота хранится несколько карт конца XIX — начала XX в. Наибольший интерес представляют две из них: «Карта Командорских островов» 1894 г.[1], на которую нанесен наземный рельеф (в том числе береговая линия и рифы), взятый с карты издания 1883 г., а глубины — по промерам, произведенным транспортом «Якут» и крейсером «Забияка» в 1893–1894 гг., и карта «Командорские острова» 1914 г.[2], составленная в 1898 г. по морской съемке крейсера «Забияка» 1894 г. (она почти не отличается от современных).

Некоторые интересные дополнения внес геолог Иосиф (Юзеф) Августинович Морозевич (1865–1941), изучавший геологические формации островов. В 1903 г. петербургский Горный департамент командировал на Командорские острова его и горного инженера Леонида Константиновича Конюшевского (?–1938). Целью поездки было изучение полезных ископаемых, прежде всего меди и золота. Менее чем за месяц исследователи пересекли Сибирь по недавно достроенной железной дороге и прибыли во Владивосток. 9 июня канонерская лодка «Манджур» отправилась в путь: зашла на Хакодате, затем в Петропавловск и 24 июня подошла к с. Никольскому, а затем взяла курс на о. Медный. Там геологи арендовали 6-весельную лодку, наняли проводника и рабочих и приступили к изучению острова. Работы на о. Медном продлились до 19 августа. Поскольку «Манджур» в оговоренный срок

---

1 РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 7. Д. 1602.

2 Там же. Д. 1603.

не пришел, пролив между островами байдара преодолела самостоятельно. Оставшееся время посвятили изучению о. Беринга[1].

В начале 1950-х гг. комплекс океанографических исследований был осуществлен Институтом океанологии АН СССР на экспедиционном судне «Витязь». В 1953 г. «Витязь» изучал глубоководную Курило-Камчатскую впадину и другие районы северной части Тихого океана, в рамках программы было сделано несколько галсов от Камчатки до Командорских островов с целью выяснения характера взаимодействия между Курило-Камчатской и Алеутской впадинами. Летом 1957 г. геологические исследования на Командорах проводили сотрудники АН СССР А.В. Горячев и В.И. Башилов. В 1958 г. вся площадь Командорских островов была покрыта геологической съемкой масштабом 1:200 000, в состав съемочной партии, возглавляемой Ю.В. Жегаловым, входили геолог Л.М. Багдасарян, старшие коллекторы Д.В. Богданов, Н.С. Шутько и В.А. Самойленко и техник-геофизик П.М. Душко.

В настоящее время на Командорских островах пользуются главным образом километровыми топографическими картами Генштаба СССР, составленными на базе съемки 1951 г. и обновленными в 1986 г. (система координат 1942 г., издание 1988 г.).

Анализ бытовавших в различное время топонимов и мотиваций нанесения их на карту позволяет отследить как некоторые исторические приоритеты, так и особенности природопользования на островах.

---

[1] Morozewicz, 1925. S. XI–XIII.

Первые топонимы второй половины XVIII века

При всем обилии разнообразных морских походов второй половины XVIII в., от полномасштабных правительственных экспедиций до мелких промысловых кампаний на паях, каждый из которых сопровождался активным сбором картографических данных, информации о ранних топонимах сохранилось довольно мало. И это не удивительно, поскольку острова не имели более-менее оседлого населения и временные названия быстро выходили из употребления и сменялись новыми.

Таким образом, анализ самого раннего этапа освоения Командорских островов базируется главным образом на отчетах Второй Камчатской экспедиции, карте маркшейдера Петра Яковлева и словесных описаниях, приведенных в «Перечне путешествий русских промышленников в Восточном океане (1743–1800 гг.)» Александра Семеновича Полонского. Некоторое время Полонский состоял членом Совета Главного управления Восточной Сибири в г. Иркутске и имел доступ к отчетам о первых промысловых походах. Считается, что сами отчеты были уничтожены огнем во время страшного пожара 1879 г., поэтому сохранившиеся выписки поистине бесценны.

Остров Беринга

Настоящий подраздел базируется главным образом на материалах дневников Георга Вильгельма Стеллера. Детальное изучение темы проводилось многими исследователями в прошлом и даже позапрошлом веках и увенчалось изданием русскоязычной версии «Георг Вильгельм Стеллер. Дневник плавания с Берингом к берегам Америки 1741–1742» под редакцией А.К. Станюковича (1995). Поэтому в большинстве случаев остается только повторить уже трактовки, озвученные Андреем

Кирилловичем в комментариях к «Дневнику». Однако без анализа самых ранних топонимов настоящая публикация выглядела бы неполной.

Георг Вильгельм Стеллер
Рельеф. Гипс. 2017. И.П. Вьюев

Георг Вильгельм Стеллер (Штеллер)[1]

Научный вклад Георга Стеллера (1709–1746) сложно переоценить: он был первым исследователем, ступившим на землю прежде безлюдного острова. Не оставляя своих прямых обязанностей судового врача, он сумел описать морфологические и поведенческие особенности сивуча, северного морского котика и калана и был единственным ученым, наблюдавшим поведение двух видов с узким ареалом обитания — морской коровы и очкового баклана (оба вида вымерли). Он собрал значительную зоологическую и ботаническую коллекции, гербарий насчитывал 218 видов, из которых 51 был расценен им как новый и малоизвестный. И главное, он вел подробный полевой дневник.

Стеллер родом из небольшого германского городка Виндсхайм близ Нюрнберга. Он поступил в школу в возрасте около 5 лет и все годы считался одним из лучших учеников. Георг проходил обучение в Виттенбергском университете, а затем — в университете в Галле. С 1732 г. молодой ученый серьезно увлекся ботаникой и пронес этот интерес через всю жизнь. В 1734 г. Стеллер получил в Берлине диплом в Медицинской обер-коллегии. С назначением на кафедру в Галле возникли затруднения, и он, по совету тесно связанного с Петербургской академией наук профессора Хоффманна, оставил пределы Германии и прибыл в Кронштадт, а затем в Петербург.

В марте 1735 г. Стеллер выразил желание отправиться в экспедицию по Сибири. После сдачи квалификационного экзамена по ботанике он выполнял разнообразные поручения, в том числе составлял зоологический и ботанический каталоги Кунсткамеры и каталог Минералогического кабинета петербургской Медицинской канцелярии. В 1737 г.

---

[1] Портрет Стеллера неизвестен. В основе рельефа – художественное осмысление образа ученого.

ученый наконец был зачислен в состав Академического сухопутного отряда Второй Камчатской экспедиции в должности адъюнкта. Основная часть отряда отправилась на восток в августе 1733 г., он же смог покинуть Петербург лишь в январе 1738 г. Стеллер был отправлен в Сибирь в помощь академику Гмелину, и в Енисейске встретился с ним самим и не менее уважаемыми Миллером и Делиль де ла Кроером. Отношения складывались непросто, и когда Гмелину предложили ехать на Камчатку к Берингу, он с радостью отправил вместо себя Стеллера: *«...Сей искусный и трудолюбивый человек имел превеликую охоту ехать на Камчатку, а оттуда желал так же отправиться в морской путь»*. В академическую группу вошли профессор астрономии Делиль де ла Кроер, адъюнкт Стеллер, студент Горланов и художник Беркхан (J. Ch. Berckhan). В 1740 г. Стеллер прибыл в Охотск и впервые встретился с капитан-командором Витусом Берингом.

До июня 1741 г. натуралист исследовал Камчатский полуостров, а затем в роли судового врача отправился на пакетботе «Св. Петр» к берегам Америки. Благодаря пытливому уму ученого, его неутомимости и скрупулезности сохранились многие детали похода, запечатленные на страницах дневника. Всего лишь за шесть часов пребывания на о. Каяк (американцы иногда называют его островом Стеллера) он сумел собрать 163 вида растений и животных и плюс к тому предметы этнографической коллекции. Его перу принадлежит описание первого контакта алеутов с европейцами на о. Уингем. Даже во время трагической зимовки, унесшей жизни 16 членов команды, натуралист оставался бодр, деятелен и трудоспособен. Он активно изучал необитаемый остров, собирал лекарственные травы, лечил больных, облегчал страдания умирающих и своим примером жизнелюбия возвращал надежду на спасение.

Вернувшись в 1742 г. на Камчатку, продолжил исследования. Еще два года жизни посвятил изучению полуострова, вместе с художником И.Х. Беркханом посетил Северные Курилы. Результатом титанического труда стала книга «Описание земли Камчатки». Ратовал за открытие школ и одну из них, в Большерецком остроге, содержал на собственные средства.

Ученый был крайне неприхотлив в быту, не гнушался любым трудом и в глазах большинства выглядел большим чудаком. При этом имел непростой свободолюбивый характер, не склонный к компромиссам. Действуя по внутренним убеждениям, он зачастую входил в конфликт с местными властями. Не удивительно, что однажды произошло событие, ставшее роковым: Стеллер разрешил разъехаться по домам нескольким

пропадавшим от голода камчадалам, которых формально арестовали, но никто их не охранял и не собирался кормить. Направленный в Петербург донос обвинял исследователя чуть ли не в подготовке мятежа. Он был задержан в Иркутске, затем оправдан, но вскоре повторно арестован, уже в Соликамске. Не обошлось без закулисных игр. По губернаторской прихоти ученый был вынужден вновь вернуться в Сибирь.

Стеллер собрал богатейшие коллекции, сделал грамотные и красочные описания, но не успел завершить начатое, скончавшись в Тюмени в доме экспедиционного лекаря Теодора Лау.

После того как команда разбившегося пакетбота «Св. Петр» осталась на вынужденную зимовку в бухте на безымянном острове, место стоянки стали называть «бухтой Беринга», затем — «бухтой Командора», а сегодня — «бухтой Командор». Нечто подобное произошло и с самим архипелагом: в середине XVIII в. острова называли Беринговыми, а о. Беринга — Командорским[1]. На карте, составленной Яковом Шабановым по материалам съемки Левашова 1768–1769 гг., указаны оба названия: «Командорской или Берингов». Приблизительно в 1770-х гг. Командорский и Беринга поменялись местами и приобрели современное звучание.

Важно понимать, что топоним «бухта Командор» сохранился не потому, что экспедиция разбивала здесь лагерь. Команда пакетбота не «открыла» хорошего места для зимовки — эта слабо выраженная, продуваемая всеми ветрами и скудная природными ресурсами бухточка по всем характеристикам мало пригодна для стоянок. Название сохранилось как дань памяти капитан-командору Витусу Берингу и его спутникам, нашедшим здесь последнее пристанище. Другая причина кроется в том, что в экспедиционном «магазейне» был оставлен казенный инвентарь и товары, приготовленные для обмена с туземцами. Инвентарь в минуты крайней нужды использовали промысловики-первопроходцы. А бисер и «корольки» (прозрачные бусины), столь популярные у алеутов, можно было найти на берегу бухты вплоть до второй половины XX в.

Зимовка морского отряда 1741–1742 гг.

Высадка осенью 1741 г. была тяжелой. *«Весь берег представлял собой страшное зрелище. Покойников, которых еще не успели предать земле, обгладывали песцы, не боясь подходить и обнюхивать по-собачьи*

[1] РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 79, 81, 82, 88.

беспомощных больных, лежавших на берегу без всякого прикрытия. Одни жалуются на холод, другие — на голод и жажду, некоторые изуродованы цингой и из-за сильной боли не могут есть: дёсны почернели и разбухли так, что не было видно зубов», — писал в своем «Дневнике» Г. Стеллер. Но нужно было готовиться к зиме. У подножья сопки среди песчаных холмов было вырыто 5 землянок — накрытых парусиной неглубоких ям с укрепленными бортами, натуралист сравнивал их с «могилами». Шестая была построена позже, ее называют «летней», предназначенной для строителей гукора. В этих скромных жилищах люди провели более 9 месяцев.

Самыми тяжелыми были первые дни и месяцы. Всего на острове и возле его берегов скончалось 20 членов экипажа (из 31 погибшего в течение всего морского похода). 14 из них были похоронены на острове, остальные по морскому обычаю спущены на воду (19 ноября Ваксель оставался на борту *«с пятью мертвецами»*, которых он приказал бросить в море; по всей видимости, это Дергачев, Емельянов, Попков, Булатов и Торопцов).

Список членов экипажа пакетбота «Св. Петр», скончавшихся на о. Беринга

Умершие на борту и при высадке:
Иван Неборонов, гренадер — 5 ноября (спущен на воду);
Нильс Янсен, боцман — 8 ноября (похоронен на берегу);
Михайло Торопцов, трубач — 11 ноября, на борту;
Никита Булатов, дворовый человек лейтенанта Д. Овцына[1] — до 19 ноября;
Илья Дергачев, канонир II статьи — 15 ноября, выйдя на свежий воздух;
Иван Емельянов, матрос I статьи — 15 ноября, выйдя на свежий воздух;
Василий Попков, сибирский казак — 15 ноября;
Селиверст Тараканов, матрос II статьи — 15 ноября, при высадке (похоронен на берегу);
Савин (Сава) Степанов, солдат Якутского полка — 16 ноября, при высадке в лодке (похоронен на берегу).

[1] В 1738 г. по решению суда Д. Овцын был разжалован в матросы за связь со ссыльным семейством князей Долгоруковых. Во время морского похода 1741–1742 гг., по сути, выполнял офицерские функции. По возвращении из экспедиции он был официально восстановлен в звании лейтенанта.

Умершие в жилищах Командорского лагеря:
Марко Антипин, матрос I статьи — 20 ноября;
Андреас Хессельберг, штурман — 22 ноября;
Семен Артемьев, денщик — 22 ноября;
Прокопий Хорохорин, слуга — ноябрь-декабрь;
Алексей Клементьев, конопатчик — 4 декабря;
Витус Беринг, капитан-командор — 8 декабря;
Никита Хотяинцов, подшкипер — 9 декабря;
Иван Третьяков, морской гренадер — 17 декабря;
Прокопий Юфимцов, канонир II статьи — 27 декабря;
Федор Панов, морской солдат — 2 января;
Иван Лагунов, корабельный комиссар — 8 января.

Зима была суровой, но те, кто пережил испытания первых месяцев, смогли благополучно вернуться на Камчатку. В первых числах мая было заложено новое судно — гукор «Святой Петр». Основные строительные работы проводил красноярский казак и плотник Савва Стародубцев под началом лейтенанта Вакселя.

Незадолго до отплытия, в июле 1742 г., команда отстроила так называемый «магазейн», предназначенный для хранения экспедиционного имущества. Магазейн находился среди голоценовых береговых валов в срединной части бухты Командор. На Камчатку вывезли лишь малую часть скарба, прочее осталось на острове (2071 вещь 474 наименований). К началу XX в. склад был полностью уничтожен. В 1944 г. его остатки удалось обнаружить экспедиции И.И. Тарасенко. Более поздние поисковые отряды находили лишь места скоплений экспедиционных предметов (выявлено 36 таких зон). Наиболее крупные из них были приурочены к местам бывших промысловых изб, стоявших в бухте Командор в XIX — начале XX в.

Для точного определения местности Георг Стеллер использовал собственные обозначения, из которых не вызывают сомнений только два — Усы и Манати.

Усы — один из двух топонимов, дошедших до наших дней. Едва ли столь странное название могло возникнуть вторично. Одноименная бухта расположена приблизительно в 8,5 верстах от лагеря Беринга, хотя не стоит исключать вероятности того, что со временем название могло немного сместиться — южнее или севернее. Стеллер видел в Усах некую пространственную границу: то, что находилось за ними,

считалось удаленным. Станюкович не комментирует происхождение топонима. Но можно подключить фантазию и представить, что в бухте были найдены китовые пластины — такие «усы» были по тем временам довольно востребованным материалом. Либо это как-то связано с усами такелажными — изогнутыми наделками в виде рогов, крепящимися к пятке гафеля и охватывающими с двух сторон мачту. На Камчатке «усами» называли концы веревки, на которую посажена сеть[1]. Какого рода «усы» были в бухте и почему именно этот топоним сохранился до наших дней, остается загадкой.

В рассматриваемой версии «Дневника» Стеллера **мыс Манати** не указан, между тем это название было дано именно командой «Св. Петра»: *«…а от южнаго мыса, который от нас назван кап Манат, то есть морских коров»*, — писал в своем журнале Софрон Хитров[2]. Кап Манат указан на карте Вакселя и Хитрова 1744 г. Мыс Камень Манати присутствует на «Генеральной карте», сочиненной 10 мая 1746 г.[3] На более поздних его подписывали просто мыс Манати, или Монати (совр. ошибочное написание).

Манати (лат. *Manatus*) — устаревшее название ламантинов (совр. — морских коров), рода млекопитающих из отряда сирен. В данном случае речь идет о морской корове *Hydrodamalis gigas*. Обессилевшая команда осмелилась начать охоту на крупное морское млекопитающее лишь 21 мая 1742 г. Первая попытка оказалась неудачной. Только в июне, когда был починен разбитый осенью лангбот, старания увенчались успехом. Забой проводили по принципу охоты на кита — к животному подходили вплотную и загарпунивали, а затем подтягивали к суше за канат, идущий от гарпуна. По приливу тушу вытаскивали на берег и разделывали. Все члены отряда сходились во мнении: никто не оправился бы от перенесенного стресса и цинги, если бы не начал питаться мясом и жиром морской коровы.

Все прочие топонимы, указанные Стеллером, так и остались в одном лишь его «Дневнике» и до сих пор заставляют гадать о месте своего расположения.

«13 ноября мы продолжали строительство… таскали домой за четыре версты от ***Лесной речки*** *большие бревна»*[4], — пишет ученый.

---

1 Браславец, Шатунова, 1977. С. 178.

2 Пекарский, 1869. С. 28.

3 РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 82.

4 Стеллер, 1995. С. 104, 186.

Простые математические расчеты указывают на то, что речка находилась приблизительно в 4,3 км от бухты Командор. Большинство исследователей, начиная со Стейнегера, сходятся во мнении, что речь идет о расположенной в северо-западном направлении реке Половине. Однако Половина лежит приблизительно в 5,5 верстах. Немногим ближе 4 верст, но в противоположном направлении, расположена речка Кислая Капуста, получившая название благодаря тому, что в бухту часто прибивает разнообразные морские водоросли, «морскую капусту», в дальнейшем «киснущую», то есть перегнивающую на берегу. Здесь также скапливается выбросной плавник. Идти до р. Кислая Капуста ближе, но не быстрее, виною тому — сыпучий песок и галька. Еще одна «подходящая» речка — это расположенная близ Половины р. Уюм, расстояние до нее составляет 4,3 версты. Очевидно, Половина и Уюм подходят гораздо больше, чем Кислая, тем более что собирать большие бревна могли не в непосредственной близости от устья, а в более обширной зоне заплеска, между речками.

«Дубинками мы забили четырех выдр, половину спрятали в речке, получившей название ***Бобровой речки****; поле, где мы их убили, стало* ***Бобровым полем****»*[1]. («Бобрами» долгое время называли морскую выдру, или калана; слово «калан» имеет корякское происхождение и на Командорах вошло в обиход сравнительно недавно.) Станюкович считает, что это может быть р. Передовая, находящаяся в юго-восточном направлении от лагеря, правда, не в 7, как указано в его сноске, а в 9 км. Мыс Толстый хорошо подошел бы под определение «Бобровое поле», но смущает расстояние: как следует из приведенной ниже цитаты, поле расположено не далее чем в 4 верстах, следовательно, речка должна быть еще ближе к лагерю. Кроме того, речка Бобровая, похоже, является своего рода антиподом Козловой: Стеллер указывает, что первые два месяца ходили на небольшие расстояния в разные стороны от лагеря. Вероятнее всего, это и есть р. Кислая Капуста.

«В ноябре и декабре мы убивали морских выдр на Бобровом поле и у ***Козловой речки****, в трех-четырех верстах от наших жилищ; в январе — у* ***Китовой речки****, в шести-восьми верстах; в феврале — у Усов и* ***Большой Лайды****, в двадцати-тридцати верстах. В марте, апреле и последующие месяцы морские выдры полностью исчезли к северу от наших жилищ, мы переходили на южную сторону земли и приносили*

[1] Стеллер, 1995. С. 104, 187.

выдр за двенадцать, двадцать, тридцать и даже сорок верст»[1]. Станюкович считает, что Козловой речкой могла быть р. Уюм, расположенная несколько южнее и ближе, чем р. Половина. Это вполне вероятно. На Козловое поле, в 5 верстах к западу от жилищ, был выброшен свежий кит, мясом которого питалась команда[2]. Следовательно, на этом участке стоит искать речку Китовую, ею может быть любой ручей близ р. Половины.

Странное название «Козловое» Станюкович ассоциирует с козлами для распилки леса, которые могли стоять близ речки, однако козлы едва ли стояли бы по всему «полю», не исключено, что топоним был связан с дурным запахом. К примеру, Ваксель сравнивал запах мяса котиков с запахом старого козла. Относительно происхождения данного топонима остается только теряться в догадках, давая волю своему воображению.

Топоним Большая Лайда — единственный не вызывающий сомнений. Устаревшее архангельско-сибирское понятие «лайда» до сих пор широко распространено на Командорах и обозначает относительно ровную проходимую часть морского берега, как правило, песчаного или каменистого. Лайда соответствует совокупности супралиторали и верхнего (в сильный отлив — и среднего, и нижнего) горизонта литорали. Большая Лайда протянулась от мыса Толстого до бухты Старогаванской и севернее, но у Стеллера она пространственно ограничена Буяном или Шайбой.

Еще один несохранившийся топоним — это **бухта Стеллера**: *«5 апреля… отправились на промысел на юг… набрел на очень широкую, просторную пещеру в скале… не страдая от дыма, который уходил вверх в узкую расселину над нами… Впоследствии пещера и бухта были названы моим именем, потому что были открыты моей артелью»*[3]. Загадка уже много лет будоражит умы островитян. Очевидно, указанная пещера была разрушена землетрясением — благодаря подвижкам Командорской микроплиты облик береговой линии меняется постоянно и довольно ощутимо. Вне сомнения, бухта находилась на юге острова недалеко от современной бухты Лисинской. Возможно, речь идет

---

1 Стеллер, 1995. С. 119.

2 Там же. С. 133.

3 Там же. С. 127, 128.

о бухте Бобровой — Л.М. Пасенюк[1] описывал небольшую сквозную пещеру близ Бобровых камней на южной стороне бухты.

Исторический парадокс заключается в том, что впоследствии именем Стеллера была названа самая высокая гора острова, природная арка, и даже речку Гаванскую, самую полноводную на острове, записывали как Стеллеровскую. Но бухта, непосредственно связанная с именем натуралиста, так и не была установлена. Последним специалистом, ведшим поиски в данном направлении, была Г.Н. Чуян.

Во второй половине XVIII в. возникли еще два топонима, представляющих несомненный исторический интерес, — **бухта Басова и бухта Низовцова** (Низовцева). Оба указывают на места стоянок промысловых партий, и оба в скором времени были утрачены. Сложность определения местоположения объектов в данном случае заключается в том, что бухты переименовывались в зависимости от социального статуса и благополучия их пользователей.

В отчете Емельяна Басова о походе 1745–1746 гг. мы находим следующие строки: *«…в трети его (Беринга) от западного края обыскали постоянную гавань; там судно ввели в речку, а на берегу построили юрту»*[2]. По указанному расстоянию до Северо-Западного мыса и другим приведенным в отчете описаниям в гавани легко узнается современный Никольский рейд. Эту версию подтвердили изыскания Г.Н. Чуян, изучавшей «План Гавани басовской западной стороны командорского острова»[3]: на рисунке-схеме, скопированной с подлинника штурманом Михайло Кулаковым (год не указан), хорошо узнаваемы современный Входной риф, устье реки Гаванской, острова Топорков и Арий Камень, а также кекур Орлов Камень. Подобных береговых очертаний на острове больше нигде не найти.

В то же время во второй рукописи А. Полонского приводится другое описание, сделанное лет на 6–10 позже первого: *«на юго-зап. два места удобныя только для плоскодонных судов, какия были промысловыя, одно, Низовцова гавань, в 12 м. от с-з. конца острова и другое, недалеко от ю-в. мыса, Басовская гавань; в обеих гаванях промысловыя суда вводились для отстоя на зиму в речки. Низовцова гавань (с 1751) удобнее Басовской по безопасности отстоя судов в озере, из котораго выходит самая большая на острове речка, протекающая до 1 ½ версты*

---

1 Пасенюк, 1981. С. 72–73; Стеллер, 1995. С. 197.

2 АРГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 2. С. 8.

3 РГВИА ВУА. Отд. 10. № 586.

и устье которой заметно с моря по Топоркову островку, находящемуся на юге от него в 2½ м»[1]. Из описания следует, что с 1751 г. гавань Басовская (совр. Никольский рейд) была переименована в гавань Низовцова. Этот факт легко объясним. Положение Басова пошатнулось после похода 1745–1746 гг., с этого момента в кампании начались раздоры: Басов жаловался на команду, промышленники обвиняли Басова в произвольном распоряжении добычей. По возвращении на Камчатку недовольные отказались от участия в кампании и продали свои паи. Скандал был настолько громким, что бывшие компаньоны пригрозили Басову *«в отмщение за прежния обиды, притеснения и обманы, изгнанием его с островов, где только его застанут»*[2]. Его усилия в описании и разработке обнаруженного в 1747 г. месторождения меди не увенчались успехом. Положение с каждым годом ухудшалось, и к лету 1750 г. к мнению Басова больше никто не прислушивался. В 1755 г. казак дошел до такой крайности, что отлил 8 фальшивых рублей. Обман был раскрыт, и расплатой стала каторга на Нерчинских заводах.

Однако причиной переименования самой удобной бухты на о. Беринга послужила отнюдь не судимость первопроходца. В 1749–1750 гг. одновременно с шитиком «Св. Петр» кампании Басова на Командорах зимовал «Св. Борис и Глеб» купца Никифора Трапезникова. «Св. Петр» под руководством морехода Дмитрия Наквасина промышлял на о. Медном, а «Св. Борис и Глеб» с мореходом Иваном Бутиным какое-то время отстаивался на о. Беринга (в 1750 г. ушел на Ближние острова). Принимал ли казак Григорий Низовцев личное участие в этом походе, доподлинно не известно, возможно, что и нет — в отчете он указан как один из компаньонов, снаряжавших экспедицию. Но интерес к островам у него был.

В 1751 г. Низовцев за 4 пая перешел в кампанию иркутского купца Югова и занял должность морехода на отстроенном в прошлом 1750 г. боте «Св. Иоанн» (в 1750 г. до островов бот так и не дошел, поскольку осенними штормами был выброшен на камчатский берег). Кампания Емельяна Югова была на особом счету: в отличие от всех остальных промысловых партий с 28 января 1748 г. она имела официальное разрешение Сената на ведение пушных промыслов на обоих Командорских островах (5 августа 1747 г. вышел запрет Большерецкой канцелярии производить промыслы на о. Беринга, а с 11 августа 1751 г. он

---

[1] АРГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.

[2] АРГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 2. С. 10.

распространился и на о. Медный). В сентябре 1751 г. бот с 30 рабочими на борту вышел в море и благополучно достиг о. Беринга. На острове Югов скончался, и старшим остался Низовцев. Легко догадаться, что в качестве базы мореход избрал самую удобную бухту острова. Именно поэтому с 1751 г. бухта стала носить его имя.

Куда же «переместилась» Басовская гавань? Мы знаем, что бухту следует искать недалеко от мыса Манати на юго-западной стороне острова и что в нее впадает речка, в которую можно завести плоскодонное судно. Описание двух удобных бухт о. Беринга дано у С.П. Крашенинникова: «*…есть два места, которыми в плоскодонных судах, каковы щерботы, нетокмо к берегу, но и в озера истоками их заходить можно. Первое место верстах в 50, а другое во 115 от южно-восточной изголови острова*»[1]. «Другое» место — современный Никольский рейд, ниже в тексте приводится более точное его описание. А вот «первым» может быть только Перешеек — хотя расстояния указаны неточно, можно рассчитать пропорциональные соотношения, и мы выходим на эти координаты. Другое указание на Перешеек дано в журнале Софрона Хитрово (члена команды В. Беринга): «*Судну такому, которое ходит глубиною фут 5 или 6… Только в одном месте против жилья нашего на другой стороне найдено одно озеро, из котораго в море есть устье, и по глубине того устья и озера, как мы видели можно б такому судну в полную воду войти в него и стоять чрез зиму спокойно, только весьма того опасно, понеже всякой год устье того озера замывает песком и делает весною в том же или в другом месте устья*»[2]. Таким образом, два свидетельства указывают на бухту Перешеек. Однако сильно смущают три момента: во-первых, на старых картах побережье близ указанного озера прописано слишком неточно, во-вторых, короткую протоку, соединяющую озеро с океаном, с трудом можно назвать речкой, в-третьих, привлекательная для промысловиков бобровая залежка находилась значительно южнее. В то же время почти на всех картах указано оз. Лисинское, в которое также можно было ввести судно, где есть речка, к тому же мощные залежки ценного пушного зверя располагались совсем недалеко (на карте Б. Дыбовского озеро подписано как Перешеек, но изображено на месте Лисинского или Серебрянникова). Стейнегера долина Лисинской навела на мысль, что Стеллер называл это место Долиной Юшина: «*берег здесь значительно более каменистый и неровный, на нем есть два*

---

1 Крашенинников, т. 1, 1994. С. 136.

2 Пекарский, 1869. С. 29.

участка, по которым можно безопасно передвигаться и использовать их как пристань: заходить на небольших или плоскодонных судах, например шерботах, в глубь острова через устья рек или по коротким каналам, соединяющим озера с морем»[1]. Таким образом, на бухту Басовскую остаются два кандидата: Перешеек и Лисинская, и Лисинская однозначно лидирует. Сейчас они не кажутся подходящими для захода морских лодок, но не стоит забывать, что в XVIII в. береговая линия и высота острова относительно уровня океана были иными.

Третья популярная бухточка, известная сейчас как **Старая Гавань**, очевидно, была востребована в меньшей степени, по крайней мере, в зимнее время. Не имея в наличии ранних схем острова, сложно проследить, как именно она использовалась и имела ли другие названия. Единственное, что можно утверждать наверняка, топоним появился не позднее конца XVIII в.: *«Из них старая гавань промышленных — на вост. стороне о., небольшое, саж<еней> на 80, углубление, от котораго в обе стороны тянутся мили на 1 ½ в море обсыхающия лайды»*[2]. Как участок стал Старой Гаванью, не будучи просто Гаванью, остается загадкой.

Долина реки Старогаванской, о. Беринга

[1] Stejneger, 1885, Eine Umsegelung der Berings-Insel. S. 245.

[2] АРГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.

Остров Медный

При анализе ранних топонимов о. Медного главным источником служит карта маркшейдера Петра Яковлева, составленная в 1758 г. на базе путевых заметок похода 1754–1755 гг. Общие контуры острова настолько точны, что превосходят составленные столетием позже карты Тебенькова и Зандмана. Но при ближайшем рассмотрении береговой линии видно, что одни бухты узнаются легко, несмотря на слегка искаженные пропорции, а другие неузнаваемы вовсе. Создается впечатление, что автор-составитель посещал далеко не все указанные точки и многие участки наносил на основании опросной, порою сомнительной информации. Это легко объяснимо, так как из рапорта следует, что зимовку, т. е. большую часть времени, горная команда провела в гавани Низовцева на о. Беринга. В результате летом 1755 г. горняки успели детально обследовать только северо-западную оконечность острова и северную часть северо-восточного побережья.

Бухта Колесовская соответствует современному топониму Песчаная (на карте надпись расположена несколько выше, напротив речки). В бухту впадает **речка Колесовка**, совр. р. Песчаная — она хорошо узнаваема по озеру вблизи устья. Колесов был одним из соучредителей похода 1747–1749 гг. шитика «Св. Симеон и Анна» кампании московского купца Ивана Рыбинского. Артель промышляла исключительно на о. Медном. Во время следующего похода 1750–1752 гг. шитик разбился у скал того же острова. В первом случае передовщиком ходил Даниил Соснин, во втором — Андрей Всевидов, а мореходами — шкипер Иван Бутин и казак Алексей Воробьев соответственно. По всей видимости, Колесов не только снаряжал промысловую экспедицию, но и принимал в ней непосредственное участие (информации об участии во втором походе не сохранилось). В 1747 г., несмотря на официальный запрет, престарелый шкипер Бутин (участник Второй Камчатской экспедиции, но не морского похода) решил не рисковать в поисках новых земель и ввел шитик *«в гавань на северовосточной стороне острова, где он простоял спокойно два года»*[1]. Сегодня эта гавань называется Преображенской, команда «Св. Симеона и Анны» назвала ее Всевидовской, а на карте Яковлева бухта указана как Басовская (см. с. 77–78). Скорее всего, в 1747–1749 гг. Колесов со своими людьми промышлял по соседству с местом отстоя шитика и построил в удобной бухте свою бара-

[1] АРГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 2. С. 23.

бору. Менее вероятно, что история связана со вторым походом, или что название дано в честь человека, никогда не посещавшего острова.

Бухтой Басовской в середине XVIII в. называли Преображенскую гавань. В нее впадала **речка Басовка**. Соответствие этих названий не вызывает сомнения: похожи и расположение, и очертания, а главное — кекуры на входе в бухту. Но поскольку бухту называли еще и Всевидовской, ниже даны дополнительные пояснения.

Петровская бухта соответствует современной бухте Жировой, или Жировской, как ее называют местные жители. Ее легко узнать по озеру, в которое впадает **речка Петровская** (совр. Быстрая). Немного смущает, что о. Сивучий Камень изображен при входе в бухту, хотя должен быть восточнее. Эта неточность становится объяснимой, если представить описание морского пути от бухты Преображенской: сначала проходишь камень, а за ним будет бухта. Яковлев мог услышать нечто похожее.

Людей по фамилии Петров или с именем Петр в рассматриваемый период не отмечено. Поэтому логично связать топоним с названием судна. На остров заходило два «Св. Петра» — шитик Басова и гукор кампании Красильникова. Шитик останавливался севернее, значит, остается гукор. История гукора «Св. Петр» настолько трагична, что вполне заслуживает быть увековеченной на карте. Яковлев не мог не слышать о крушении суденышка в октябре 1754 г., и не исключено, что весной 1755 г. лично встречался с членами команды — такая возможность у него была. Позже до него могли дойти слухи о дальнейшей печальной участи «Св. Петра» и его команды.

Местом, где гукор впервые встал на якорь, а затем был выброшен и частично поврежден, вполне могла быть бухта Жировская — передовщик Окошников отлично понимал, что нарушает запрет, и поэтому выбирал не самый удобный, но в то же время неплохой участок для промысла.

Поход гукора «Св. Петр» 1754–1758 гг.

Отстроенный в 1753 г. гукор «Св. Петр» кампании тульского купца Семена Красильникова[1] сразу не смог выйти в море из-за недостатка средств и ушел в поход только 4 октября следующего года. Передовщиком и, возможно, мореходом был вологодский купец Матвей Окошников. 8 октября он подошел к запрещенному о. Медному (см. с. 16, 32)

[1] АРГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 2. С. 36–38.

и бросил якорь с расчетом здесь зимовать. Но 14-го канат лопнул, и судно выбросило на берег со значительными повреждениями. В течение зимы рабочие занимались исключительно починкой судна. К 1 июля следующего года работы были завершены, и гукор вышел на поиски «незнаемых островов».

В течение полутора месяцев он благополучно странствовал вдоль Алеутской гряды. Команда видела острова, но так и не решилась к ним причалить, опасаясь многолюдства и вооруженных алеутов на берегу. 14 августа 1755 г. «Св. Петр» повернул в обратный путь, но начались шторма, и встречные ветры настолько измотали команду, что те уже молили Бога послать им хоть *«какую нибудь землю где бы можно было запастись дровами и водою на переход в Камчатку»*. Их молитвы были услышаны, и 5 октября гукор принесло к о. Медному.

Пополнив запасы дров и воды, судно опять вышло в море, но прижимной ветер не позволил ему удалиться от берега. Тогда решили бросить два якоря и отстаиваться у берега в ожидании попутного ветра. Но погода только ухудшалась и к ночи на 2 ноября перешла в шторм. Оба каната лопнули, и через пять минут выброшенный на лайду «Св. Петр» был полностью уничтожен. Команде удалось спастись. Несчастные собрали остатки разбитого гукора и собственного скарба, а затем принялись искать по берегам выкидной плавник. Собранный лес они складывали возле бараборы рядом со спасенными материалами и такелажем. Тяжелая работа сопровождалась недоеданием. Один член команды умер от голода, и еще трое утонули при опрокидывании байдары. Но на этом злоключения не закончились. 29 декабря барабору со всем ее содержимым и сложенным возле нее лесом унесло в море, и на берег уже больше ничего не выбросило — *«одною волною унесло в море единственную надежду промышленных»*. Надо полагать, «единственной волной» было цунами.

Зимой команда из 28 человек занималась промыслами, а весной приступила к постройке двух байдар. На них в первых числах июня перебралась на о. Беринга. Оттуда, разбившись на группы, промысловики смогли вернуться на Камчатку на судах других кампаний в течение нескольких последующих лет.

Рыбная бухта соответствует современной Гладковской. В озеро впадает **речка Рыбна**, сегодня — Озерная. Надо отдать должное, с позиции промысловиков первоначальные названия гораздо больше подходят участку, изобилующему рыбой, нежели «Гладковская» и «Озерная».

Дальше начинаются сложности: **бухта Песчаная** может соответствовать современной бухте Корабельной, хотя не исключено, что это бухта Ожидания. В пользу последней говорит изображенное близ устья озерцо.

Южнее обозначена **речка Соснина**. Нарымский посадский Даниил Соснин был участником промыслового похода Басова 1745–1746 гг., а затем в 1747–1749 гг. ходил передовщиком на шитике «Св. Симеон и Анна». По всей видимости, во время второго похода это были его промысловые угодья. Речка Соснина похожа на современную безымянную речку, впадающую в бухту Корабельную. Если так, то тогда обозначенная напротив нее **речка Дикая** (у Литке — Снежная), впадающая в **Песчаную бухту**, соответствует современному безымянному ручью, впадающему в бухту Маленькую близ мыса Косой Камень на юго-западном побережье.

Бухта при Якутской юрте — вероятнее всего, современная бухта Глинка. Она узнаваема по речке, имеющей V-образное разветвление в среднем течении. Кроме того, было бы странно, если бы этот удобный во всех отношениях промысловый участок оказался неосвоенным. На карте Яковлева речка называется Якутска. Близ устья по правому борту установлен православный крест (у Литке изображена изба). Несколько южнее в ту же бухту впадает **речка Дектерова** — это может быть безымянный ручей, протекающий через приметную неширокую долину с голубыми глинистыми бортами.

По какой-то причине мыс Черный на карте Яковлева выражен неясно. И непонятно, что подразумевается под «Кекурником» — группе из 6 островков-останцов (кекуров).

Единственное, что не вызывает сомнений в южной части, это **Островской перешеек** — самая узкая часть острова. Это один из немногих топонимов, сохранивших старое название: сегодня участок, как и прежде, называется Перешеек Островной.

Труднодоступное западное побережье о. Медного изображено настолько схематично, что остается только теряться в догадках. Участок, *«где песок серной находится»*, может соответствовать бухте Собачья Дыра или тому, что в народе называют Запалата; первая (южная) **Фролова бухта** — бухте Середка; **Песчаная бухта** с впадающей **речкой Дикой** — бухте Маленькой; вторая (северная) **Фролова бухта** — бухте Сенькина, а **Всевидовская гавань** — Первой Солдатской.

Топонимы вызывают много вопросов. Почему указано сразу две бухты Фролова? Известно об одном монастырском, имевшем паи

во второй кампании Басова (поход шитика «Св. Петр» 1745–1746 гг.). Большую часть времени шитик провел на о. Беринга, но дважды подходил к о. Медному. Во время первой высадки (вероятно, близ северо-западной оконечности острова) был установлен символический крест. Ходил ли тот Фролов в другие походы, неизвестно. Другой Фролов, устюжанин, принимал участие в снаряжении злополучного похода гукора «Св. Петр».

Отличительной чертой западного побережья является то, что на нем нет ни одной удобной бухты, тем более такой, которую можно было бы назвать гаванью. В связи с этим удивляет наличие на карте **Всевидовской гавани** в трети от северо-западной оконечности острова. Происхождение топонима недвусмысленно описано в работах А. Полонского. В отчете о походе «Св. Симеона и Анны» 1747–1749 гг. сказано, что шитик простоял два года в гавани *«на северовосточной стороне острова»*, далее следует примечание: *«Гавань с того времени носит название Всевидова, от имени Тотемскаго купца Андрея Всевидова, прикащика Рыбинскаго, который за отсутствием хозяина, правил его делами в Сибири и отправлял суда на промысла. Самая компания обыкновенно называлась Всевидовской»*. В этом походе передовщиком был Д. Соснин, мореходом — И. Бутин, а Всевидов исполнял обязанности приказчика и в море не выходил. Зато в следующем походе 1750–1752 гг. он был передовщиком: после двухнедельного плавания к Алеутским островам шитик подошел к о. Медному и 21 августа 1750 г. потерпел крушение *«на камнях»* острова (из остатков разбитого судна в течение двух зим был построен шитик «Св. Иеремия», на котором команда вернулась на Камчатку 10 июля 1752 г.).

Другое описание гавани приведено во второй рукописи А. Полонского: *«На с-з. стороне, в 10 м от с-в. оконечности о. залив, лучшим указателем котораго служит Снежная гора и в нем Всевидова гавань (1747) в ш. 54°47′5″»*[1]. Речь идет о северо-западной оконечности острова. Ориентир «Снежная гора» (ныне гора Гаванская) вполне узнаваем, а указанная широта полностью развеивает сомнения.

Таким образом, становится очевидным, что Преображенскую гавань в середине XVIII в. называли то Всевидовской, то Басовской. Возникает вопрос: если в 1747 г. бухта получила название Всевидовской, то при чем тут Басов? Рассмотрим хронологию событий. Несмотря на то что во время морского похода к берегам Америки команды обоих пакетботов

[1] АРГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.

издалека видели части о. Медного, его первооткрывателем следует считать Басова, поскольку именно он во время похода 1745–1746 гг. подтвердил целостность островной суши (роль А.И. Чирикова, видевшего сушу издалека, в данном контексте не рассматривается[1]). Но на тот момент команда не знала о закрытой бухточке, и *«стояли, по неимению гавани, на якоре»*. В 1747 г. шитики «Св. Петр» и «Св. Симеон и Анна» подошли к острову практически одновременно — в начале сентября. «Св. Симеон» сразу зашел в гавань, а «Св. Петр» подходил к мысу Матвеевскому, где была обнаружена самородная медь. Тогда же в сентябре *«прибылою водою шитик выбросило на берег и повредило <…> рабочие построили прежде елбот и отправились на нем собирать по берегу приносимый морем лес на исправление шитика. Исправленное судно поставлено в найденной на N стороне острова гавани»*[2]. Зимовали в этой же гавани. Получается, обе кампании находились в бухте одновременно, но первым ее открыл Даниил Соснин.

Так почему же Яковлев назвал бухту Басовской? Быть может, к 1754 г. ее называли именно так? А Всевидовским называлось то место, где потерпел крушение шитик «Св. Симеон и Анна» 21 августа 1750 г.? Или Яковлев чувствовал угрызения совести за то, что так жестоко обошелся с сибирским казаком, не взяв его в поход и тем самым подписав ему смертный приговор? Сложно сказать. В любом случае оба названия были в скором времени утрачены. К началу XIX в. были забыты не только походы Басова и Яковлева, но и сам некогда общеизвестный факт наличия месторождения меди. Большинство служащих РАК склонялись к мысли, что находимые самородки появились на острове в результате крушения какого-то японского судна[3].

Таким образом, из всей насыщенной событиями истории XVIII в. до нас дошло всего лишь три топонима: Островной перешеек на о. Медном и Усы с мысом Манати на о. Беринга. Прочие названия, связанные с именами русских промышленников, больше нигде не фигурировали.

---

1 22–23 июня / 3–4 июля 1742 г. А. Чириков проходил вдоль южной оконечности Командорского архипелага. Увиденную сушу он назвал островом Св. Иулиана (в память Иулиана Тарсийского). Большинство историков полагает, что это о. Беринга, однако, судя по описанию (Экспедиция Беринга, 1941. С. 292), более справедливо утверждение А.А. Сопоцко (2008) и К.А. Шопотова, что это — о. Медный.

2 АРГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 2. С. 12.

3 Литке, 1835. С. 348.

Топонимы периода Российско-Американской компании

Первая половина XIX в. пополнила картографические материалы новыми топографическими и гидрографическими съемками, но образование топонимов для не имевших аборигенного населения Командорских островов по-прежнему оставалось минимальным. На самой ранней карте этого периода, составленной Ф.П. Литке[1] по материалам кругосветной экспедиции на шлюпе «Камчатка» (1817–1819 гг.), не обозначено ни одного. Это не удивительно, поскольку в 1818 г. на островах жила только небольшая группа промысловиков.

Топонимы можно встретить в более поздних трудах: на «Плоской карте части о-ва Беринга 1827 г.», составленной по материалам похода на шлюпе «Сенявин»; на карте Ингестрома, сочиненной после обхода островов Атхинского отдела в 1830 г.; в тексте книги «Путешествие вокруг света, совершенное <…> флота капитаном Федором Литке» 1835 г.; на «Меркаторской карте» 1848 г. и в итоговом атласе М.Д. Тебенькова 1852 г.

На карте 1827 г. впервые отмечена Гавань, точнее, небольшое селение при Гавани (в настоящее время этот участок называют «Нижним поселком» села Никольского). Напротив селения обозначен один из двух «птичьих» островков — Арий Камень, названный здесь «Сивучей камень». Он легко узнаваем по двум восходящим вершинам. В скобках указано еще одно, более раннее, название — о. Новый. Самый северный мыс острова подписан как Тонкий. По левому борту р. Саранной, близ устья, расположены жилища, но ни речка, ни бухта названия не имеют, а на месте самого крупного озера возвышается двуглавая сопка.

В изданной через несколько лет книге Литке представлена более полная информация. В качестве лучших ориентиров в поисках Гавани

---

[1] РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 150.

на о. Беринга указаны лежащие напротив компанейского селения островки Топорков и Арий камень. К последнему идет пояснение, что промышленники часто называют его Сивучьим, а на карте Коцебу, с которой Литке заимствовал очертание и величину острова, он указан как о. Новый. Между островками отмечен обсыхающий во время отлива подводный камень Половинчатый. Самый северный мыс острова назван мысом Юшина, очевидно, Тонким его называл только промысловик Сеньков. Под мысом Вакселя подразумевается не конкретная его точка, а весь выдающийся в море широкий северо-восточный аппендикс. Место зимовки команды пакетбота «Св. Петр» Литке называет Беринговым Крестом, *«как в журнале»*. Для мыса Хитрова указывает координаты по описям Головина (54°56′ с. ш.), он совпадает с современным мысом Толстым. Ну и, конечно, с экспедицией связан мыс Манати, как название, данное «спутниками Беринга». Описание о. Медного не содержит ни одного топонима, зато приведена карта Ингестрома.

Мореход бота «Сивуч» Андрей Ингестром составил, как минимум, два варианта «Плана гавани и бухты при острове Медном»[1] и план бухты при о. Беринга (последняя сохранилась только в копийном варианте, который может отличаться от первоисточника).

На «Плане» о. Медного изображена (Преображенская) Гавань. Группа скал на входе в бухту подписана как о. Брек ватер (о. Брек-ватер). Брекватер переводится как «волнолом». Он выполняет эту функцию, и слово является скорее нарицательным, чем топонимом. Останец по левому борту назван Камень Столб, он остался обезличенным в последующие годы.

В ранней версии речушку, протекающую через селение (совр. р. Преображенка), Ингестром назвал «ручей Стикс»[2]. Понятно, что жители острова, большинство из которых были аттинскими алеутами, имели слабое представление о греческой мифологии и такого экзотического названия дать не могли. Возможно, своеобразным чувством юмора был наделен управляющий — иркутский мещанин Иван Курмачев. Или же это была выдумка кого-то на судне. Причиной послужила нетипичная картина: по левому борту речушки располагались жилые постройки, по правому, прямо напротив, буквально в двух шагах — кладбище. Таким образом, чтобы попасть из «царства живых» в «царство мертвых»,

---

1 РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 247; Литке, 1835. С. 346.

2 В древнегреческой мифологии р. Стикс протекала в царстве мертвых и являлась границей между миром живых и миром мертвых. Харон перевозил через нее души усопших.

достаточно было просто перейти ручей. В следующей версии карты это название было удалено, а к середине XIX в. основная часть застройки располагалась уже на правом берегу, а рядом со старым кладбищем был установлен молельный дом, впоследствии перестроенный в часовню. Как бы то ни было, известно, что первыми приблизительно в этом месте были похоронены члены команды шитика «Св. Симеон и Анна» новокрещеные Василий Юрлов и Матфей Вторых. Оба сорвались с утеса в марте 1747 г.[1].

«Меркаторская карта Восточного океана и Берингова моря»[2] 1848 г. включает оба Командорских острова, планы беринговской и медновской Гаванских бухт, переснятые с «Планов» Ингестрома, более поздний вариант карты о. Беринга, составленный при участии Литке, а также Алеутские острова и их детализированные фрагменты. На карте обозначены селения РАК: одно — на месте совр. Никольского, второе должно было быть на месте бывшего Преображенского, но по ошибке подписано южнее, в районе бухты Гладковской. Названия даны только двум мысам — Вакселя и Юшина. На о. Беринга вместо озера Саранного по-прежнему возвышается сопка.

Наиболее информативным является «План Командорских островов» из «Атласа Северозападных берегов Америки от Берингова пролива до мыса Корриэнтс и островов Алеутских с присовокуплением некоторых мест Северовосточнаго берега Азии» М.Д. Тебенькова 1852 г.[3]

Остров Беринга нанесен на карту более детально и содержит значительное количество топонимов. Современным названиям соответствуют: намывной песчаный Северо-Западный мыс, обозначенный у Тебенькова как NW мыс, или Низменной; мыс Юшина, он же мыс N (Северный); мыс NO (Северо-Восточный), он же Вакселя; SO Край, он же Кап Манати. Мыс Риф соответствует современному Входному Рифу. Впервые указана Старая Гавань. Мыс Островной подписан как Столбья. Не вполне понятно, что именно подразумевается под мысом Перешеечным (Перешеячным) — название смещено далеко от береговой линии. Топоним «мыс Хитрова» становится второстепенным и уступает место современному звучанию — мыс Толстый (Толстой). Но Стейнегер был убежден, что мыс Хитрова соответствовал не Толстому мысу, а мысу Перегребному[4].

---

1 Спасский, 1822. С. 2–3.

2 РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 10. Д. 92.

3 Камчатка XVII–XX вв., 1997. С. 77.

4 Stejneger, 1885, Eine Umsegelung der Berings-Insel. S. 256.

Несколько географических объектов изменили или утратили прежние названия. Так, бухта Дровяная на юге острова стала Перегребной. Мыс Лежбища территориально соответствует современному Казарменному. Топоним был утрачен в связи с деградацией и последующим исчезновением некогда крупного Южного (Полуденного) котикового лежбища.

Озеро Саранное обозначено у Тебенькова как озеро Федоски, также озеро Федосьи можно увидеть на карте 1894 г.[1], на всех остальных название соответствует современному. Примечательно, что бухта Саранная упоминается в записях Иакова Нецветова еще за 1834 г.[2] В окрестностях озера в достаточном количестве произрастает рябчик камчатский, иначе называемый саранкой *(Fritillaria camschatcensis)*. Клубни растения долгое время использовались населением в пищу, являясь одним из важнейших местных продуктов. Отсюда и название. Но если учесть, что изобилующее рыбой озеро было обнаружено казаком Расторгуевым еще в 1745 г., легко представить, что оно могло не единожды поменять название. Топоним «Саранное» был очень распространен на территории Русской Америки, так назывался островок у берегов Аляски, бухты на островах Акутан, Атка и Атту[3]. Возможно, командорскому озеру хотели дать какое-то особенное имя, но оно не прижилось.

«Гавань» на о. Беринга не обозначена. Зато включен детализированный фрагмент «Якорное место у Острова Берингова описи Чернова». На этой дополнительной карте оз. Гаванское подписано как Лагун. Обычно этим словом обозначали резервуар (сосуд любой формы), из которого судовая команда брала воду для питья. Но озеро было солоноватоводным, по этой причине питьевую воду предпочитали брать в прибрежных родниках, а водоем использовался для зимнего отстоя плоскодонных судов. Возможно, подразумевалась старая лагуна, озеро лагунного типа, коим Гаванское и является.

Свен Ваксель

Свен (Ксаверий) Лаврентьевич Ваксель (1701–1762) был старшим офицером пакетбота «Св. Петр», принявшим после смерти Беринга командование отрядом, и единственным участником Второй Камчатской экспедиции, который находился в ней от начала до конца.

---

1 РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 7. Д. 1602.

2 Netsvetov, 1980. P. 36.

3 Bergsland, 1994. P. 590; Хлебников, 1979. С. 167, 251, 263.

Свен Ваксель с сыном Лоренцом[1]
Рельеф. Гипс. 2017. И.П. Вьюев

Свен родился в Стокгольме и с 15 лет служил в английском флоте. В 1724 г. он поступил волонтером на российскую службу, и в 1726 г. был принят штурманом в Балтийский флот. Ваксель сам изъявил желание участвовать во Второй Камчатской экспедиции и в феврале 1733 г. был зачислен в ранге лейтенанта флота с исправлением должности штурмана. К концу 1733 г. вместе с экспедицией прибыл в Тобольск, летом 1734-го — в Енисейск, летом 1735-го — в Якутск, а в 1737–1741 гг. под командованием А.И. Чирикова принимал участие в переброске провианта и снаряжения из Якутска в Охотск. Осенью 1740 г. В. Беринг назначил Вакселя старшим офицером на пакетботе «Св. Петр», и корабль совершил переход из Охотска в устье р. Большой на юго-западе Камчатки, а оттуда в Авачинскую губу. В 1741 г. на том же пакетботе под командованием Беринга Ваксель совершил плавание к северо-западным берегам Америки, во время которого были открыты Аляска, Алеутские и Командорские острова.

После смерти капитан-командора Ваксель, как старший по званию и с благословения Беринга, принял командование экспедицией. Весной 1742 г. он возглавил строительство гукора «Св. Петр». После благополучного возвращения в Петропавловск он составил рапорт в Адмиралтейств-коллегию, датированный 15 ноября 1742 г., с подробным изложением всех обстоятельств плавания и приложил его карту.

27 мая 1743 г. Ваксель с командой отправился в обратный путь. В октябре 1744 г. его отряд прибыл в Енисейск и объединился с отрядом Чирикова. После отъезда Чирикова в Петербург Ваксель взял руководство над объединенной командой пакетботов «Св. Петр» и «Св. Павел» и вернулся с ней в Петербург в январе 1749 г.

По прибытии в северную столицу он занимался обработкой экспедиционных материалов и доработкой составленной в 1744 г. совместно

[1] Портреты отца и сына Вакселей неизвестны. В основе рельефа — художественное осмысление облика моряков.

с Софроном Хитровым карты морского похода 1741–1742 гг. Свой труд «Извлечение из моего журнала, а также из журналов других офицеров, которые мы вели во время Камчатской экспедиции, отправленной из Санкт-Петербурга в 1733 году» Ваксель закончил уже после смерти Хитрова (но не позднее 1758 г.).

К моменту смерти Свена его старший сын Лоренц (ок. 1730–?) служил капитаном флота. Мальчик прошел с отцом весь путь Камчатской экспедиции от Петербурга до берегов Америки и обратно.

Софрон Федорович Хитров

Хитров, он же Хитрово (?–1756) во время Второй Камчатской экспедиции был старшим штурманом в ранге мастера флота.

В 1719 г. Софрон поступил в Академию морской гвардии в Петербурге, с 1723 г. проходил практику в звании штурманского ученика. С 1726 г. служил штурманом в Астрахани, затем вернулся на Балтику и командовал небольшими судами. В 1730 г. Софрон был произведен в подштурмана, а через два месяца — в штурмана и направлен в Охотск для обучения морскому делу местных жителей. С 1733 г. в чине штурмана 2-го класса принимал участие в подготовке Второй Камчатской экспедиции.

В начале 1740 г. Хитров находился в Якутске, откуда был затребован в Охотск. Осенью 1740 г. на дубель-шлюпке «Надежда» прибыл из Охотска в Петропавловскую гавань, где, согласно указу Адмиралтейств-коллегии, был экзаменован В. Берингом, после чего 12 января 1741 г. произведен в «мастеры флота» (старшего штурмана).

4 июня 1741 г. на борту пакетбота «Св. Петр» вышел в морской поход к берегам Америки. Во время плавания вел судовой журнал[1]. В июле 1741 г. высаживался на о. Св. Ильи (Каяк). Вместе с остальной командой зимовал на о. Беринга, а затем в августе 1742 г. вернулся в Петропавловск.

По окончании плавания был произведен в лейтенанты. В Петербурге принимал участие в составлении итоговых карт. В 1746 г. вместе с А.И. Нагаевым был «назначен к проверке карт Камчатской экспедиции». В 1749 г. «за претерпение многих и неслыханных нужд» во время экспедиции Беринга произведен в чин капитана 2-го ранга и назначен директором адмиралтейской конторы.

---

[1] Русская тихоокеанская эпопея, 1979. С. 208–220.

Харлам Юшин

Харлам (Харлампий) Юшин (Юшков, Яшин) был подштурманом на пакетботе «Св. Петр» Второй Камчатской экспедиции. Во время морского похода он вел параллельный судовой журнал, отличавшийся полнотой информации. Журнал содержит ряд дополнительных сведений, которые отсутствуют в других источниках и позволяют точно установить число географических открытий команды Беринга.

Вместе с остальными Юшин высаживался на остров у американского побережья, а на обратном пути зимовал на о. Беринга. По возвращении получил звание штурмана.

Позднее, в июле 1743 г., на отстроенном на острове гукоре «Св. Петр» вместе со шкипером Д.А. Коростелевым картографировал устье р. Ульи с целью найти *«удобные места для содержания морских судов как летним, так и зимним временем»*[1].

Мыс Юшина, участок Непропусковый, о. Беринга

[1] Русская тихоокеанская эпопея, 1979. С. 235–236; Стеллер, 1995. С. 161.

Федоска

В первой половине XIX в. на о. Беринга жили два человека с таким именем (вариант Федосьи не рассматривается, поскольку он возник значительно позже, очевидно, в результате неверного прочтения или ошибочного написания). Это один из первых «детей острова» креол Федоска Березин и пенсионер компании Федосей Волокитин.

Одна из улиц села Никольского носит имя Братьев Волокитиных. Речь идет о сыновьях первого редактора районной газеты «Алеутская звезда» Федора Федоровича Волокитина: Александре (1900–1955), Иннокентии (1906–1940), Павле (1912–?) и Георгии (1917–1945). Александр был первым председателем командорского ревкома, Иннокентий — секретарем ячейки РКП(б)[1] о. Беринга и председателем районного Совета народных депутатов. Павел работал в райкоме комсомола, в 1945 г. в составе 101 стрелковой смешанной дивизии принимал участие в Курильской операции, а в послевоенные годы исполнял обязанности председателя райисполкома. А Георгий геройски погиб во время сражения на о. Шумшу.

Все они являлись прямыми потомками тюменского крестьянина Федосея Даниловича Волокитина (?–1853). Федосей родился в деревне Луговской Троицкой волости Тобольской губернии[2]. Приблизительно в 1820-х гг. он поступил на службу в Атхинский отдел Российско-Американской компании и там женился на местной уроженке. Их сын выучился грамоте, работал писарем на о. Атка, а затем был переведен на Командоры. Вместе с ним в 1847 г. на о. Беринга переехали отец и мать. Теоретически озеро могло быть названо в честь Волокитина-старшего, но более правдоподобным выглядит второй вариант.

О Федосее Березине известно крайне мало. Скорее всего, он приходился внуком русскому промышленнику Ефиму Березину (?–1805). Ефим служил в Атхинском отделе с 1802 г., а его сын Василий в 1847–1849 гг. занимал должность управляющего о. Беринга. Василий был женат дважды: сначала на Татьяне Ивановне Хабаровой, а после ее смерти в 1839 г. — на Екатерине Еранской (ок. 1820–?). В 1831 г. семья жила на Атке[3], а затем переехала на о. Беринга, и сын Екатерины Феоктист (ок. 1845–1898) родился именно здесь.

---

1 Российская коммунистическая партия большевиков.

2 Гринев, 2009. С. 105.

3 Netsvetov, 1980. P. 62.

Скорее всего, Федосей был сыном Татьяны и сводным братом Феоктиста. По утверждению Гребницкого, он тоже родился на о. Беринга[1], это случилось приблизительно около 1820 г. После смерти Федосея на острове остались жить его вдова Анна Дмитриевна (ок. 1821–1900) и сын Игнатий (ок. 1847–?). Таким образом, Федоска Березин мог быть сыном управляющего и одним из первых детей, родившихся на Командорских островах.

Остров Медный на карте Тебенькова изображен значительно менее точно, чем о. Беринга, и содержит всего несколько топонимов. «NW Конец» с «Медновскими Утесами» сегодня носит имя Сулковского. А мыс Южный Конец с «сопкой» называют мысом Южным, или Юго-Восточным — подразумевая лежбище и его окрестности. Впервые обозначен мыс Черный (Черной).

Таким образом, топонимы, посвященные членам морского отряда Второй Камчатской экспедиции (Юшину, Вакселю, Хитрову), появились на картах в период Российско-Американской компании. Выбор на штурманов пал главным образом потому, что они вели записи в судовых журналах, и на этих материалах базировались исследования не только XVIII, но и первой половины XIX в. При этом привязка имени к местности носила чисто символический характер и не была связана с конкретными достижениями этих людей во время обследования острова весной 1742 г. К примеру, из дневников Стеллера и шканечного журнала Хитрова следует, что мыс Вакселя открыл Юшин, а к мысу Юшина ходил А. Иванов: *«репортом своим боцманмат Алексей Иванов объявил, что посылан он был по берегу здешней земли, на которой мы обретаемся, и обошел кругом последней северной мыс и на западную сторону и видел, что здешняя земля подлинной остров»*[2].

Остальные топонимы отражают в основном геоморфологические или топографические особенности местности — Риф, мыс Северо-Западный, Перешеек, камень Подводный, камень Половинчатый, а также особенности ее использования — о. Сивучий/Арий, о. Топорков, бухта Дровяная, мыс Лежбищный. Наиболее интересно появление топонима Старая Гавань, поскольку он возник одновременно или даже позже просто Гавани.

---

1 Гребницкий, 1882. С. 46–47.

2 Русская тихоокеанская эпопея, 1979. С. 212; Стеллер, 1995. С. 125, 195–196.

Формирование современных топонимов

Основная часть современных топонимов сформировалась во второй половине XIX в. Последующие дополнения были незначительными.

Подавляющее большинство укоренившихся названий было впервые нанесено на карту о. Беринга окружным врачом Бенедиктом Дыбовским, в то время как на карту о. Медного — управляющим островами Николаем Гребницким. Одновременно с ними американский зоолог Леонард Стейнегер опубликовал научно-популярную статью «Под парусом вокруг острова Беринга», которая содержит топонимы означенного острова. Наблюдения всех троих ученых относятся к началу 1880-х гг., и все три работы очень информативны, но лишь Дыбовский посвятил топонимике отдельный раздел своей монографии.

Благодаря усилиям Дыбовского и Стейнегера на карты помимо русских были нанесены и алеутские названия. Оба приезжих исследователя работали не только с чиновниками и служащими компании «Гутчинсон, Кооль и К°», представлявшими интеллектуальную элиту островов, но также с алеутами и креолами. Независимый скрупулезный анализ собранного полевого материала выявил высокий уровень соответствия между полученными данными и опубликованными ранее на карте Зандмана–Беклемишева–Гребницкого 1882 г. Поскольку Дыбовский с первых шагов (с 1879 г.) стал непримиримым оппонентом Гребницкого, а Стейнегер стремился к максимальной точности во всем, такое соответствие доказывает, что бóльшая часть выявленных топонимов действительно бытовала на островах и не была привнесена искусственно (как в случае с мысами Вакселя, Юшина и Хитрова).

Малый процент алеутских слов может свидетельствовать о некой укоренившейся традиции. Отдельные топонимы могли сохраниться со времен робинзонившей в 1805–1812 гг. русскоязычной бригады Шипицына. Двое промышленников[1], в том числе уважаемый всеми Ва-

[1] Гребницкий, 1882. С. 44.

силий Бурдуковский, осели на островах, обзавелись семьями и стали главными «патриархами-сказителями». Кроме того, с самых первых лет заселения больше половины жителей были креолы, разговаривавшие на двух языках. В годы правления РАК они занимали достаточно высокое социальное положение, в том числе были писарями и даже управляющими[1]. Конечно, для официальных отчетов всегда использовали только русский. Мог ли русский язык выступать в роли межэтнического, поскольку на Командоры были привезены выходцы с разных островов, говорившие на разных диалектах? Маловероятно. Алеуты и эскимосы отлично понимали друг друга без переводчиков. Скорее, существовало множество параллельных топонимов на русском и алеутском языках, при этом ключевые объекты получили русские названия, а второстепенные сохранили алеутские. В отдельных случаях русские топонимы заменялись алеутскими ради благозвучия.

В период аренды пушных промыслов американской компанией «Гутчинсон, Кооль и К°», когда транспортная связь с Америкой и Камчаткой наладилась, отношение к алеутскому языку стало двояким: с одной стороны, он расценивался приезжими исследователями как самобытный колорит местности, с другой — существовал запрет на его использование в общественных местах[2], дабы не обидеть гостей. Должно быть, именно поэтому Гребницкий, знавший местные диалекты лучше кого бы то ни было, воздерживался от указания алеутских топонимов на карте. Такие действия могли быть расценены местным населением как непоследовательные. Зато он мог содействовать приезжим ученым в сборе информации. Что, судя по всему, и происходило.

К сожалению, в ряде случаев сопоставление географических объектов крайне затруднительно из-за существенных неточностей в изображении береговой линии. Гребницкий и Дыбовский пользовались картой капитана Зандмана, переснятой и дополненной мичманом Беклемишевым. По сравнению с картой из «Атласа» Тебенькова она ненамного уточнила контуры о. Беринга, а о. Медный исказила до неузнаваемости. На карте 1894 г. стоит пометка: *«На плане крейсера Забияка 1894 года остров Медный по долготе в среднем показан на 6–7 миль W-ее положения его на этой карте, а ширина острова Беринга показана менее до 4 миль»*[3]. Стейнегер внес значительные топографические

---

1 Татаренкова, 2012, Командорские острова… С. 251–252.

2 АКМ ГИ 1150/1.

3 РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 7. Д. 1602.

уточнения, но зачастую и этого было недостаточно. Поэтому при рассмотрении редкопосещаемых и труднопроходимых участков речь пойдет не о полном соответствии современным топонимам, а о просматривающейся тенденции, где в роли географической привязки выступают не координаты, а порядок чередования бухт или мысов.

Островные топонимы можно условно разделить на 5 групп:

1) отражающие географические и геоморфологические особенности местности;
2) указывающие на массовые скопления того или иного биологического объекта;
3) посвященные историческим деятелям;
4) обозначающие промысловые участки или место сезонного проживания промысловой семьи;
5) названия, отражающие особенности эксплуатации природных ресурсов, связанные с конкретными событиями, фольклорными персонажами или несущие некий прикладной смысл.

Отдельно стоит рассмотреть формирование названий основных населенных пунктов.

Названия основных населенных пунктов

Промысловое селище на месте современного села Никольского на о. Беринга начало формироваться с 1745 г. — когда команда Басова «обыскала постоянную гавань» и ввела судно в речку. Гавань на о. Медном, ставшая впоследствии Преображенской, была открыта спустя два года, в 1747-м (см. с. 34, 77–78, 81), тогда же на берегу было организовано первое кладбище. Строительные работы в деревне Глинке начались не позднее 1750 г.[1] В середине XVIII в. в этих бухтах было относительно многолюдно, тогда как в конце века они преимущественно пустовали.

В 1825 г. Командоры вошли в основной состав колоний и поступили в распоряжение главного правителя РАК. Несколькими годами ранее на острова была перевезена первая крупная группа алеутов. Активная застройка началась с 1826 г. В селениях были построены первые молельные дома: в 1832 г. на о. Беринга и в 1834-м — на Медном. Через десять лет они были перестроены и освящены в часовни:

[1] Спасский, 1822. С. 282–283. Деревня Глинка просуществовала ориентировочно до 1920 г.

в 1842 г. — Иннокентьевская на о. Беринга и в 1847-м — Преображенская на Медном[1]. Но, несмотря на происходившие административно-структурные перемены, из-за малолюдства и отдаленности острова по-прежнему считались «не имеющими постоянных поселений».

Оба селения назывались Гаванскими, или «селениями при Гавани» до 1880-х гг. Село Преображенское получило название в сентябре 1881 г. в соответствии с приказом Н.А. Гребницкого за № 156: *«Старосте о. Медный. Приказ: Впредь именовать и писать существующее ныне селение на о. Медный — что в гавани — Преображенским селением»*[2]. С названием села Никольского дело обстоит сложнее — соответствующий документ был утрачен, и остается только апеллировать к косвенным фактам. В 1-м и 2-м выпусках 3-го тома «Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью» приводятся карты, на которых в первом случае обозначено село Гребницкое, а во втором — Гребницкое/Никольское. Судя по всему, вариант с селом Иннокентьевским по аналогии с Преображенским был отвергнут сразу, а дальше разгорелись дебаты, длившиеся несколько лет. В статье Стейнегера, друга и единомышленника Гребницкого, находившегося в 1882–1883 гг. на о. Беринга, присутствует обтекаемая фраза, что деревня, именуемая местными жителями просто Гавань, только с недавнего времени обрела собственное название, нанесенное на рукописные варианты карт как Гавань Гребницкого[3]. Никольское в статье не упоминается, и на карту нанесено старое название Гавань. Зато в отчете подполковника Н.А. Волошинова о командировке на острова в 1884–1885 гг. уже фигурирует Никольское[4]. Таким образом, название официально закрепилось около 1885 г. Исходила ли инициатива от самого Гребницкого, сказать сложно. Как бы то ни было, приверженцы версии о том, что село названо в честь управляющего, не так уж далеки от истины. В конечном счете Гребницкое так и осталось на бумаге, и селение было названо в честь св. Николая, небесного покровителя управляющего[5].

Названия сел прижились не сразу: несмотря на официальное переименование, для жителей они оставались Гаванскими до середины XX в. Слюнин в отношении Никольского придерживался старого топонима даже в 1895 г.

---

1 Netsvetov, 1980. P. 78, 110; АКМ НВ 139/14.

2 АКМ ГИ 1146/2.

3 Stejneger, 1885, Eine Umsegelung der Berings-Insel. S. 229.

4 Волошинов, 1887. С. 179.

5 Татаренкова, 2012, Командорские острова… С. 252–253.

В 1970 г. село Преображенское на о. Медном было закрыто. Но территорию бывшего селения до сих пор называют Преображенским.

Топонимы, отражающие геоморфологические особенности местности

Самые распространенные топонимы на обоих островах — это разнообразные Непропуски и Песчанки.

На Командорах до сих пор **непропусками** называют непроходимые или сложно проходимые скалистые участки морского берега. П.Ф. Кузмищев, служивший на Камчатке в 1826–1830 гг., в 1842 г. дал определение, полностью совпадающее с современным: *«каменный утес берега, мимо которого нельзя пройти внизу возле воды; непроходимое место по берегу у воды; там, где утесы спускаются прямо в воду»*[1]. Обычно это слово нарицательное, но существуют и несколько топонимов: бухта Непропусковая, мысы Непропуск, Диковский Непропуск, Сивучий Непропуск, Китовый Непропуск. Впервые мыс Непропуск появился на карте 1894 г.

Песчанками и Песчаными (на алеутский манер — Писанах) называют песчаные бухты и впадающие в них речки или ручьи. Несколько

Столовые горы, о. Беринга

[1] Кузмищев, 1842. С. 248.

Песчанок со временем получили более персонализированные названия: к примеру, бухта Ожидания на о. Медном.

К этой же категории следует отнести названия, отражающие внешние особенности объектов или их географическое расположение. Это мысы Тонкий, Толстый, Островной, Северо-Западный, Юго-Восточный; бухты Большая, Тундровая (Тундряная), Столбовая, Озерная и т. д. Не перечисляя все, остановимся на некоторых наиболее интересных.

Две своеобразные сопки, хорошо заметные на фоне равнинной северной части о. Беринга, долгое время служили ориентиром морякам. Сегодня за характерные очертания их называют **Столовыми горами**, или Столовыми сопками. Но в прежние годы они больше ассоциировались с лодками, точнее, байдарами. В качестве самостоятельного топонима Столовые горы впервые отмечены в монографии Дыбовского. Но он же сам сделал оговорку, что местные жители называли сопки Байдарами[1]. Позже исчерпывающее объяснение дал Суворов: *«…среди тундры поднимаются две группы оригинально сложенных невысоких гор, именуемых «Лодками», действительно напоминающих очертаниями опрокинутыя лодки. Три более восточных Лодки, часто называемыя Сарановскими, несколько выше, зато две Северновския Лодки обладают столь правильными очертаниями, что представляют*

Свинные горы, о. Беринга

[1] Dybowski, 1885. S. 103.

типичныя Столовыя горы»[1]. «Саранновскими Лодками» Суворов называет современные Свинные горы. Больше такое сравнение нигде не встречается, хотя с геологической точки зрения он абсолютно прав: и Столовые, и Свинные, и сопка Гаванская представляют собой интрузивные выходы, отпрепарированные морской абразией.

Расположенная неподалеку менее высокая плоская **сопка Наковальня** имеет то же происхождение и характерную форму. Скорее всего, она получила свое название еще в период Российско-Американской компании. В пользу этой версии говорит наличие ее «тезки» на карте о. Атка — там до сих пор сохранилось русское название *Naakuvalinaχ*[2]. Морозевич вольно перевел топоним как «Кувалда» (Kowadło), а расположенную восточнее Малую Наковальню обозначил как «Говнушка» (Gawnuszka), очевидно перепутав с близлежащим участком Ситхинух[3] (см. с. 99, 139).

К категории ассоциативных также будет отнесен **мыс Палата** на о. Медном: согласно трактовке Дыбовского, мыс получил название благодаря тому, что близлежащие сопки по форме напоминают шатры.

Сопка Наковальня, о. Беринга

[1] Суворов, 1912. С. 84.
[2] Bergsland, 1994. P. 627.
[3] Morozewicz, 1925. S. 5.

Мыс Живот, по очертаниям напоминающий козырёк (кондерок), о. Беринга

Название одного из мысков южнее мыса Толстого на о. Беринга произошло от слова *кондерок* — так, по свидетельству местного жителя Г.М. Яковлева, на Командорах называли козырек у кепки. Действительно, в словаре Даля наряду с прочими приводится следующее толкование: *«кондырь (кур., арх.) — козырек у фуражки»*. Точнее записано у Дыбовского: *«На голову, на капюшон камлеи, алеут надевает тонкий, вырезанный из дерева козырек, украшенный перьями и усами морских львов, он защищает глаза от солнца, волн и дождя. Козырек по-алеутски называется "таныкйугх" или "чахудах", русские его называют "кандырок"»*[1]. Алеутское слово *chaguđaχ*[2] обозначает деревянную шапку с открытым верхом, в то время как *таниχ* — лоб. Восточные алеуты называли открытую шапку-козырек *chaguđaχ*, западные — *chaxuđaχ*, *chaguyaχ*; а более дорогие козырьки с закрытым верхом, выполненные, как правило, из светлой древесины, назывались *qangiiluχ*. Польский исследователь еще застал такие головные уборы и два открытых козырька вывез в г. Львов (сейчас они хранятся в Этнографическом музее г. Кракова). Скала в этом месте нависает, образуя выпуклый лоб, своего рода козырек. На современной карте допущена неточность — **мыс Кондерок** показан на месте **мыса Живот**, имеющего округлые очертания, а мысу Живот ошибочно приписан топоним Кондерок.

Бухта Полуденная на о. Беринга приобрела название благодаря простиравшемуся неподалеку некогда многочисленному лежбищу морских котиков. Лежбище называлось Полуденным, или Южным — в противовес Северному, расположенному окрест мыса Юшина. Слово «полуденный» — не что иное, как устаревший синоним понятия «южный», оно нередко встречалось в отчетах о походах первых промысловых партий второй половины XVIII в. и сохранилось в некоторых языках

---

1 Dybowski, 1885. S. 103.

2 Bergsland, 1994. P. 126.

славянской группы, в частности, польском. Первым Южное лежбище увидел Георг Стеллер. К началу 1890-х гг. участок пришел в упадок, а с 1902 г. лежбище полностью прекратило свое существование.

Как сказано выше, на картах встречаются топонимы, имеющие алеутские корни. Один из них — бухта Чигачиганах: *Tshigatschiganakh* (в англ. транскрипции *Tchigatchiganakh*) на карте Стейнегера 1885 г. и *Czingá-czinganá h* на карте Морозевича 1925 г. На современных картах она обозначена как **бухта Непропусковая**, у Дыбовского — Нерпичная (о. Беринга). Местные жители, как правило, называют ее по имени впадающей речки — Кислая Капуста: в этом месте на берегу моря часто скапливается гниющая, т. е. «кислая», морская капуста. *Чиӈанаχ* переводится как «речка, ручей, протока». Местная жительница В.Т. Тимошенко, один из последних носителей алеутского языка, трактует словосочетание как «бурная речка, которая впадает [в другой водоем]»[1]. Стоит отметить, что близкие топонимы встречаются и на других островах бывшего Атхинского отдела РАК: бухта *Chiĝanagiχ* на о. Атка и *Chiĝanaχsiχ* — на о. Атту[2].

На картах Стейнегера, а вслед за ним и Морозевича появляется еще один алеутский топоним — бухта *Ханна-Эта (Hanna-Eta)*. Современное название — **бухта Озерная** (о. Беринга). Под этим же названием *(Oziernaja)* она фигурирует у Дыбовского. *Ханна-Эта*, а точнее, *ђаним уđаа* дословно переводится как «озерная бухта»[3]. Такую же трактовку — «бухта с внутренним озером» (Bucht mit Insee) — дает сам Стейнегер[4].

В **бухту Сластную** на о. Беринга, расположенную севернее мыса Пасенюк (в 1880-х гг. мыс назывался Сластным, а в 1910 г. — Водопадским), впадает речка с водопадом. У Дыбовского она обозначена как *wodospad Igidhuch*[5]. Слово *игиđгуχ* переводится с алеутского как «водопад». Интересно, что близкое по звучанию слово *иđигаχ (иđигаđаχ)* переводится как «сладость, сласть, сахар». Не исключено, что происхождение топонима Сластной связано с неверным переводом алеутского слова.

Бухта Ореховская (о. Беринга), вопреки ожиданию, не связана с орешником — Дыбовский пишет, что берег покрывают мелкие камешки, похожие на орехи. Впервые топоним встречается у Гребницкого (мыс Ореховый).

---

1 ПМА: В.Т. Тимошенко, 3.03.2011.

2 Bergsland, 1994. P. 138.

3 Перевод и транскрипция Е.В. Головко, 2011 г.

4 Stejneger, 1885, Eine Umsegelung der Berings-Insel. S. 255.

5 Dybowski, 1885. S. 105.

Топонимы, указывающие на обилие каких-либо животных или растений

Значительная часть бухт, мысов и островков Командорского архипелага носит названия животных. Это разнообразные Бобровые, Нерпичьи, Секачиные, Сивучиные, а также Гольцовки, Урильи, Орловые, Глупышиные, Арьи, Говорушечьи, Старичковские и Топорков. Легко догадаться, что в этих местах обитают или обитали раньше указанные виды.

Таким образом, остается только перевести названия на современный язык.

Бобрами вплоть до середины прошлого века называли каланов *Enhydra lutris*. Сивуч *Eumetopias jubatus*, он же морской лев, — самый крупный из двух видов ушастых тюленей, формирующих репродуктивные лежбища на Командорах. Ему посвящено не менее пяти топонимов, в то время как основному промысловому виду, северному морскому котику, — ни одного, прямо указывающего на него, только Секачиный и Лежбищный. Места концентрации морских котиков называют просто «лежбищами». На лежбищах обычно можно встретить секачей — взрослых самцов котика, имеющих или имевших собственный гарем. Размножающихся самцов сивуча также называют секачами.

Из орнитонимов дополнительного пояснения требуют *урилы* и *ары*. *Урилами* на островах по сей день называют бакланов *Phalacrocorax sp.*, причем любых, не обязательно краснолицего (как некоторые ошибочно полагают). Вероятно, слово пришло с Русского Севера: оно встречается у Крашенинникова, в промысловых отчетах XVIII в. и было распространено на территории Русской Америки. Дыбовский считал слово камчадальским, в качестве алеутского указывал *киллитаках (qilitaqaχ)*[1], хотя обычно на Командорах говорили *аагайуχ*.

Арами раньше называли кайр, *Uria sp.* — белобрюхих «морских чаек», или «морских гагар»[2], слово камчатское.

Из ястребиных на Командорах гнездился белоголовый орлан *Haliaeetus leucocephalus alascanus*. В 1741 г. вид, судя по всему, был обычен, но к концу XIX в. стал редким: в 1882 г. Стейнегер наблюдал старого орла в окрестностях мыса Толстого на о. Беринга.

---

1 Bergsland, 1994. P. 323.

2 Аникин, 2000. С. 91; Браславец, Шатунова, 1977. С. 24.

Один из участков бухты Большой на севере о. Беринга Дыбовский обозначил как **бухту Каюрскую** *(Kajurskaja)* и сам же пояснил, что название произошло *«от птицы, называемой каюрка Uria columba, гнездящейся на прибрежных скалах»*[1] (совр. командорский тихоокеанский чистик *Cepphus columba kaiurka*). Крашенинников отмечал, что казаки сравнивали эту птицу с извозчиками за то, что *«свищут оне как извощики»*[2]. Погонщиков, управлявших собачьими упряжками, на островах тоже называли каюрами. Каюров-извозчиков на о. Беринга было предостаточно, поскольку собачьи упряжки были основным средством передвижения, особенно в северной части острова. Навыками каюра обладал любой промысловик[3]. Ю.Б. Артюхин отмечал, что основные поселения каюрки находятся на юге острова, и в то же время птица гнездится на Арьем Камне и о. Топорков[4]. В трактовке данного топонима возможны два варианта: либо на этом участке в конце XIX в. действительно обитала достаточно крупная колония птиц, либо топоним каким-то образом связан с собачьими упряжками (полностью исключать последний вариант тоже не стоит).

На острове имеется еще один близкий по звучанию топоним — **бухта Каюльская**, расположенная южнее бухты Гладковской. Название могло явиться результатом неправильного написания слова «каюр», но более вероятно, что это производное алеутского *кайулаҳ*. С птицами участок едва ли связан: по своим геоморфологическим признакам берег малопригоден для гнездования тихоокеанского чистика[5]. Словом *кайулаҳ (kayulaҳ)*[6] в XIX в. одно время называли низшую бесправную категорию работников РАК, а позднее — лиц, совершивших правонарушения[7] (см. с. 128).

Если все вышеперечисленные названия довольно милы, то мыс Сихтын Яры близ бухты Жировой на о. Медном подчеркивает запоминающуюся, но не слишком приятную особенность птичьего базара. Медновскому *сихтис* соответствует беринговское *ситхис*, термин подразумевает любые зловонные испражнения, в том числе птичье гуано.

---

1 Dybowski, 1885. S. 99.
2 Крашенинников, т. 1, 1994. С. 334.
3 АМАЭ. Ф. К-I. Оп. 2. Д. 1305.
4 Артюхин, 1991. С. 117.
5 Устное сообщение Ю.Б. Артюхина, 2013.
6 Bergsland, 1994. P. 235.
7 Хлебников, 1979. С. 116.

На медновском диалекте словосочетание звучит *сихтиӈ йааӷии*[1]. Действительно, скалы мыса белы от птичьего помета. Параллельно с алеутским бытовало русскоязычное название — мыс Говённый (у Морозевича — *Gawnawoj*). На о. Беринга словом Шутхину (Ситхину) по сей день обозначают поселковую свалку и один из рыболовных участков в долине Гаванского озера (см. с. 139).

Из всего многообразия рыб на карте была увековечена только «мяконькая» («мягонькая»). Так русские раньше называли нерестящуюся в весенние месяцы у берегов островов рыбу-лягушку *Aptocyclus ventricosus*. Сегодня все островитяне знают ее как аюхашку, от алеутского *айуҳаҳ*. Бухта Мяконькая расположена недалеко от мыса Вакселя (о. Беринга). Несколько смущает, что название появилось относительно недавно, на карте Дыбовского бухта называется Одиночечная. Строго говоря, современное название могло появиться в результате фонетического искажения фамилии Мякишев (см. с. 116–117).

Растениям в топонимике островов также отведена весьма скромная роль. Помимо озера Саранного сохранилось только одно «ботаническое» название — **бухта Таблажанка** (ранее записывалась как Таволжанкина, Тавалажанка, Таблазанка). По мнению Дыбовского,

Рыба-лягушка *Aptocyclus ventricosus*

[1] «Дерьмовый мыс», перевод и транскрипция Е.В. Головко, 2013 г.

причиной стало обилие таволги (он указывает *«Spirea»*[1] — устаревшее название рода). Таволгой, или лабазником, называют растение семейства розоцветных, в нашем случае полутораметровую *Filipendula camtschatica*. Правда, остается загадкой, почему Дыбовский отнес травянистое растение к кустарникам[2].

Исключение из общего правила представляет только **мыс Манати** (совр. неточное написание — Монати). Он получил название не благодаря присутствию близ южной оконечности острова скопления морских коров, а как дань восхищения этим замечательным животным. Ранее говорилось, что топоним родился в августе 1742 г. — в день, когда команда Второй Камчатский экспедиции навсегда покидала остров. Морская корова *Hydrodamalis gigas* (семейство дюгоневые, отряд сирены) была отнесена Георгом Стеллером к группе *Manates,* т. е. к ламантинам. Некоторые из ее прежних латинских названий сохранили имя первооткрывателя и устаревшее слово «манат»: *Manati gigas, Rytina (Rhytina) stelleri, Manatus stelleri, Trichechus manatus* и др.[3] Команда разбившегося пакетбота называла животных манатами: *«Мы ежедневно могли наблюдать, как прямо против места нашей стоянки в море ходили довольно большие косяки морских коров или манатов»*[4].

Название южной оконечности о. Беринга оказалось настолько экзотичным, что было непонятно не только алеутскому населению, но даже некоторым именитым ученым. Поэтому наряду с официальным бытовали местные топонимы. Вот что писал по этому поводу Е.К. Суворов: *«Название этого мыса — Манати — совершенно непонятно; такого алеутскаго слова не существует. Быть может, в этом названии следует видеть искаженное выражение: Танам ангта — конец земли; сами алеуты называют его Танам кгеганга»*[5]. Дыбовский как один из вариантов повторяет алеутскую транскрипцию *танам-анг-та* — «конец земли»[6]. *Танаӽ* переводится как «земля, суша, остров», *анӷтаа* — конец чего-либо, таким образом, словосочетание могло звучать как *танам аӈтаа*[7]. Упомянутое Суворовым *танам ӽиӈанаа*[8] можно перевести как

---

1 Правильное латинское написание — *Spiraea*.
2 Dybowski, 1885. S. 9, 15, 98.
3 Гептнер и др., 1967; Ваксмут, 1899.
4 Ваксель, 2011. С. 487.
5 Суворов, 1912. С. 82.
6 Dybowski, 1885. S. 99.
7 Перевод и транскрипция Е.В. Головко, 2013 г.
8 Перевод и транскрипция Е.В. Головко, 2011 г.

«холодная земля». Четвертое название — мыс Сточной — приводится у Стейнегера с единственным пояснением: *«так местные жители называют обозначенный на карте Кап Манати»*[1].

Топонимы, посвященные историческим деятелям

Первым человеком, чье имя было увековечено на картах, был, конечно же, Витус Беринг. Его именем назван остров, а весь архипелаг указывает на его звание по морскому рангу. Место стоянки Второй Камчатской экспедиции в разные годы называли по-разному, современное название закрепилось с 1882 г. В том же году Леонард Стейнегер произвел в бухте первые научные раскопки и обнаружил так называемое «летнее жилище». Прежде следили только за сохранностью символического креста. Место первоначального захоронения было утрачено еще в XVIII в., и Российско-Американская компания, руководствуясь описанием Стеллера, поставила на предполагаемом месте погребения простой деревянный крест. Спустя годы Гребницкий снова обратился к дневникам натуралиста и в 1880 г. установил новый[2]. Ориентиром послужила та самая хорошо заметная «летняя» землянка. Зимние жилища и место захоронения капитан-командора и пяти членов экипажа удалось обнаружить и исследовать только во время раскопок 1979 и 1991 гг. С 1960 г. историко-мемориальный комплекс бухты является археологическим памятником федерального значения. С 1993 г. территория вошла в состав государственного природного заповедника «Командорский».

Следующие три топонима, посвященные мореходам Вакселю, Юшину и Хитрову, появились на о. Беринга в период Российско-Американской компании. Их последователи, морские офицеры, изучавшие акваторию «Восточного моря», по достоинству оценили выдающийся вклад первопроходцев. Но никто не удосужился связать хотя бы один из географических объектов с именем главного исследователя острова — Георга Стеллера! *«Но что же напомнит здесь о бессмертном Стеллере — Геродоте дальних земель?* — писал в 1885 г. страстный поклонник немецкого натуралиста Леонард Стейнегер. — *Попробуйте найти его имя на карте острова, который он так одухотворенно*

---

1 Stejneger, 1885, Eine Umsegelung der Berings-Insel. S. 251.

2 Суворов, 1912. С. 15.

воспел! <…> Тот, кто увековечил экспедицию, кто спас людей от гибели, был забыт. Теперь настало время наверстать упущенное! Я почту за честь отдать должное великому немецкому ученому-путешественнику, написав о нем в сборнике «Немецкие географические страницы». Самый высокий горный пик острова Беринга будет называться гора Стеллера»[1].

В конце лета 1882 г. в память о Беринге и Стеллере американский ученый решил совершить плавание вокруг острова. Во время похода на парусной лодке он много рассуждал о невзгодах, выпавших на долю мореплавателей. Но больше всего его волновала судьба Стеллера — он не раз представлял себя на месте отважного путешественника. В эти дни его осенила мысль увековечить имя своего кумира.

Путевые заметки Леонарда Стейнегера

[27 августа 1882 г.] *Наконец, без четверти четыре мы двинулись в путь. Мы шли по узкому проходу и держались так близко к берегу, что во многих местах не могли пользоваться веслами. Впрочем, они все равно были лишними: свежий южный ветер гнал нас и без паруса так быстро, что приходилось даже притормаживать, поскольку нередко попадались отмели и киль нашей шлюпки скреб по дну. Таким образом, в скором времени мы обогнули мыс Толстый и надеялись через час достичь «Командора». <…> Встретившие нас за этим мысом сильный встречный ветер и густой туман стали неприятной неожиданностью. <…> Когда мы миновали ущелье, ветер задул с новой силой, но в тумане стало еще опаснее. С невероятными усилиями мы пробивались вперед, и когда ветер усилился до штормового, нам пришлось облачиться в камлейки, чтобы защититься от брызжущих волн, превращающихся в проливной дождь. Люди держались мужественно. Особенно поражал Мальцов — неустрашимый, он шел иногда по грудь в воде и не обращал никакого внимания на шторм, заливающий ему глаза соленой водой. <…> Волны океана в дикой ярости разбивались о внешнюю кромку рифа. Шипя и воя, скатывались с горных склонов порывы ветра и обрушивались на нашу беззащитную лодку. Морские и небесные воды разверзлись над нами; надвигающиеся сумерки окончательно скрыли от нас то, что еще позволял увидеть туман. <…> Стало ясно, что до наступления темноты последний мыс нам не обойти. В ходе непродолжительного «военного» совета было решено прекратить*

[1] Stejneger, 1885, Eine Umsegelung der Berings-Insel. S. 226.

бессмысленную борьбу, вытащить лодку на берег прямо там, где мы находились, и готовиться к ночлегу.

<…> *Что за ночь была! Дождь лил как из ведра, и скоро внутри* [палатки] *стало так же сыро, как и снаружи. Жутко завывающий ураган грозился сорвать и унести ее прочь; океан аккомпанировал ему мощным ревом, заглушающим все остальные звуки. Нет необходимости объяснять, почему этой ночью мысли мои то и дело обращались к Берингу, Стеллеру и их собратьям по несчастью, жившим и страдавшим в непосредственной близости от этого места! Что за причуда провидения, забросившая сюда самых разных людей, влекомых неутолимой жаждой знаний! Затем я представил старания каждого, кто 140 лет назад впервые оказался на этой девственной земле, преодолевая несказа́нные сложности, и устыдился своего мелочного брюзжания. Я сравнивал их героизм и стойкость с собственным унынием и робостью. Сравнение было не в мою пользу, однако оно напомнило, что у меня нет причин жаловаться, и придало мужества. Во мне пробудилась гордость за то, что теперь я близок к месту, где зимовали Стеллер и его товарищи. Я успокоился и скоро, несмотря на шторм и дождь, укрепляющий сон окутал мои усталые члены. Все же сбылась отчаянная мечта моей юности!* (Перевод с нем. О.А. Куликовой, лит. обработка Н.Т. Татаренковой, ред. А.В. Зименко).

Первой его вдохновила живописная природная арка на берегу океана: 21 августа в *«4 часа 15 минут пополудни я причалил к единственной из сохранившихся арок, под которой когда-то проходил Стеллер. Созданное природой величественное сооружение, похожее на парадные врата и стоящее совершенно обособленно, я назвал в честь Стеллера «Стеллерова Триумфальная Арка». Его могилу в пустынной степи не почтили памятником, Россия не простила ему прямодушия и критики несправедливости властей, но имя Стеллера не будет забыто и его триумфальная арка, украшенная милыми белыми златоглазыми цветами Chrysanthemum arcticum и желтым лишайником Caloplaca murorum и crenulata, станет памятником, достойным великого исследователя»*[1]. (Стеллер простудился и скончался в Тюмени 12/23 ноября 1746 г., место его захоронения до сих пор остается неизвестным. Под «критикой властей» Стейнегер подразумевает историю с освобождением арестованных камчадалов и бесчисленные конфликты с офицерами

[1] Stejneger, 1885, Eine Umsegelung der Berings-Insel. S. 226; Stejneger, 1896. P. 42.

и чиновниками. «Златоглазыми цветами» может быть только арктоцветник, который на острове называют просто ромашкой).

Следующей была самая высокая вершина острова: *«Мы прошли «Казарму» — беспорядочно нагроможденную массу скал, расположенную у северного входа в бухту Гладковскую <…>. От Гладковской можно пройти по долинам к Половине, на противоположную восточную сторону острова. Этот разрез*[1] *настолько глубок и прям, что издали с моря кажется, будто он делит остров надвое. Горы с обеих сторон очень высоки, особенно в южной части, здесь расположена самая большая из них — «Сопка», или «Утес», которую я назвал горой Стеллера»*[2].

С тех пор самая высокая вершина о. Беринга называется **горой Стеллера**, а самое живописное место — **Аркой Стеллера**[3]. Примечательно, что до 1882 г. оба объекта не были безымянными. Старое название арки — Штаны Тетеринова, позже оно трансформировалось в Тетерины Штаны. Унтер-офицер Тетерин[4] исполнял должность надзирателя в период межвластия 1869–1871 гг. и был единственным государственным чиновником, препятствовавшим разграблению котиковых лежбищ. Сопку Стеллера называли горой Беглецов, или Чунохголохтах (см. с. 127). В советское время богатая фантазия жителей острова «женила» Штаны на горе Беглецов (фольклорное насмешливо-ироничное выражение).

Всем, кто посещал о. Беринга, известна протекающая близ села Никольского **река Гаванская** (Гаванка). Это самая полноводная река Командорских островов. Она впадает в открытую бухту, или «гавань», наиболее удобную для захода судов (совр. Никольский рейд). Впервые топоним Гаванская встречается в отчете о походе 1772–1778 гг. бота «Св. Архангел Михаил» кампании Алексея Холодилова[5] (прежде речка могла называться так же, как и гавань, — Басовской, а затем Низовцева). Однако спустя сто лет Гаванка едва не лишилась своего привычного имени — Стейнегер, вслед за ним Суворов и даже уроженец о. Медного Валентин Хабаров называли речку Стеллеровской[6]. Но, несмотря на приложенные усилия, новый топоним не прижился.

---

1 Долины этих рек сопряжены с геологическим разломом.

2 Stejneger, 1885, Eine Umsegelung der Berings-Insel. S. 237; Stejneger, 1896. P. 37.

3 См. рисунок Арки Стеллера на контртитуле.

4 Гребницкий, 1902. С. 40; Гребницкий, 1882. С. 5, 101; Stejneger, 1896. P. 90.

5 АРГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 2. С. 115.

6 Stejneger, 1896. P. 38; Суворов, 1912. С. 86; Хабаров, 1941. С. 15.

Корвет «Боян» («Баян»),
годы службы 1856–1893
(Википедия, со ссылкой на Архив фотографий кораблей русского и советского ВМФ)

Паровой барк «Александр II»,
капитан — Иван Зандман, 1895 г.
(Stejneger, 1896)

Николай Александрович Гаупт,
в 1894–1895 гг. командир
крейсера «Забияка»
(Интернет-ресурс: Цусимские форумы)

Крейсер II ранга «Забияка», Петропавловский порт, 1892 г.
(Википедия)

Петр Васильевич Бурдуковский, о. Беринга
Фото Л. Стейнегера, ок. 1895 г. (Интернет-ресурс: Вахрин, Татаренкова, «Тайны камчатских имен», со ссылкой на SIA2016-006806)

Г-н Кребс — агент компании «Гутчинсон, Кооль и К°» *(второй справа в нижнем ряду)* с жителями о. Медного
(Гребницкий, 1882)

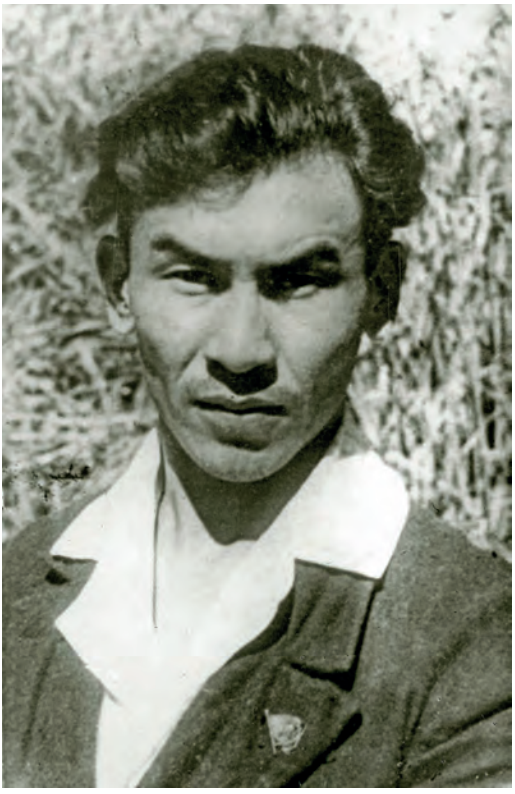

Предп., Березины Игнат Федосеевич и Александр Игнатьевич — сын и внук Федосея Березина, вторая половина 1890-х гг.
Фото предп. Н.А. Гребницкого (ХКМ-КП 8019-38)

Петр Игнатьевич Березин — внук Федосея Березина
Фото предп. Е.Д. Ильиной, 1936–1937 гг.
(фонды АКМ, фрагмент)

Братья Волокитины: Иннокентий Федорович, 1930 г. *(слева)* и Павел Федорович, конец 1930-х гг. *(справа)*
(Фонды АКМ)

Егор Петрович Томатов, 1950-е гг.
(Фонды АКМ)

Александр Иванович Черский, 1904 г.
(Семейный архив А.В. Ржавского)

Вера Терентьевна Тимошенко
(в девичестве Ладыгина), 2015 г.
Фото А.А. Комарова

Анна Макаровна Панькова, 1950-е гг.
(Фонды АКМ)

Эрик Индрикович Гребзде (Ладыгин) вспоминает истории из детства, 2017 г.
Встреча с М. Дирксом и Е.В. Головко, Петропавловск-Камчатский

Кирилл Терентьевич Ладыгин, 2012 г.
Фотомонтаж
ко Дню промысловика

Группа отогнанных самок морского котика, Урилье лежбище, о. Медный, 1910 или 1911 г.
(Суворов, 1912)

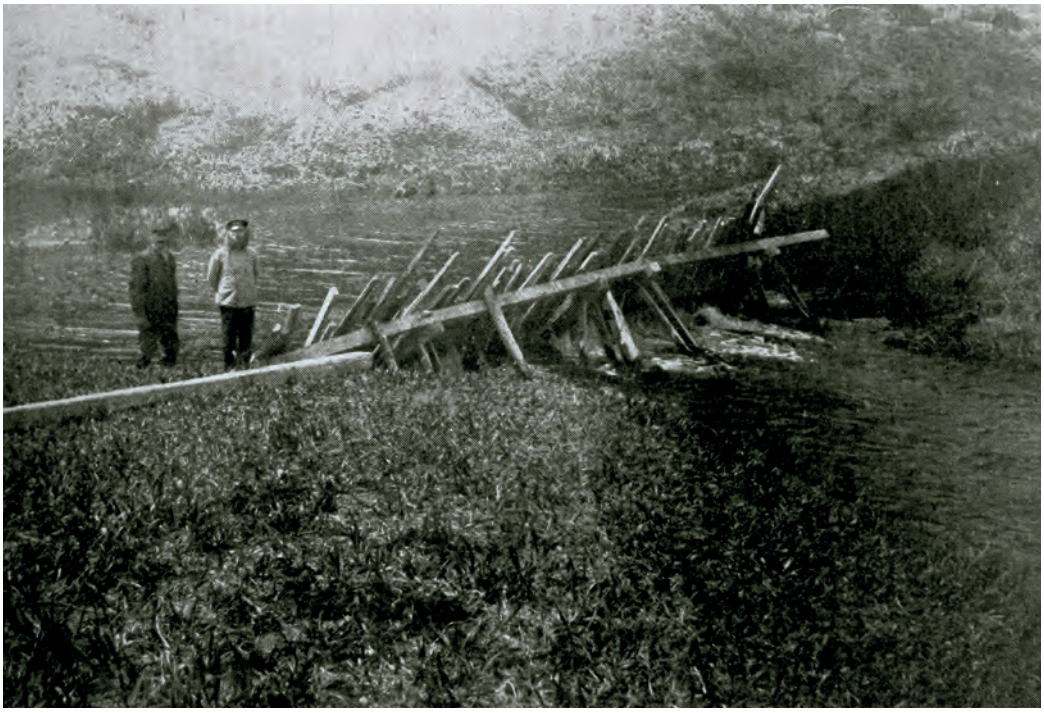

Жители о. Медного с добытым сивучем (рядом — другие тюлени), 1924 г.
(Фонды АКМ)

Тропы, по которым в летнее время прежде ходили собачьи упряжки, до сих пор называют «собачками»
Фото Г.З. Санько, 1935 г. (АКМ ГИ 328, 329)

Одностенный запор для ловли нерки на р. Жировой, о. Медный, 1910 или 1911 г.
(Суворов, 1912)

Селение Гаванское, о. Беринга, предп. 1879 г.
(Гребницкий, 1882; Dybowski, 1885)

Селение Никольское, о. Беринга, 1884 или 1885 г.
Фото Н.А. Волошинова (ХКМ-КП 8026-11)

Селение Гаванское, о. Медный, предп. 1879 г.
(Гребницкий, 1882; Dybowski, 1885)

Село Преображенское, о. Медный, 1903 г.
(Morozewicz, 1925)

Село Никольское, о. Беринга, 1912 г.

Фото Н.А. Транзе, транспорт «Таймыр» (РГАВМФ. Ф. Р-2241. Оп. 1. Ед. хр. 16. К. 46)

Офицеры и матросы Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана (ледоколы «Вайгач» и «Таймыр») на о. Беринга, июнь 1912 г. *Слева* – местные жители

Фото Н.А. Транзе, транспорт «Таймыр» (РГАВМФ. Ф. Р-2241. Оп. 1. Ед. хр. 16. К. 48)

Алеутский дом: просушка бобровой сети, о. Медный, 1899 г.
Фото Н. Гребницкого (ХКМ-КП 8026-27)

Летнее промысловое селение Глинка на о. Медном, 1890-е гг.
Фото Н. Гребницкого (ХКМ-КП 8026-21)

Селище Ладыгинское, о. Беринга, 1890-е гг.
Фото предп. Н.А. Гребницкого (ХКМ-КП 8019-63)

Летнее промысловое селение Саранновское (Саранное), о. Беринга, 1884 или 1885 г.
Фото Н.А. Волошинова (SIA2016-009100)

Летнее селение Северное (участок, называвшийся в XIX в. Северо-западным котовым лежбищем), о. Беринга, предп. 1879 г.
(Гребницкий, 1882)

Полуденное (южное) котиковое лежбище, о. Беринга, август 1895 г.
(Stejneger, 1896)

Саклов мыс,
о. Медный, 1903 г.
(Morozewicz, 1925)

Мыс Солдатский 1-й
и одноименная бухта,
о. Медный, 1903 г.
(Morozewicz, 1925)

Бухта Гладковская, о. Беринга, 1903 г.
(Morozewicz, 1925)

Юзеф Морозевич *(7-й слева)* на фоне дома с казенными квартирами, о. Медный, 1903 г. *Справа от него* — ассистент Леонид Конюшевский, *далее* — торговый агент А.П. Кантор; *слева* — Илларион Бадаев и другие алеуты
(Archiwum PANMZ)

Горное месторождение меди, о. Медный, 1903 г.
(Morozewicz, 1925)

Мыс Igaczu-Szajulach, (Игачӽисхайулах, совр. Узкий), о. Медный, 1903 г.
(Morozewicz, 1925)

Бухта Командор, крест
на символической могиле Беринга,
о. Беринга, 1884 или 1885 г.
Фото Н.А. Волошинова (ХКМ-КП 8026-24)

Скала-сфинкс,
Бобровые Камни
у северо-западной
оконечности о. Медного
(Суворов, 1912)

Лежбище морских котиков
в бухте Секачинской,
о. Медный, 1884 или 1885 г.
Фото Н.А. Волошинова (SIA2016-009104)

Вид на Песчаную Падь
(бухту Песчаную), о. Медный, 1910 г.
(Суворов, 1911)

Со временем на карте появилось имя самого Стейнегера — сегодня **сопкой Стейнегера** называется вторая по высоте вершина о. Медного. Предполагалось назвать самую высокую, но впоследствии оказалось, что соседняя на 14 м выше.

Северо-Западный мыс о. Медного в конце XIX в. был переименован в **мыс Сулковского**. На карте, прилагающейся к отчету Константина Савича 1893 г.[1], указано старое название; на карте 1894 г. присутствуют оба; на карте 1914 г. — только мыс Сулковского. Таким образом, топоним мог появиться в середине 1890-х гг. Вне всякого сомнения, инициатором выступил Николай Гребницкий — очевидно, в благодарность за то, что Сулковский не единожды оказывал содействие в решении вопросов, касающихся Командор. Петр Григорьевич Сулковский был чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Главного управления Восточной Сибири. Он лично в 1881 г. инспектировал дальневосточные окраины и был в курсе всех командорских проблем. Впрочем, название Северо-Западный мыс бытует до сих пор. В свое время его приводили и Стейнегер (1896), и Суворов (1912), и даже И.И. Барабаш-Никифоров (1934), в то время как А.И. Черский (1919) указывал мыс Сулковского[2].

Петр Григорьевич Сулковский

Губернский секретарь Петр Григорьевич Сулковский (ок. 1852–1903) посетил о. Беринга 16 июля 1881 г. и пробыл на нем три дня. 16 августа, на обратном пути с севера, он заходил на о. Медный[3]. Отчет был издан в форме двух статей: «Записка о промыслах на Командорских островах. Извлечена из дел Главного управления П.Г. Сулковским» и «Записка П.Г. Сулковскаго о плавании на клипере «Стрелок» в Ледовитый океан и на Командорские острова», обе — в «Сборнике главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью» за 1882 г.

Петр родился в Минской губернии в семье мелкопоместных дворян. В 1876 г. он окончил факультет восточных языков Петербургского университета и с ноября по март 1878 г. находился при главной квартире Его Императорского Высочества князя Николая Николаевича, главнокомандующего действующей армией в войне с Турцией. В 1879 г.

---

1 РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 262. Л. 40.

2 Барабаш-Никифоров, 1934. С. 92; Черский, 1920. С. 66.

3 ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 435; Иркипедия со ссылкой на: Петряев, 1965; Генеалогическая база со ссылкой на некролог в газете «Байкал» от 21.05.1903.

Сулковский был причислен к Министерству внутренних дел, а в апреле 1880 г. зачислен переводчиком маньчжурского языка при ГУВС.

В 1881 г. Петр Григорьевич находился в командировке на борту клипера «Стрелок» с целью обозрения северо-восточного побережья Дальнего Востока. Клипер был направлен в Ледовитый океан, на Камчатку и Командорские острова. Поход в Ледовитый океан был связан с поисками оказавшейся в ледовом плену американской яхты «Жаннетта» экспедиции Д.У. Де-Лонга (поиски успехом не увенчались). В Иркутск чиновник возвратился через Китай и Монголию.

С 14 июня 1883 г. Сулковский занимал должность старшего чиновника особых поручений при генерал-губернаторе ГУВС Д.Г. Анучине. В центре его внимания была работа по организации переселенческого движения на Амур, но в то же время сохранялась тесная связь с Командорскими островами. В мае 1884 г. он был переведен в Кяхту на должность пограничного комиссара. Помимо этого он являлся попечителем детских приютов и председательствующим директором троицкославского отделения общественного попечительства в тюрьмах, избирался гласным в Городскую думу, был одним из учредителей местной газеты «Байкал». Награжден несколькими российскими орденами и китайским орденом Двойного Дракона II степени.

Вероятно, десятилетием позже свое название получил один из кекуров близ мыса Жирового на о. Медном — **Камень Ваксмута**. Коллежский асессор отставной офицер Николай Сергеевич Ваксмут служил помощником начальника Командорской округи в 1896 и 1897 гг. Он жил на о. Медном вместе с женой Антониной Александровной и малолетней дочерью Ольгой. Занимался организацией промысла холостяков и делал это очень качественно и добросовестно[1]. В 1899 г. в еженедельнике «Приамурские ведомости» Ваксмут опубликовал заметку о собранных в разные годы костях морской коровы. В 1897 г. он доставил в Хабаровский музей сборный скелет, а в следующем — полный скелет, обнаруженный алеутом А. Березиным в 8 верстах от села Никольского. Ваксмут не единожды посылал в центральные газеты воззвание о пожертвовании на сооружение памятника Берингу на мысе Командора. К сожалению, ни одной копейки получено не было[2].

---

1 ГАКК. Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 24. Л. 219 об. —220; Д. 25. Л. 316 об. —317, 234; Stejneger, 1898. P. 149–150.

2 Латернер, 2014. С. 19.

Гора Крепса фигурирует только на карте Дыбовского, и очень жаль. Торговый агент компании «Гутчинсон, Кооль и К°» Эмиль Кребс (C.F. Emil Krebs) служил в 1871–1881 гг. и вместе со своей супругой-креолкой внес значительный вклад в повышение образования алеутов и овладение ими ремеслами. В частности, успешно выучил нескольких местных жителей столярному и токарному мастерству. «В честь этого скромного труженика» Дыбовский назвал сопку, расположенную западнее села Преображенского[1]. Сегодня гора называется Галечной.

Мыс Гаупта (первое название — Китовый) связан с именем Николая Александровича Гаупта, командира крейсера «Забияка». В 1894 г. под его руководством была выполнена съемка северо-западной части острова Беринга, обследован Никольский рейд и акватория севернее и западнее о. Топорков и составлен глазомерный план котикового лежбища. Мыс впервые подписан именем Гаупта на «Карте северозападной части о-ва Беринга» 1896 г. выпуска[2]. Впрочем, в обиходе мыс и по сей день чаще называют Китовым. Интересно, что на карте Суворова для него указан еще один топоним — Ворота.

Мыс Гаупта, о. Беринга

[1] Dybowski, 1885. S. 53, 102–103.

[2] РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 6. Д. 222.

По соседству с мысом Гаупта, несколько севернее, расположен **мыс Забияка.** Парусно-винтовой крейсер II ранга «Забияка» был спущен на воду в 1878 г. и в 1890-х гг. охранял территориальные воды в северо-западной части Тихого океана. Корабль героически погиб под огнем японской артиллерии 12 октября 1904 г. в Порт-Артуре. Топоним можно увидеть на той же карте 1896 г. Прежде мыс называли Хехсага (Дыбовский) или просто Непропуск (Стейнегер, Суворов).

В алеутском языке есть два близких по звучанию слова: *ђихсхал*[1] — что значит «горелый» — и *чаχсаӷиχ* (*chaχsaĝix*)[2] — мелководье, обнажающийся во время отлива риф. Фонетический ряд первого ближе к транскрипции, указанной Дыбовским. В то же время смысловая нагрузка не исключает возможности второго варианта, правда, с оговоркой, что топоним мог относиться не столько к мысу Забияка, сколько к расположенному по соседству мысу Гаупта. Это не является противоречием, поскольку дробной разбивки могло попросту не существовать: к примеру, сегодня жители не произносят «мыс Гаупта» или «мыс Забияка» и весь участок обозначают одним словом — Китовая. Нечто подобное могло иметь место и ранее. Мыски расположены рядом и очень популярны у местного населения: риф мыса Гаупта — плоский, легкодоступный, «удобно» обнажающийся, безопасный даже для малышей; риф мыса Забияка — более каменистый, при этом оба изобилуют морскими гидробионтами. Сегодня это основное место сбора мидий, изредка можно найти даже морских ежей. В прежние годы видовое разнообразие и обилие было значительно выше, а объектов сбора было несколько. Примечательно, что даже после того, как мысы получили имена крейсера и его командира, бухта осталась Китовой. Топоним Китовая появился не позднее 1882 г.

Николай Гаупт и крейсер «Забияка»

Николай Александрович Гаупт (1846–1909) родился в Кронштадте в семье поручика Корпуса флотских штурманов[3]. В 1856 г. мальчик поступил в Первый штурманский полуэкипаж (штурманское училище) и окончил его в апреле 1865 г. в чине унтер-офицера.

---

1 Перевод и транскрипция Е.В. Головко, 2011 г.

2 Меновщиков, 1977. С. 190; Bergsland, 1994. P. 127 (слово зафиксировано только для о. Беринга).

3 Кислов, 2017.

После окончания училища Николай отправился в учебный поход в Атлантический океан на фрегате «Дмитрий Донской», а через год — на фрегате «Светлана». В сентября 1866 г. «Светлана» вышла в море, обогнула Европу, пришла в Лисабон, посетила Мадейру и острова Зеленого Мыса, оттуда совершила переход в Рио-де-Жанейро, а затем через французский Брест и немецкий Киль вернулась в родной Кронштадт. По прибытии, в августе 1867 г., Гаупта произвели в мичманы и зачислили в 1-й штурманский полуэкипаж Балтийского флота. В 1871 г. он получил чин лейтенанта, в 1882-м — капитан-лейтенанта (служил старшим офицером на пароходо-фрегате «Владимир»), в 1885-м — капитана 2-го ранга (служил старшим офицером броненосной лодки «Русалка»). В 1890 г. Николай Александрович был удостоен ордена Св. Владимира 4-й степени и в том же году получил под командование монитор «Латник», на котором служил до 1892 г.

В 1892 г. Гаупт был назначен командиром на достраивавшуюся мореходную канонерскую лодку «Отважный» и с ней переведен в эскадру Средиземного моря, а затем на Дальний Восток, где корабль вошел в состав Сибирской флотилии. 7 февраля 1894 г. стал командиром крейсера 2-го ранга «Забияка» и служил на нем до мая 1895 г.

Николай Александрович занимался гидрографическими работами, съемкой и обследованием побережья Камчатки и Командорских островов, исследовал южное побережье Корейского полуострова, шхеры и бухты вокруг о. Каргодо. Крейсировал вдоль Командорских островов, охраняя котиковые промыслы. В 1894 г. под руководством Гаупта была выполнена съемка северо-западной части о. Беринга, методом шлюпочного промера обследован Никольский рейд и акватория севернее и западнее о. Топорков, а также составлен глазомерный план Северного котикового лежбища. В том же году он получил звание капитана 1-го ранга.

В мае 1895 г. Гаупт вернулся на Балтийский флот, командовал эскадренным броненосцем «Севастополь», а в 1897–1901 гг. — броненосным крейсером «Рюрик». В 1901–1904 гг. контр-адмирал Гаупт занимал должность командира Владивостокского порта и в конце года вернулся в Балтийский флот[1].

В 1986 г. на карту о. Беринга южнее бухты Старой Сластной был нанесен **мыс Пасенюк** в честь писателя и публициста Леонида Михайловича Пасенюка. Леонид Михайлович посвятил Командорам много лет, он

[1] Имена на карте Тихого океана; Русско-японская война 1904–1905 гг.

Леонид Михайлович Пасенюк
Из книги «Иду по Командорам» (1985)

автор книг: «Берег скупого солнца», «В одиночку на острове Беринга», «Командоры мои и твои», «Иду по Командорам» и других. Предыстория рождения топонима такова: в 1985 г. на заседании секции «История географических знаний» К.А. Шопотов уделил большое внимание роли Л.М. Пасенюка в проведении исторических исследований Командорских островов и предложил назвать безымянный на тот момент мыс, лежащий по дороге в прославленную бухту с захоронением Беринга, именем «патриота Командор». Руководитель секции, д.и.н. Б.П. Полевой, поддержал инициативу, и решение заседания было передано в президиум Географического общества СССР. Сам Леонид Михайлович отмечал[1], что его деятельность никак не связана с означенным мыском, своим открытием он считает проход через грот между бухтами Перешеек и Дикая.

Топонимы, обозначающие промысловые участки и места сезонного проживания

То тут то там на картах островов встречаются такие странные понятия, как ***шайба*** и ***одиночка***. Оба устаревших термина обозначают дом промыслового ухожа (участка). На территории Русской Америки одиночками называли административные торговые точки, фактории, состоявшие зачастую из одной избы, в которой жил управляющий и служащие. На Командорах понятие трансформировалось в одиночную промысловую избу, обычно небольшого размера. В то же время *шайба* — значит «сруб, большая изба»[2]. Вероятнее всего, шайбы пришли на смену более ранним полуземляным *казармам*.

---

1 Письмо Л.М. Пасенюка от 21 марта 2011 г.

2 Dybowski, 1885. S. 100. На Камчатке в XIX в. сайбой называли *«сруб на земле или столбах как делаются разсадники, для сохранения в нем вдали от жилья рыбы, наловленной осенью»* (Кузмищев, 1842, с. 253).

Впервые *шайбу* как составную часть топонима нанес на карту Дыбовский, им же указаны первые *одиночки* (*одиночечные*, *одиначки*). *Шайбы* и *одиночки* характерны только для о. Беринга: речка Товарищеская Шайба впадает в безымянную бухту, прежде — Шайбу Старогаванскую, или просто Шайбину; другая Шайбовская река впадает в бухту Гольцовку; бухта Старая Одиночка, расположенная южнее бухты Буян, в конце XIX в. называлась Шайбиной; бухта Старцевская — Шайбой Старцевской, она же Шапина Половинная (Шайба Половинная). Первоначальные значения слов давно стерлись из памяти, и современные жители могут объяснить название «Товарищеская Шайба» тем, что на открытом участке между ухожами Старогаванским и Буяновским устраивали «каток» и «соревнования».

Топоним **Казарма** (Казарменный) закрепился также в связи с ведением пушного промысла. Но слово появилось значительно раньше и означало просто большое полуподземное жилище, предназначенное для совместного проживания членов одной промысловой артели: алеутов, креолов, русских. Казарма — синоним алеутского слова *ulaagamax*[1]. *Улаагамах* — большое жилище в отличие от *улаҳ* — просто жилища. Алеутские *улаҳ* русские называли сибирским словом *барабора*. Если *барабора* была большой, она считалась *казармой*. На Алеутских островах такие жилища имели деревянный каркас, обшитый досками и сверху обложенный дерном, со светлыми люками, окнами и печами. На Командорах землянки были полуалеутского типа с тамбуром и слуховым окном вместо традиционного верхнего входа. После того как с 1870-х гг. в селениях стали строить индивидуальные жилища, а затем американские дома каркасного типа, казармы остались только в острове — в тех местах, где велся бригадный промысел.

По свидетельству Дыбовского, одна такая казарма стояла на границе бывшего Полуденного котикового лежбища между бухтами Гладковской и второй Старой Одиночкой (о. Беринга). Она предназначалась для сезонного проживания промысловой бригады. Песцовая Казарма (Piescowa kazarmiennaja) располагалась на юге острова близ бухты Озерной (совр. бухта Казарма). Термин начинал выходить из употребления уже в 1870-х гг., поэтому не удивительно, что в 1912 г. Суворов предложил совершенно иную трактовку происхождения мыса Казарменного, расположенного рядом с бухтой Гладковской, бывшей когда-то частью Южного лежбища: *«Высокий утес, поднимающейся из воды возле берега, издали представляет точную копию гигантской землянки, или юрты,*

[1] Bergsland, 1994. P. 433.

как их там называют; сходство увеличивается тем более, что верх утеса густо зарос травой и кажется наваленным сверху дерном. Название утеса — Казарма — перешло и к лежащему возле мысу»[1]. С утратой промыслового участка изменилась и смысловая нагрузка топонима.

Промысловые участки располагались во всех основных бухтах, но связанные с ними имена промысловиков сохранились в единичных случаях. Дело в том, что изба не закреплялась пожизненно и не передавалась в пользование следующему поколению. Обычно ухожи распределялись на сходе путем жеребьевки. Тем не менее на карте Командор можно найти бухты: Старцевскую, Мальцевскую, Мякишевские, Шипицинскую (Шипичинскую, Шепитанскую), Серебрянникова; озера Шангинские, реку и озеро Ладыгинские (Лодыгинские). Все это — фамилии местных жителей, алеутов и креолов. Кроме того, можно встретить имена: бухты Ликандровская (Никандрина), Емельяновская, Никитинская, Николка, Марьинская, Васильевская, Гавриловская (устар.), Федоскина (устар. мыс Федюшкин), озеро Федоски/Федосьи (оба устар.), мыс Матвея (Матвеевский). Установить связь названий с конкретными людьми в последнем случае намного сложнее.

Бухта Серебрянникова на о. Беринга, вероятнее всего, связана с именем байдарщика Ивана Серебрен(н)икова, управлявшего обоими островами с 1821 по 1826 г. или его сыновей. Иван Серебренников (?–1837) был енисейским мещанином, в 1790-х гг. служил на о. Саннах, с 1821 г. жил на Командорах, а в 1829–1831 гг. был начальником отряда на Шантарских островах. В браке у него родились дети-креолы: Александр, Анастас, Владимир, Иван, Никандр и Руф. Как минимум, двое из них служили на Командорах: в 1839 г. Иван Иванович прибыл из Ново-Архангельска на о. Атка и в августе был направлен управляющим на о. Беринга. В 1840 г. его сменил на этом посту старший брат Александр. В мае 1841 г. Александр Иванович был доставлен на о. Атка вместе с байдарщиком о. Медного Венедиктом Корепановым[2]. Очевидно, под их руководством велся промысел каланов.

Южнее бухты Сластной располагается **бухта Старцевская** (о. Беринга). Поскольку топоним Шайба Старцевская впервые отмечен Суворовым, а прежде это место называлось просто Шайбой, нужно полагать, что он возник ближе к 1910 г. Семья Старцевых переселилась на о. Беринга с Атки и жила здесь, как минимум, с 1860-х гг. Первыми

---

1 Суворов, 1912. С. 82.

2 Netsvetov, 1980. P. 190, 222–223.

переселенцами были креол Никанор (ок. 1800–1877) и его супруга Дарья. В 1882 г. их внук Григорий Федорович (ок. 1851–1893) во время похода вокруг острова сумел удостоиться острого пера Л. Стейнегера: *«Неожиданно мое внимание привлек радостный крик, и я, обернувшись на звук, к своему безграничному удивлению, обнаружил Григория Старцева, который вел себя так странно, что я обеспокоился, не сошел ли он с ума. Совершенно голый, скакал он по воде и яростно фехтовал длинной палкой, целясь в речной поток; брызги летели во все стороны. В конце концов он с силой метнул палку, как копье или дротик, в направлении песчаного дна. <…> Григорий с победным криком воздел древко с извивающимся на его конце роскошным серебристым лососем. Это был пятнадцатифунтовый кижуч»*[1]. Но до XX в. не дожил ни сам Григорий, ни его братья Илларион (ок. 1857–1893) и Федор (ок. 1874–1900), ни даже двоюродный Андрей (ок. 1857–1891). Возможно, в старой *шайбе* часто останавливался сын Андрея Павел. Павел Андреевич (1891–1952) часто промышлял на юге острова, умело охотился на нерп и любил петь песню про нерпу[2]. На соседнем мысе как раз раньше была хорошая нерпичья залежка.

В 1882 г. **бухта Шипицинская** на юге о. Беринга уже имела собственное название. По свидетельству Стейнегера, бухточка была хорошо узнаваема не только по колоннообразной скале, одиноко стоящей в море севернее входа в бухту (на американских картах XIX в. скала была обозначена как Pinnacle, а на современных — Собачий Столб). Главной отличительной чертой был деревянный крест *«на краю примерно 30-футового берегового вала»*, установленный около 1860 г. или даже ранее. Юрты бухточка не имела, поскольку участок относился к песцовому промысловому ухожу с юртой в бухте Бобровой. Другая бухта Шипичинская (совр. бухта Маленькая) располагалась на о. Медном.

Поскольку на тот момент Шипицыны на острове не жили, в первую очередь всплывает в памяти история с «робинзонадой» Федора Шипицына и его промысловой артели 1805–1813 гг.

Федор Шипицын

Не будет преувеличением сказать, что история заселения Командорских островов началась именно с этого человека.

В 1805 г. штурман одномачтового шлюпа «Константин» Я.Е. Потапов высадил на о. Медном промысловую артель во главе с байдарщиком

---

1 Stejneger, 1885, Eine Umsegelung der Berings-Insel. S. 243–244.

2 ПМА: В.Т. Тимошенко, 15.01.2015.

Артель байдарщика Федора Шипицына[1]
Рельеф. Гипс. 2017. И.П. Вьюев

Федором Шипицыным. Вместе с ним была его жена и еще приблизительно 10 мужчин-промысловиков, все русские. Общее число членов группы в разных источниках варьирует от 11 до 15. Это разночтение можно объяснить лишь тем, что подсчет велся то с учетом женщины и разновозрастных детей Шипицына, то без него. Артель оставили в полной изоляции на целых 7 лет. Красочнее всего приключения командорских «робинзонов» описал командовавший бригом «Новая Финляндия» штурман И.Ф. Васильев, заходивший на Командоры в 1812 г.[1]

В начале своего пребывания на островах промысловики рьяно взялись за работу. Они смастерили байдару из подручного материала, используя вместо лафтаков обычные товарные сумы. Мужчины не побоялись выйти в море на утлой посудине и ходили на ней до тех пор, пока не добыли на прибрежных камнях достаточного количества сивучей и не обзавелись добротными лавтаками для обтяжки лодки.

Первые три года артель промышляла на о. Медном, затем на год переселилась на о. Беринга. По какой-то причине они вновь вернулись на о. Медный, а охранять от песцов добытые шкуры оставили Якова Мынькова. Немало горя хлебнул одинокий охотник, но и его товарищам на соседнем острове было ненамного легче. Одежды давно износились, и привезенные товары пришли в негодность. Несмотря на строжайший запрет, промысловики забрали часть добытых песцовых и котиковых шкур и сшили себе меховую одежду и обувь взамен истлевшей. Не касались только дорогостоящих бобровых шкурок.

С каждым днем надежда на спасение таяла. Последние годы вести промысел уже никто не желал — для забытой всем миром команды это занятие казалось бессмысленным. В конце концов все единодушно

---

1 Хлебников, 1979. С. 156–157, 181–182; Головнин, 1949. С. 317–319; Netsvetov, 1980. P. 324; Суворов, 1912. С. 97.

2 Образы артельщиков — ярко выраженные типажи, присущие времени, профессии и социальному слою. Один из них, Василий Бурдуковский (с книгой в руках), выполнен по фотографии его сына Петра Бурдуковского. В рельефе изображена бухта Гладковская, она наиболее соответствует координатам, указанным штурманом И.Ф. Васильевым как место встречи с лодкой артельщиков в 1812 г.

решили, что компания о них окончательно забыла. В голову приходили разные мысли: то пуститься в плавание «на волю божию» к берегам Камчатки — но для этого не имели карты; то поселиться на более щедром и богатом провиантом о. Беринга в надежде, что там их скорее найдут. Решили потерпеть еще годик.

Порой отчаяние команды перерастало в буйство: *«Много вытерпел я на сем острове от непослушания, буйства и несогласия моих подчиненных, а особливо в последние годы… Может быть, они посягнули бы на мою жизнь, если бы не опасались того, что я очень силен»*, — рассказывал Федор Шипицын. Васильев подтвердил, что байдарщик был высокого роста, крепок и плечист. К 1812 г. он уже более 20 лет находился на службе РАК и отличался неизменным усердием и трудолюбием. Почти треть общего промысла он добыл вдвоем со своей женой: из произведенных им записей следовало, что в один из годов они смогли добыть 800 котиков, в то время как иные не дотягивали и до 200.

Несмотря на все тяготы жизни и страх навсегда остаться вдали от родины, к моменту прихода «Финляндии» все, кроме одного, выглядели здоровыми и веселыми. У них были скрипки, и Иван Филиппович Васильев с наслаждением слушал их музыку и наблюдал песни и пляски: *«Если когда-либо музыка прогоняла грусть и скуку и вселяла бодрость в унылые сердца, то, верно, у сих бедных людей»*.

Сначала все командорские «робинзоны» единодушно потребовали, чтобы их немедленно вывезли в Охотск. Но когда первый ропот утих, поразмыслили и согласились остаться еще на год. Прощаясь, Васильев снабдил островитян провиантом, предметами первой необходимости и оставил одну байдару. Он также выполнил их скромную просьбу — выдал «священных книг и азбук». Двое из них были грамотные, «читали часы и другие молитвы» и дали согласие обучить грамоте своих товарищей.

Но с именем Шипицына связана не только эта удивительная и драматичная история. Именно он требовал от Охотской конторы алеутов для промысла бобров. Со временем требование было выполнено. Уехала ли семья Шипицыных после 1813 г. с Командорских островов или осталась еще на какое-то время — неизвестно.

В конце XIX — начале XX в. на о. Беринга жил креол Степан Мефодиевич Шипицын (ок. 1869–?)[1]. Отец Степана в 1860–1870-х гг.

[1] ГАКК. Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 20 и далее.

промышлял на о. Симушир и лишь после передачи в 1875 г. Курильских островов Японии вместе с остальными «курильцами» изъявил желание сохранить российское подданство и переехал в Петропавловск. Что стало с Мефодием и пережил ли он первые годы лишений и крайней нищеты, неизвестно. В 1881 г. часть группы вывезли в бухту Вестник южнее Желтого мыса, а в 1888 г. переселили на Командорские острова[1]. Несколькими годами позже в метрических книгах о. Беринга появились записи о его сыне Степане.

Е.К. Суворов утверждал, что последний представитель фамилии умер «совсем недавно»[2], и это очень странно, поскольку Степан здравствовал и даже женился в третий раз. В 1917 г. все семейство Шипицыных переселилось на Камчатку в селение Маламваям[3]. По всей видимости, они там осели: речка Ольховая, впадающая в залив Маламваям, в первой половине XX в. называлась Алеутской, а с противоположной стороны залива на карте можно встретить топонимы Мефодиевский Ключ и река Щипатинская. Нет сомнения, что этот след оставили командорские Шипицыны.

На северном побережье о. Беринга есть **бухта** и **речка Мякишевские**, вторая речка с таким же названием находится между бухтами Старогаванской и Буян и впадает в бухту Сосновую. На карте эти топонимы появились в XX в.: у Дыбовского обе речки названия не имеют; восточная речка впадает в бухту Лиственничную (Сосновской она названа позже — в этом месте выбрасывало «красное дерево», которое называли канадской сосной и канадской лиственницей), а неподалеку расположена бухта Мясниковская (это может быть искаженной транскрипцией «Мякишевской»). На той же карте Дыбовского отмечена бухта Мякишевская Западная, она соответствует современной Западной. Но раз сохранилась западная, очевидно, были и другие: к примеру, Мякишевская Северная на месте Мясниковской или Одиночечной (1885), т. е. современной Мяконькой; или Мякишевская Восточная перед бухтой Буян.

Л.М. Пасенюк считал, что топоним посвящен Николаю Ивановичу Мякишеву по прозвищу Дутр[4]. Николай Иванович (1894–?) был действительно личностью запоминающейся. Свое прозвище он получил

---

1 Шубин, 1992. С. 40, 51; Суворов, 1912. С. 98.

2 Суворов, 1912. С. 97.

3 Посемейный список № 9.

4 Пасенюк, 1989. С. 121–122.

за припухшую, как бы раздутую щеку. Он работал каюром и развозил по ухожам продукты, предметы первой необходимости, почту и, конечно же, последние новости о жизни в селе и за его пределами. В годы войны, когда каждый с волнением ждал сводок о положении дел на передовой, Николай любил разряжать напряжение своеобразным способом: он демонстративно выходил из избы или промысловой юрташки, брал двуручную пилу и заставлял ее вибрировать так, чтобы собравшиеся слышали звук «работающей радиостанции». После чего заходил довольный: *«Я со Сталиным разговаривал. Сегодня наши войска наступают…»* Или: *«Пароход ожидается…»* Иногда он прилюдно обращался к портрету «вождя всех народов» или членов политбюро и «общался» с ними «напрямую»[1]. И те, конечно же, по доступным только ему неведомым каналам делились «секретной информацией». За это старика еще в шутку звали Колдуном.

Но раз первый топоним появился еще в XIX в., западным ухожем ведал не он, а кто-то из его родных. К примеру, отец Иван Захарович (ок. 1867–?), или дядя Михаил (ок. 1872–1900), или дед Захар Григорьевич (ок. 1829–1891), или брат деда Андрей (ок. 1836–1896). Все они родились и жили на о. Беринга. И все промышляли. Может, Мякишевских/Мясниковских ухожей было много?

Всем известна **речка Ладыгинская** и одноименное озеро. Интересное замечание о Ладыгинском промысловом ухоже сделал Стейнегер: *«В зависимости от щедрости* [промыслового] *участка и размера избы мужчин старше 18 лет <…> распределяют таким образом, чтобы все имели равные шансы* [на промысел]. *С целью справедливого распределения охотникам дают тянуть жребий. <…> Причиной того, что Ладыгинская является исключением, стало следующее обстоятельство: согласно патриархально-общинному принципу управления, земля является общей собственностью всех жителей острова, поэтому никто из них не имеет права использовать ее в собственных интересах. Несмотря на это, нескольким особо работящим, запасливым или жадным до наживы удалось обосновать на Ладыгинской речке своего рода хутор. Здесь они вылавливают лосося, заготавливают для себя дрова, выполняют охотничьи обязанности по отлову песцов, — короче говоря, ведут себя как полноправные хозяева самого богатого во всех отношениях участка»*[2].

---

1 ПМА: В.Т. Тимошенко, 19.04.2011, 27.10.2015.

2 Stejneger, 1885, Eine Umsegelung der Berings-Insel. S. 251.

Екатерина Ладыгина (ок. 1790–?) переехала жить на о. Беринга приблизительно в конце 1820-х гг. С нею был сын, андреяновский алеут Григорий Титович (ок. 1820–1890). На острове женщина родила еще двух сыновей. Среднего Никиту в документах записывали чаще как Мальцева, а младший Игнатий дал начало медновской ветви Ладыгиных. Селище Ладыгинское мог основать только Григорий. Он был трижды женат, и во времена Стейнегера семья процветала. Была жива третья жена Надежда Петровна и взрослые дети: Семен (ок. 1842 — ок. 1883), Иннокентий (ок. 1855–1891), Петр (ок. 1858–1897) и дочери Васса, Сусанна и Мария.

Известная алеутская мастерица Анна Макаровна Панькова (в девичестве Прошева, 1885–1958) помнила детские годы, проведенные в небольшом селище по соседству с Никольским. Помнили это и ее младшие брат и сестра: Евдокия, в замужестве Голодова (1889–1958) и Михаил (1887–?). Дети знали в тундре каждую кочку, не зря никольчане называли ладыгинские морошечники в стороне Папироски «огородом Прошевых»[1]. В многодетной семье они были младшими. Их отец Макар Васильевич (ок. 1832–1898) женился дважды — на Марии (1832–?), а после ее смерти на Прасковье (в девичестве Пахомовой, ок. 1854–?). Средний сын Марии, Владимир Макарович (ок. 1856–1903), с 1894 г. был женат на той самой Сусанне Григорьевне — дочери Г.Т. Ладыгина.

Никита Федорович Мальцев, он же Ладыгин, родился на о. Беринга около 1831 г. У него было двое сыновей: Василий (ок. 1855–1899) — энергичный и неустрашимый спутник Л. Стейнегера (см. с. 102), и менее известный Илья (1863–?). Сын Василия, также Василий по прозвищу Лалах (ок. 1882–1947), тоже был промысловиком. **Бухта Мальцевская** связана с одним из этих имен.

На подробных современных картах о. Беринга обозначен **ручей Снегиревский** — правый приток **реки Федоскина** (устное название местности — Федоска; ранее летнее селище называлось Федоскино, а мыс — Федоскин и Федюшкин) — на деле самостоятельный ручей, расположенный немного севернее. Ефим Григорьевич Снегирев (ок. 1849–1899) приехал на Командоры с матерью Матроной (ок. 1821–1891) и младшим братом Семеном (ок. 1855–?) в конце 1860-х гг. Прежде они жили на о. Св. Павла (острова Прибылова), но поскольку семья была связана с китобойным промыслом, их историческую родину установить сложно. Семен перенес инсульт и с 10 лет страдал параличом правой

[1] ПМА: В.Т. Тимошенко, 27.01.2012; ГАКК. Ф. 226. Оп. 1. Д. 2.

стороны тела. К тому же он сильно заикался и имел серьезные отклонения в поведении. Его мать рассказывала, что мальчика «испортила» кадьякская шаманка в Тугуре[1]: она рассердилась за петуха, которого тот убил, и пригрозила наслать болезнь. С тех пор это несчастье и приключилось[2].

Васса Синицына, правнучка Трифона Ивановича, 2016 г.

Сначала семья жила на о. Беринга, здесь Ефим женился на Вассе Ладыгиной, дочери упомянутого Григория Титовича. По всей видимости, это были крепкие хозяйственники, державшие на Федоске свои огороды и организовавшие там небольшое селище. Но в 1890 г. Васса скончалась от заражения крови. В следующем году умерла 70-летняя мать, и Ефим с детьми перебрался на о. Медный. Там он был женат еще дважды. Известная многим старожилам Екатерина Александровна Сторчак одно время была невесткой Ефима. А ставшая женой Сергея Сергеевича Григорьева Ефросинья Семеновна (1912–1969) приходилась Ефиму родной внучкой.

Между Федоской и Каменкой течет **ручей Трифоновский** (южнее р. Песчанки). Топоним связан с именем Трифона Синицына. Трифон Иванович (ок. 1844 или 1837–1918) был известной личностью не только на островах, но и за их пределами. Прославился он главным образом своими уникальными находками костей морской коровы. Первый скелет (без хвостовой части) был продан им в Зоологический музей Петербурга. В 1884 г. Синицын получил за эту находку медаль: управляющий островами Н.А. Гребницкий ходатайствовал перед Конференцией Академии наук о награждении креолов Никанора Галкина и Трифона Синицына медалями *«за неутомимые их труды и усердие, которые они оказывают при поисках для Зоологическаго Музея Академии Наук остатков Морской*

---

1 Вероятно, речь идет о Тугурском селении, расположенном на восточном берегу губы Асман Тугурского залива Охотского моря (совр. Хабаровский край). В селе сохранилось предание о местной эвенкийской девушке и богатом американском китобое Карле Гутчинсоне (Charles Hutchinson), подтверждающее наличие активных торговых отношений с этим регионом в интересующий нас период.

2 СПФ АРАН. Ф. 851. Оп. 1. Д. 5. Л. 26.

коровы (Rhytina Stelleri), целые скелеты которой составляют теперь большую редкость»[1]. В мае 1891 г. на юго-западном побережье близ мыса Тонкого Трифон впервые за время целенаправленного поиска нашел полный скелет вымершего животного. Он был уступлен за значительное вознаграждение доктору Бартону Эверману (B.W. Evermann). В настоящее время собранные Синицыным скелеты (и/или их фрагменты) хранятся в разных музеях мира: в Петербурге — передал Гребницкий (вероятно, он указан как сборщик), в Вашингтоне — передал Стейнегер (?), в Эдинбурге — в 1897 г. выкупил Томпсон (D'Arcy W. Thompson) и во Львове — вывезен в 1903 г. Морозевичем и затем подарен в знак благодарности Дыбовскому[2]. Последние два были обнаружены на северной стороне о. Беринга, примерно в районе бухты Большой.

Сложнее обстоит дело с **бухтой Лисинской** (о. Беринга). Ее прежние названия: Лиссонковая (Стейнегер), Лисонковая и Лисовсковая (Дыбовский), Лисенкова (Суворов). А на схеме в книге «Котиковое хозяйство на Командорских островах» местного алеута (креола) В.П. Хабарова вообще отмечено селище Лисенково. В районной газете «Алеутская звезда» за 1943 г. упоминается ухож Лисёнково[3]. В то же время на картах 1894 и 1914 гг. указана бухта Лисинская.

Вспомним исторических персонажей с похожей фамилией, чья деятельность могла быть так или иначе связана с Командорами. Прокопий Яковлевич Лисенков (Лисенко, ок. 1728–1788) был передовщиком во время промыслового похода 1760–1763 гг. на судне «Св. Прокопий и Иоанн», а затем в 1779–1785 гг. — на боте «Св. Иоанн Предтеча». Но, согласно отчетам, на Командоры промысловики не заходили. Зато во время экспедиции М.Д. Левашова и П.К. Креницына (см. с. 41–43) он был на борту галиота «Св. Екатерина». 28–29 июля 1768 г. галиот изучал эту часть побережья, и топоним мог сохраниться, если в отчетах об этой странице похода сохранилось упоминание о купце-первопроходце.

Другой Лисенков, Афанасий Семенович, был русским промысловиком и участвовал в экспедиции Шелихова, зимовавшей в 1783–1784 гг. на о. Беринга. Больше о нем ничего не известно.

Происхождение топонима Свинные / **Свиные горы** заставляет теряться в догадках. Свиней на о. Беринга долгое время не держали, их завезли ближе к 1930-м гг., а топоним появился не позднее 1903 г.,

---

1 ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 506. Л. 13–13 об.

2 Mattioli, Domning, 2006. P. 276, 278, 281, 283–284; Ваксмут, 1899.

3 Ладыгин, 1943. С. 2.

поскольку отмечен у Морозевича. Таким образом, он не мог быть непосредственно связан с известными парнокопытными. Речь может идти о передовщике Иване Свиньине, промышлявшем на судне «Св. Изосим и Савватий» в 1792–1793 гг., но судно останавливалось на о. Медном. Более вероятно, что это кто-то из рода алеутов Свиньинских, служивших во времена РАК в Атхинском отделе. Известно, что в 1864 г. на о. Беринга родился Матфей, сын Ефима и Татианы Свиньинских[1], а сам Ефим (ок. 1831–?) жил на о. Беринга до 1877 г.[2] Овдовев, его жена стала обладательницей собачьей упряжки, однолючной байдарки и бараборы в селении при Гавани. Со временем звучание топонима могло быть искажено. С другой стороны, Морозевич утверждал, что алеуты дали горам «презрительное» название Щвиньских (Świńskich)[3].

Замещения и искажения в названиях — явление обычное. К примеру, **бухта Яковская** (от довольно распространенного имени Яков) на о. Беринга сегодня пишется как Яновская.

Интересна и неоднозначна в плане топонимики труднопроходимая южная оконечность о. Беринга. На данном участке бухты «блуждают», меняясь местами у различных авторов: с восточной стороны это бухточки Эканах и Ликандровская (Никандрина, Лекандрина), с западной — Серебрянникова и Голодная (см. Приложение 1).

Бухта Эканах (Ikanakh) впервые появляется на карте Стейнегера 1896 г. Самое близкое, практически идентичное по звучанию алеутское слово *иӄанаӽ* переводится как «старуха». На карте Дыбовского бухта указана как Староречная. Но столь сложное и длинное слово могло фигурировать разве что в отчетах российских чиновников, в быту должен был использоваться упрощенный вариант. Возможно, с полуофициальным топонимом Староречная произошло то же самое, что сегодня происходит с названием бухты Старая Гавань и речки Старогаванской: жители говорят коротко и лаконично — Старуха. Возможно, в конце XIX в. «Старухой» ласково величали обветшавшую промысловую юрташку на юге острова.

Бухта Ликандровская должна была соответствовать промысловому участку некого Никандра. К примеру, на о. Беринга родился Никандр Иванович Степнов (ок. 1848–?), правда, женившись, в 1870-х он переехал на о. Медный. Менее вероятно, что Никанор (Никандр) Петрович Яковлев (ок. 1846–?), он жил на о. Беринга, а на Медный переехали

---

1 LC. Reel 56–57, 59.

2 Гребницкий, 1882. С. 48; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 295.

3 Morozewicz, 1995. S. 4.

его дети. Обе бухточки настолько малы и труднодоступны, что перестановка названий неудивительна, тем более что это могут быть части одной истории.

Топонимы, отражающие особенности природопользования, события и фольклорные мотивы

Это самый интересной раздел, в который входят как прозаичные топонимы, так и весьма интригующие.

Бухты Дровяные, Дубовые и Сосновые. Как следует из названия, в них чаще, чем в других, собирали выбросной лес, плавник — то, что приносило океаническими течениями и прибоем. Но лес бывает разным, один идет на растопку, а из другого можно сделать, скажем, каркас для байдарки, деревянную шапку-козырек или обруч для бубна. Каркасы, козырьки и другие предметы, требовавшие прочности и гибкости, делали из так называемого «красного дерева» — *Thuja plicata* и, возможно, *Picea glauca (Pinus glauca, Abies canadensis)*. Встречались и экзотические породы деревьев, также пригодные для столярных работ. *«Море выбрасывает иногда на сей остров настоящее конфорное, и еще другое дерево, которое имеет белой цвет, мягко и благовонно»*, — писал об о. Беринга Григорий Шелихов[1]. Это мог быть «желтый кедр» *Cupressus nootkatensis*. Дыбовский слышал рассказы, что в районе современной бухты Сивучьей, близ 1-й Дровенской на берегу находили дуб, и он назвал бухту Дубовой. Позже этот топоним перекочевал на северную сторону острова. Сосновые бухты, отмеченные у Дыбовского как Лиственничные, находятся на том же о. Беринга, но в центральной части северо-восточного побережья. Ну а остальные Дровяные хороши прежде всего для сбора дров.

Старое название одного из участков бухты Большой на о. Беринга — **бухта Угловая** (Ugłowaja, Ugłowskaja)[2]. Вероятно, запись сделана ошибочно, правильно — Uglowaja (Углёвая), поскольку Дыбовский тут же приводит алеутский вариант: Utki-uda. *Утхиӽ* переводится как «уголь, зола», *уӈаа* — «залив», *утхим уӈаа*[3] — бухта Угольная. Аналогичный топоним Utxis Uðaa есть на о. Атка[4].

---

1 Шелихов, 1793. С. 133.

2 Dybowski, 1885. S. 99.

3 Перевод и транскрипция Е.В. Головко, 2011 г.

4 Bergsland, 1994. P. 453.

Бухта Кишочная (на совр. картах — река Кишечная, о. Беринга) названа так потому, что раньше алеуты полоскали здесь кишки котиков и сивучей. В дальнейшем очищенный материал использовался для пошива одежды и обуви — камлеек, накидок-дождевиков, непромокаемых штанов лафтаснов[1] и голенищ торбасов (сапог). Здесь же вычищали желудки котов и сивучей для хранения в них жидкостей и запасов юколы.

Название **бухты Линялой** (о. Беринга) впервые отмечено на карте Дыбовского. Он также приводит алеутское название — Чмулилах. *Чнулил* — значит «линять, менять шерсть». В этом месте скапливались нерпы во время линьки[2]. Но уже в 1882 г. Гребницкий называл эту залежку «бывшей».

Речки Запорная (Запорка) и **Ивановский Запор** близ села Никольского напоминают о популярном в XIX в. способе вылова рыбы: на реке ставился запор — поперечное заграждение из кольев и бревен, реже — камней. Мощный двустенный запор стоял на речке Саранной. На ручьях использовали простые одностенки: над водой поперек русла устанавливали прочное бревно и наклонно укладывали на него ровный ряд из стволов выбросного леса. Основание стенки присыпали камнями. Скапливающуюся перед рукотворной преградой рыбу черпали чиручем или просто крюками. Крупные запоры использовали до 1940-х гг., а одностенки вышли из употребления значительно раньше.

В Лощалых / **Лощавых ручьях** во время нереста стоит нерка в брачном наряде, лощавая рыба.

По долине **речки Перегонной** гнали морских котиков с Полуденного лежбища (о. Беринга) к забойным площадкам[3]. С начала 1880-х гг. главным объектом промысла стали 2–3-летние холостяки. Приблизительно в это же время стали практиковать протяженные перегоны к местам забоя. С конца 1870-х гг. Полуденное лежбище подразделялось на собственно Полуденное (южное) и Гладковское. Скорее всего, по долине речки Перегонной поднимались котики с дальнего гладковского участка, оттуда они двигались дальше на северо-запад по более высокой приморской террасе. Селище Полуденное располагалось недалеко от устья южной речки, впадающей в бухту Полуденную, там же могла

---

1 Лафта́сны (лафташны) — штаны из кишок или пищеводов сивуча, реже — из нерпичьей шкуры. Бытовали на Командорах до 1930-х гг.

2 Dybowski, 1885. S. 100.

3 Там же. S. 98.

находиться забойная площадка[1], но не исключено, что она располагалась в долине речки Перегонной. К началу 1890-х гг. гладковский участок полностью пришел в упадок, оставалось лишь небольшое репродуктивное стадо близ означенной речки[2].

Бухта Перегребная впервые появилась на карте Гребницкого. Отсюда осуществлялся «перегреб» — переход через пролив на о. Медный и обратно. Обычно *перегребом* называли пройденный на гребях (веслах) морской маршрут длиной в 30 верст (ок. 32 км). В нашем случае он составляет более 45 верст. Рядом с бухтой расположена **Байдарная Пристань.**

Бухта Наюшка на о. Беринга созвучна с алеутским словом *найуӽ* (*nayuӽ*)[3]. Это плавательная конструкция, своего рода воздушная подушка из надутой шкуры котика или нерпы либо мочевого пузыря, горловины и кишок сивуча. *Найуӽ* крепился к обоим бортам байдарки или обвивался, если это были надутые кишки, вокруг лодки. Приспособление выполняло функцию швартовых кранцев и было больше востребовано у русских.

Г.М. Яковлев считает, что название **мыс Саклов** (Сакал, Саклевый) на о. Медном может брать начало от русского слова «сак, сачок»: сачками, или чиручами, на скалах этого мыса и прилежащей территории ловили птиц, главным образом глупышей[4]. С другой стороны, близкое по звучанию алеутское слово *сакаӽ* переводится как «низ, снизу», *sakalta-* — «спускаться вниз», *sakaaða* — «ветер, дующий с гор»[5] и т. д. Возможно, могут быть и другие трактовки.

Южнее Федоски протекает **речка Китовая** (о. Беринга). Бухта, в которую она впадает, в первой половине 1870-х получила такое же название после того, как на берег выбросило кашалота *Physeter macrocephalus*[6]. На современных картах речка сохранила название, а бухта утратила.

Мыс Каламак (о. Медный) звучит у Стейнегера — Kulomakh. В нем, с одной стороны, прослеживается произнесенное на алеутский манер слово *кулёма*, с другой — *куламах*, т. е. «кит». В русифицированном

---

1 Белковский, 2009. С. 23–24.
2 РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 262. Л. 40.
3 Bergsland, 1994. P. 283.
4 ПМА: Г.М. Яковлев, 10.03.2011.
5 Меновщиков, 1977. С. 176; Bergsland, 1994. P. 347–348.
6 Dybowski, 1885. S. 98.

варианте *куламах* звучит так же, как и ловушка, — кулёма, колёма[1].

Туша выброшенного морем кашалота, бухта Кирпичная, 2006 г.

Кулёмами называли примитивные ловушки давящего типа, работающие по принципу капкана. Их использовали на песцовом промысле с 1743 до 1895 г., пока не вышел официальный запрет. Такие самоловы ставили на любых песцовых тропах, но называть мыс в честь рядового орудия промысла как-то нелогично. Тем более что алеуты чаще говорили *кулумкиχ — кулёмка*. Другое дело — кит, которого вполне могло выкинуть в этом месте. *Kulamax, kulamak*[2] — это прежде всего гренландский кит *Balaena mysticetus*, но также и южный *Eubalaena japonica*. Оба вида встречаются в акватории Командорских островов. По всей видимости, это еще один Китовый мыс, но уже на о. Медном.

С некоторой натяжкой к этой же группе можно отнести **мыс Игулак** на о. Медном. Алеутское слово *igulaχ (iguulux)* переводится как «копалка», но связь между скалистым мысом и этим в значительной мере женским орудием неочевида. К тому же данный участок мало подходит для выкапывания каких бы то ни было кореньев. С другой стороны, одна из бухт о. Атту раньше называлась *Iguulux*, она также известна как бухта Ластовая. Едва ли старый топоним был связан с так называемым «ластовым сбором» — портовым налогом, существовавшим во времена РАК. Скорее, причина в том, что оба объекта имеют характерные внешние очертания: аттуанский мыс отчетливо напоминает раздвоенный хвост кита, а медновский — плавник. Поскольку в нашем случае в море выдается именно «двускатная» скала, в основу командорского топонима могло лечь слово *igunaχ* — «спинной плавник кита»[3].

Топонимы Корабельная, Подъемные, Горелые и т.д. говорят сами за себя. Но некоторые заслуживают отдельного внимания. Современный безымянный подъем в бухте Полуденной (о. Медный) обозначен на карте Суворова как **Подъем Погибший**, у Стейнегера — Igitchishaynlakh,

---

1 Вениаминов, 1844. С. 393.

2 Bergsland, 1994. P. 247.

3 Там же, 1994. P. 181, 652–653.

Мыс Бовожан (Голодный), о. Беринга

а у Морозевича — Igacziszajulach, Igaczu-Szajulach. Вот как описывал его Суворов: *«От лайды предстояло подняться по крутизне, градусов до 70, футов на 150 вверх по ровной скале, чуть изъеденной текущим ручейком, все время придерживаясь его русла. Мокрые сапоги скользят по скале, нет никакого уступа, на который можно было бы опереться ногой…»*[1] Это очень сложный, «гиблый» подъем. Е.В. Головко считает, что топоним связан с алеутским корнем *игит-*, обозначающим падение сверху, например, со скалы. В транскрипции Морозевича узнается алеутское слово *игачӽисхайулах*, перевести которое можно как «место, где легко упасть»[2].

Другой близкий топоним, Haczulach, встречается только на карте Морозевича. Современное название мыса — **Скальный** (северная оконечность о. Медного). Можно предположить, что это *ђмачӽуулаӽ* — «место, где легко застрять» (между камнями, скалами и т.п.)[3]. На о. Адак Андреяновской группы Алеутских островов бытовал близкий топоним — *Machӽuuchaĝuӽ* с буквальным переводом «предоставляющий много возможностей застрять»[4]. Однако стоит учитывать, что Морозевич сильно искажал алеутские слова и фразы.

Бабий подъем[5] в **бухте Бабичьей** не менее сложный. В XIX в. на о. Медном котиков перегоняли через перевалы со скалистого юго-западного берега, где находились лежбища, в более удобные для забоя бухты Глинку и Корабельную. Но к этому участку спускались на веревках и промышляли на месте. Переносить шкуры в Глинку мужчинам помогали женщины и подростки. Вторая особенность в том, что эта залежка была «осенней» — в августе и сентябре сюда перемещались самки, смешиваясь с холостяками. И наконец следует помнить, что в 1880-х гг. бухтой Бабичьей также называли южный участок

---

1 Суворов, 1912. С. 90.

2 Перевод и транскрипция Е.В. Головко, 2013 г.

3 Перевод и транскрипция Е.В. Головко, 2013 г.

4 Bergsland, 1994. P. 270.

5 РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 262. Л. 25 об, 27, 40.

современного Урильего лежбища (перед мысом Поганым), топоним встречается в отчете Волошинова.

Бухта Изюговая на о. Беринга могла получить свое название благодаря алеутскому понятию *iziiĝu-*, которое можно интерпретировать как «вести многократные поиски чего-то, пропавшего непонятным образом»[1].

В **бухте Голодной** на о. Беринга, по словам Дыбовского, когда-то во время бури голодала целая бригада алеутов[2].

Медновский топоним **Венидикт Упал**, по словам Г.М. Яковлева, увековечил историю, когда, по рассказам стариков, некий Венедикт, собиравший на скале птичьи яйца, сорвался вместе с крупной дерновиной, на которой стоял. По счастливой случайности насыпь внизу была из мелких камней, а дерновина оказалась крепкой — он упал с большой высоты, но остался цел. Другие подобные случаи заканчивались плачевно. Рассказчик долго перебирал подходящие фразы и остановился на алеутской *Венедикт игаал*[3], которую можно перевести «Венедикт взлетел» (как птица). Единственный Венедикт старшего поколения, запечатленный в метрических книгах, — это Венедикт Федорович Бадаев (ок. 1844 — ок. 1880). Он родился на о. Беринга, а затем, вероятно, женился на медновчанке и перебрался на соседний остров.

По словам того же Г.М. Яковлева, южнее мыса Трофимовского (о. Медный) расположен камень, где Ипат застрелил зверя. Этот участок местные жители называли ***Ипат калууӷил*** — «Ипат выстрелил»[4]. Скорее всего, речь идет об Ипатии Григорьевиче Григорьеве (ок. 1847–1899). Южнее расположена бухта Стрельбовая (происхождение топонима неясно). Топоним *Ипат калууӷил* утрачен.

Сохранились и более загадочные топонимы. Старое название Стеллеровой горы на о. Беринга — **Чунохголохтах**, также трактовавшееся как **гора Беглецов**[5]. *Беглецами* на островах называли незнакомых таинственных людей, внезапно возникающих из тумана и исчезающих в никуда[6]. Их очень боялись, особенно женщины. Вениаминов считал, что такие *беглые* появились на Лисьих островах после жестокой резни 1763–1765 гг. (между русскими и алеутами). Не желавшие возвращаться в селение молодые алеуты организовывали шайки. Эти шайки не при-

---

1 Bergsland, 1994. P. 213.

2 Dybowski, 1885. S. 99.

3 Словосочетание записано Г.М. Яковлевым, 10.03.2011.

4 Словосочетание записано Г.М. Яковлевым, перевод его же, 10.03.2011.

5 Суворов, 1912. С. 85.

6 Редько, 1927. С. 86.

чиняли большого вреда, но вселяли ужас, поскольку никто не знал, чего от них ожидать, а традиционная военная тактика алеутов заключалась во внезапном нападении. К числу *беглых* относились и те, кто из-за долгов или по иной причине убегал из промысловых партий.

В то же время *чунуӷулаӽ (chunguĝulaӽ)* переводится как «черт, нечистая сила», а *чунуӷулаӽтаӽ* — «чертова»[1]. На склонах «Чертовой» горы берут начало две речки, Чакаулахтах и Каюльская, впадающие в одноименные бухты: вторая из них расположена немного севернее. Местный житель Г.М. Яковлев называет первую речку так же, как и гору, — *Чунуӷулаӽтаӽ*, «Дьявольская речка». Перевести или каким-то образом интерпретировать название Чакаулахтах никто из старожилов не смог.

Речка Каюльская могла получить название от алеутского *кайулаӽ* — так в период РАК называли низшую категорию работников, в том числе понесших наказание за проступки и правонарушения. Е.В. Головко уточнил, что слово *кайулаӽ* буквально означает «бессильный, слабак, доходяга»[2]. В прошлом на Алеутских островах ряды *кайулах'* вполне могли пополнять неудачники и неблагонадежные члены общества. Но поскольку на Командорах не было ни настоящих *кайулов*, ни *беглецов*, поверье могло появиться вместе с переселенцами. Страх перед полумистическими *беглецами* подкрепляли налеты японских браконьеров и американских «хищников», разорявших котиковые лежбища и промышлявших морских бобров. И поскольку в XIX в. неподалеку от горы находилось Полуденное лежбище, притягивавшее иностранных нарушителей, появление топонима вполне закономерно. Кроме того, высокая, постоянно окутанная туманом вершина как нельзя лучше подходила для прибежища воображаемых чужаков.

Фольклорные сюжеты о Чунуӷулаш и цыганах с Манати

Со временем панический страх перед *чунуӷулаӽ* сменился на более спокойное, но все же острожное отношение. Образ *чунуӷулаӽ* стал сливаться с *чалакакаӽ* (см. с. 142–144).

Беринговский алеут Эрик Индрикович Гребзде объяснил, что это за существа, со слов бабушки (бабушкой он называл мать отчима):

---

[1] Перевод и транскрипция Е.В. Головко, 2013 г.; Головко, 1994. С. 287; Bergsland, 1994. P. 155.

[2] Устное сообщение Е.В. Головко, 2013 г.

«*Чунуӈулаш* — это люди такие, они скрывались, прятались. Бабушка Анна Макаровна Панькова рассказывала, <…> они с дедушкой ехали на собаках куда-то в остров, на Саранное или куда-то туда. А там склоны все в кустах и рябины много. Говорит, едем мы на собачках, уже спускаться, а в рябине — *укуҳтанан алиган чунуӈулаш* (смотри — *чунуӈулаш*). Но только гляди, чтобы они не заметили, что ты на них смотришь. Потихоньку глянь в их сторону — и увидишь. [Смотрят], сидят два мужика, курят трубки. Это было на Беринга»[1].

Во второй половине XIX в. командорские алеуты считали, что южную часть острова, т. е. те места, где нет постоянных жителей, населяют *бродяги*. В 1878 г. недавно прибывший управляющий Николай Гребницкий сделал в своем походном дневнике интересную запись: *«Осенью они выловили всю рыбу в речках где жили промышленники — видели даже их следы (?) босиком и в сапогах (?). Говорят бродяги на своем языке — видела и жила с ними 3 дня Паросковья Мякишева (сумашедшая)»*[2]. Похоже, в тот раз за *бродяг* приняли высадившихся иностранцев, и старшине острова пришлось составлять официальное донесение о странном событии. Веру в полумистических *бродяг* и сильный страх перед ними Гребницкий считал наследием *«алеутскаго шаманства»*.

Ближе к середине XX в. место коварных *беглецов* заняли озорные «цыгане с Манати». О розыгрышах в связи с этим поверьем рассказала В.Т. Тимошенко[3]. Приехавший на остров в 1955 г. Егор Томатов был человеком добрым, любознательным и энергичным. Он быстро освоил мастерство каюра и в декабре 1957 г. был направлен в составе выездной бригады на «дальние ухожа» вести зимний промысел песца. В состав бригады входили местные алеуты-промысловики: Михаил Иванович Пешков (ок. 1924–?) и Май Михайлович Степнов (1929–1968). На обратном пути договорились встретиться на Старой Гавани со «стариками» — известными шутниками Апполинарием Игнатьевичем Бадаевым (1906–1974) и Иваном Иосифовичем Ножиковым (1917–1983). Бадаев и Ножиков приехали вовремя, а Томатов на полдня задержался. В те годы с этим было строго: не пришел, значит, что-то случилось. «Старики» давай расспрашивать: *«Где был? Что видел? А цыгане тебе*

---

1 ПМА: Э.И. Гребзде, 6.08.2017, 5.11.2017.

2 СПФ АРАН. Ф. 851. Оп. 1. Д. 5. Л. 25 об. (скобки и пунктуация как в оригинале). Прасковья Захаровна Мякишева, урожденная Измайлова (ок. 1841 — предп. 1883). Вторая жена Андрея Григорьевича Мякишева.

3 ПМА: В.Т. Тимошенко, 30.11.2011.

не встретились? — там, на Манати, цыгане толпой, там у них табор». Смуглый весельчак Томатов, который и сам смахивал на цыгана, с удовольствием поддержал шутливый разговор: *«Когда в другой раз дадут задание, поеду — обязательно посмотрю».*

С той поры шутка про цыган бытует уже более полувека. И если хотят раззадорить или заинтриговать новичка, спрашивают: «На Манати ходил? А цыган там видел?»

Существует целый ряд топонимов, о происхождении которых остается только гадать. К примеру, бухта Китовая близ мыса Гаупта у Дыбовского называется Назанимала (Nazanymała, Nizang). **Озеро Шангинское** было озером Марфы (Марфиным), Ладыгинское — Черныхой[1], а Саранное — озером Федосьи (см. с. 82). 1-я и 2-я Солдатские бухты появились на карте о. Медного в 1896 г. и не связаны с военными действиями, как того можно было бы ожидать.

Шангины

В апреле 1896 г. на о. Беринга скончался старейший на тот момент житель Командорских островов Георгий Антонович Шангин, больше известный как Егор Пажук (Пачсух). По определению Гребницкого, Егор был «кадьякским алеутом»[2], т. е. уроженцем о. Кадьяк (сегодня эту народность называют алютик). Если верить официальной записи о смерти, 80-летний Шангин должен был родиться около 1816 г., из таблицы в отчете Н.А. Волошинова следует, что это произошло не ранее 1819 г., а из «Исповедной росписи» за 1867 г. — ок. 1820 г.[3] Последняя наиболее достоверна.

В 1867 г. Егор вместе с женой Анной (ок. 1820–?) промышлял на о. Симушир, в 1875-м — на Урупе, затем был вывезен на Камчатку, и в 1885 г. жил в селении Тыдумуш близ Желтого мыса, промышляя в его окрестностях. На о. Медный семья переехала ок. 1888 г.: Анны в живых уже не было, вторую жену звали Елена Андреевна (ок. 1860 — ок. 1898). После смерти старика-супруга она вышла замуж за Федора Старцева. Вместе с Егором и Еленой приехали дети от обоих браков (во втором рождались только девочки).

Старший сын Егора Николай (ок. 1854–1899), как и отец, был женат дважды: на Александре Шипицыной (ок. 1851–?), и Марии Куликаловой,

---

1 Dybowski, 1885. S. 101.

2 СПФ АРАН. Ф. 851. Оп. 1. Д. 6. Л. 36.

3 ГАКК. Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 25. Л. 136 об. — 137; Волошинов, 1887. С. 293.

больше известной как Исхуль, или Ишку (ок. 1871–1916). Род продолжил его сын, Иван Николаевич Пажук-Шангин (1890–1944).

Скорее всего, в окрестностях озера находился промысловый участок Николая или Ивана.

Остается загадкой происхождение топонима **Буян** (о. Беринга). Он никак не связан с буйством стихий — Дыбовский делает замечание, что на карте Беклемишева мыс записан ошибочно, его правильное название — Боян, мыс Бояновский[1]. В самом деле, алеутский акцент мог легко трансформировать «Боян» в «Буян». Вероятнее всего, название связано с деятельностью корвета «Боян» («Баян»), охранявшего в эти годы межтерриториальные воды.

Островки и кекуры

Командорский архипелаг насчитывает около 15 островов и островков, среди которых два крупных, два маленьких, а остальные представляют собой кекуры и обнажающиеся во время отлива вершины подводных скал. Кекурами называют небольшие отдельно стоящие высокие скалы и останцы, обычно абразионного происхождения.

О названиях основных островов было сказано выше.

Прямо напротив села Никольского лежат два небольших островка, заселенных колониями птиц: плоский о. Топорков (Топорок) и скалистый о. Арий Камень. Острова получили названия сразу после заселения: о. Топорков — благодаря крупнейшей монодоминантной колонии топорков (топориков) *Lunda cirrhata*, о. Арий Камень — многоярусному птичьему базару, изобилующему нарядными белогрудыми кайрами, или арами. Они имели исключительное значение для местных жителей, поскольку ни один другой населенный пункт Атхинского отдела РАК не обладал таким доступным запасом пищевых ресурсов.

Остров Топорков представляет собой изрытое топорковыми норами невысокое плато — основное место добычи этих птиц. Из их мяса алеуты до сих пор умеют готовить превосходный питательный кровяной суп. Из шкурок шили верхнюю одежду — две замечательные командорские парки хранятся в музейных собраниях МАЭ (г. Санкт-Петербург) и МЭК (г. Краков) и еще две, скомбинированные из грудок

[1] Dybowski, 1885. S. 100.

топорков и ипаток, — в ХКМ (г. Хабаровск). Клювики обоих видов тупиков использовали как декоративный элемент. И хотя на островке также собирали яйца серокрылой чайки и промышляли тюленей, основным объектом добычи оставался топорок.

В то время как о. Топорков ни разу не менял своего названия, соседний **Арий Камень** сменил целых три. Коцебу указывал его Новым, но это осталось только на бумаге. Со второй половины 1820-х гг. островок стал одновременно и Яичным, и Сивучим. Такая странность связана с особенностями природопользования: помимо птиц, большое промысловое значение имела крупная залежка сивучей, находившаяся здесь же. Промысел носил ярко выраженный сезонный характер. Вот как в 1935 г. это объясняла журналистка Галина Санько: «*…летом его алеуты зовут Арий-камень, <…> зимой же Сивучий <…> смотря по обитателям острова*»[1]. На самом деле разными словами называли различные участки. На этом острове возвышаются две вершины, деля его как бы надвое. На одной скале добывали кайр, а на другой — морских львов, взрослых и щенков[2]. И когда охотники шли на промысел, они в разговорной речи указывали не остров, а промысловый участок.

После образования в 1993 г. природного заповедника местным жителям было запрещено на обоих островках добывать морзверя, а сбор яиц и отлов топорков стал жестко регламентированным. В результате потребовалось менее десятилетия, чтобы над прикладным аспектом стал доминировать визуальный образ. Официально остров попрежнему называют Арьим Камнем, хотя молодые люди, как правило, не имеют ни малейшего представления, кто такие «ары». Зато теперь среди местного населения бытуют другие насмешливо-ироничные названьица — Очко и Задница Великана. Негативный окрас обусловлен обидой за отчуждение промысловой территории.

Между островами Арий Камень и Топорков расположен обнажающийся во время отлива **Камень Половинный** (Половинчатый, Половинка). Он лежит строго посередине, поэтому алеуты называли его Алитана. Алеутское словосочетание *Алим танаа* дословно можно перевести как «(островная) суша, лежащая посредине»[3]. Аналогичным

---

1 Санько, 1935.

2 Netsvetov, 1980. P. 35.

3 ПМА: В.М. Кияйкина, 14.03.2011; В.Т. Тимошенко, 27.01.2012.

образом — *Ali(m) Tanaa (Ili(m)-tanaa)* — ранее назывался остров Яичный (Egg Island) у берегов о. Атка[1].

Камень Подводный[2] напротив речки Емельяновской со временем стал Надводным (на карте Стейнегера он указан как Емельяновский).

Кекур **Орлов Камень** близ села Никольского назван так потому, что, по рассказам старожилов, в середине XIX в. на нем гнездились орлы (белоголовый орлан)[3]. Приблизительно в конце XIX или начале XX в. родилась связанная с ним легенда «Онга». История повествует о жестоком Уяке и его самоотверженной жене Онге, превратившейся в каменный столб. В тексте прослеживаются два традиционных мотива: о Вороне-трикстере, старающемся избавиться от мальчиков (способных со временем отомстить или даже занять его место), и об отважном Орле-спасителе. Если рассматривать не характерную для алеутов мотивацию избавляться от дочери и неуместное упоминание о камчатских берегах как поздние нововведения, получится фольклорная история о происхождении интересующего нас останца. Версию о связи с данным кекуром подтверждают имена героев: *Уӈлуӽ* (в русифицированном варианте — Онга) переводится «останец, каменный столб», а *Уđаӽ* (Уяк) — «залив, бухта»[4]. Командорские алеуты называли Орлов Камень *Тиӷлам уӈлуу*.

«Онга»

Легенду, скорее всего, рассказал представитель одной из алеутских семей, переселившихся на Камчатку в начале XX в. Текст в пересказе и литературной обработке И. Зверева публиковался дважды: 5 января 1967 г. в областной газете «Камчатский комсомолец» и 15 января — в районной газете «Алеутская звезда»:

«Вечерело. Мы сидели на каменистом берегу Берингова моря. Старый алеут под певучий шелест волн мечтательно мне говорил:

— Храбрый не умирает. Орлом в высоте летает, утесом стоит, в сказках живет. Вот послушай нашу сказку про Онгу.

Жило спокойно племя алеутов на камчатском скалистом берегу. Умер у них старый вождь. Выбрали алеуты Уяка — нового вождя, да неудачно. Уяк оказался лжив, груб и высокомерен. Доброе желание повторимо, каждая ошибка поправима. Люди выбрали себе достойного вождя. А злоба — не туча,

---

1 Bergsland, 1994. P. 47, 589, 631.

2 РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 7. Д. 1602.

3 Dybowski, 1885. S. 98.

4 Головко, 1994. С. 130, 138.

злоба живуча. Самолюбивый Уяк затаил в темном сердце злобу лютую. "Ничего, Онга, — говорил он своей красавице-жене, — ты скоро родишь мне сына. Он вырастет, за отца отомстит".

Онга печально молчала. Тяжелая обида давила ее доброе сердце. Совестно было Онге смотреть в глаза людям, совестно за своего худого мужа.

И вот родился у Онги ребенок — дочь, вылитая мать. Рассвирепел Уяк: "Пропала моя последняя надежда: нет сына! Брось дочь в море, духу вод".

Онга не отзывалась. Уяк грозно спросил: "Не бросишь?! Тогда положи дочь на обмелевший камень, придет прилив — возьмет... Махни мне рукой, я быстро подплыву на каяке, заберу тебя".

Онга бросила в лицо мужу тревожный взгляд, полный горя и ненависти.

Стоит над обрывом Уяк. Сидит на камне Онга, качает плачущую дочь и сама плачет. А прилив идет. Холодными языками волны лижут ноги Онги, шипят зловеще. Онга встала. А прилив все выше и выше — коснулся колен, добрался до пояса. Онга судорожно прижимает к груди малютку. Что же она думает, не машет Уяку рукой? Вот она и машет, только в сторону открытого моря.

"Орел, орел! Возьми мое сердце, спаси мою дочь!" — кричала алеутка, рыдая.

Когда вода покрыла плечи Онги, говорят, подлетел горный орел. Он осторожно взял ребенка за мягкую песцовую шубку и полетел.

Соленая морская вода коснулась губ Онги, но так и не повернулась Онга к берегу, не махнула рукой. Она прощальным взором смотрела вслед улетающему орлу. И скоро волны скрыли ее совсем.

Но кто мирному горе творит, в своей злобе сгорит!

Дрожа от злости, ругая непокорную Онгу, Уяк оступился и упал в бездну вод.

Орел же с дочерью Онги сел на соседний пустынный остров... — рассказчик прервался, прищурил умные, живые глаза и, о чем-то подумав, коротко закончил:

— Храбрые не умирают. Много лет прошло — и на песчаном берегу острова появилось и выросло новое племя алеутов — сынов орла, сильных, смелых людей! А вблизи камчатского мыса и поныне стоит стройный камень. Видел? Из воды при отливе выходит. И зовут этот камень "Онга".

Старик умолк, задумался, а в камнях, вскидывая белые кудри и вздыхая, волны повторяют: "Онга, Онга, Онга..."»[1]

---

[1] Зверев, 1967.

Бобровые камни, о. Медный
Рисунок с фотографии (Морозевич, 1912)

К старым топонимам о. Беринга относится **Унгиех Камень**[1] — это прибрежная скала, расположенная к северо-западу от мыса Манати. Так как южная часть острова на старых картах изображена неточно, сложно определить, какому именно островку или мысу соответствует указанный объект. Перевод также вызывает большие затруднения: самое близкое по звучанию слово *унӷиӽ (унӷиийаӽ)* обозначает пах или подмышку[2]. Этим же словом называли образовавшуюся пустоту в теле: к примеру, если забить зверя и вытащить из грудной части внутренности, образуется *унӷиӽ*[3]. Возможно, скала имела просторную нишу. Не исключено, что мы видим искаженную транскрипцию слова *umĝuliӽ (umgulyaӽ)*[4] — «большой кит», в том числе синий кит. Но более вероятно, что Дыбовским была допущена неточность в написании, и это *уӈлуӽ* — «каменный столб, останец».

Останцы и скалы о. Медного невероятно разнообразны. Некоторые из них поднимаются конусом, другие имеют форму столбов или же

---

1 Dybowski, 1885. S. 99.
2 ПМА: Г.М. Яковлев, 10.03.2011; перевод и транскрипция Е.В. Головко, 2011 г.
3 ПМА: Э.И. Гребзде, 24.05.2011.
4 Bergsland, 1994. P. 440.

принимают самые причудливые очертания. Бóльшая часть скал носит названия, связанные с их обитателями: Нерпичьи, Сивучьи, Урильи, Арьи и т.д. Наиболее оригинальные очертания имеют группы скал, называемые **Бобровыми Камнями**. Топоним известен со времен Гребницкого, но каждый исследователь находил в них свои образы. Так, Дыбовский выделял группу скал под названием Корабль, объясняя это тем, что в определенном ракурсе камни напоминают мачты парусника. Суворов видел в них точную копию сфинкса с обломленной головой и утверждал, что эффект усиливается, если смотреть с моря. Алеуты называли камни *Кагалу Углуки (Кагалум уӈлуких)* — «два каменных столба-пятки»[1].

Суворов описывал и другие скалы и пещеры близ села: *«Возле самаго села Преображенскаго, под Кекуром, особняком стоит высокая скала — **Тизиков Камень**; волны выбили в ней значительное углубление, отчего скала кажется несколько наклоненной к морю. Несколько дальше к юго-востоку находится большая, сажен до десяти в длину, **Говорушечья пещера**. В тихую погоду во время прилива внутрь пещеры можно войти на шлюпке под оглушительный крик говорушек, избравших пещеру своим местопребыванием. Рядом с названной находится маленькая щелевидная **Гремящая пещера**. Набегающая волна сжимает находящейся в трещинах воздух; расширяясь, последний производит громкий звук»*[2].

Местные названия, не отраженные на официальных картах

Далеко не все бытовавшие и бытующие названия зафиксированы на карте. Топонимы рождаются и умирают в зависимости от того, насколько активно эксплуатируются ресурсы данной местности. Наиболее посещаемые участки имеют более богатую топонимику, запустение приводит к утрате целого ряда терминов. В настоящее время на о. Беринга активно осваивается только северная часть острова, южная и центральная отчуждены заповедником. Для обозначения южных районов используют официальные топонимы, нанесенные на карту, новых за последние десятилетия не появилось. Совсем иная ситуация с окрестностями села Никольского. В одной только долине реки Гавань выявлено не менее 15 таких объектов.

---

1 ПМА: Г.М. Яковлев, 13.05.2009.

2 Суворов, 1912. С. 91.

Томатовские ручьи и **Томатовские покосы** расположены в долине озера Гаванского недалеко от того места, где в нее выходит ручей Ивановский Запор. Во второй половине 1950-х гг. покос был закреплен за державшим индивидуальное хозяйство Егором Петровичем Томатовым. Был еще Томатовский собачник.

Егор Томатов

Егор Петрович Томатов (1927–1988) имел всего 4 класса образования, но был личностью яркой и незаурядной[1]. Высокого роста, с запоминающейся внешностью, местным алеутам он напоминал цыгана. В 1955 г. он приехал на о. Беринга вместе с женой и, поскольку специального образования не имел, устроился в зверосовхоз рабочим. Работал зоотехником и бригадиром. Егор быстро освоил мастерство каюра и уже в декабре 1957 г. в составе выездной бригады был направлен на «дальние ухожа» вести зимний промысел песца[2]. Весной следующего года его имя украсило районную Доску почета.

Томатов отлично знал остров, каждую его сопку и бухточку. Ездил на Северное, Саранное, на Толстый и Лисинскую и даже на Манати. О виртуозном владении собачьей упряжкой с восхищением вспоминали молодые инспектора Валентин Пинигин и Владимир Прянишников: *«Медленный тягучий подъем. Егор Петрович без конца понукает собак криками подбадривания, и в них можно найти такое разнообразие слов и сочетаний, что не трудно составить и сказание-легенду, и… ядовитый анекдот. Но все-таки преобладает одно зовущее и требовательное: «Вперед!»*

<…> «бродно» (тяжело идти) собакам. Они чуть ли не по брюхо утопают в пухе снега, нарта идет тяжело, но все-таки идет. <…> Каюр стоял на краю обрыва, осматривал панораму долины речушки Перегребной. Картина впечатляющая: крутой обрыв под ногами метров на 200, долина речки с густым кустарником зажата со всех сторон островерхими высоченными сопками. Томатов объясняет расположение гор и, вытянув руку в юго-западный конец долины в просвет между пиками гор, показывает дорогу на Шипитинскую бухту — это наш дальнейший маршрут. <…> А как же спускаться?! Егор Петрович подводит нас к другой стороне гривы. Такая же бездна, упирающаяся в дно распадка. Снег, снег, снег… На фоне снега не видно дна… Все сливается в сплошную белизну.

---

1 ПМА: В.Т. Тимошенко, 30.11.2011; Г.М. Прянишникова, 28.07.2017; В.Е. Пинигин, 26.07.2017; Суровцева, 1968.

2 ПМА: В.Т. Тимошенко, 2011.

<…> Томатов отвязывает собак, одевает цепи на полозья нарт, взглядом ощупывает спуск. Остальные в это время приводят «в боевую готовность» длинную капроновую веревку метров на 130, привязывают конец к нарте, медленно и осторожно начинают ее спуск. На границе крутяка «окапываемся» — долбим опору для ног в крепком панцире обледенелого склона. Осторожно, перебирая руками веревку, спускаем нарту. Трос натянут сильно и бьется в руках, норовя вырваться. Вот и конец веревки. Нарта останавливается где-то на первой трети склона. Упираемся ногами, сдерживая тяжесть, а Егор Петрович с собаками спускается к нарте.

<…> Под козырьком много наметенного снега, дальше — ледяной панцирь, отполированный, как стекло. Подъем на противоположную сторону пади так крут, что страшно смотреть и не верится, что на него нужно забираться, да еще тащить нарту с собаками: ведь сплошной лед и крутизна чуть не вертикальная! Подходим <…> к первой трети подъема на перевал, окапываемся — рубим ледяную корку — опору для ног. Противоположный конец веревки Егор Петрович закрепляет за центральник упряжки. Перебирая веревку руками, начинаем подтягивать нарту. Собаки и рады бы помочь, но на льду склона они сами еле держатся. Подтягиваем нарту на первые 120 метров подъема. Егор Петрович остолом удерживает ее, а мы лезем выше <…> руки от постоянного напряжения трудно согнуть, а малейшая оплошность — и нарта с собаками (в лучшем случае без людей) окажется на дне распадка в глубокой бездне. Это гибель для собак, снаряжения и продовольствия»[1]. Путевые заметки описывают экспедицию командорской инспекции Камчатрыбвода 1968 г. Основной задачей похода к южной оконечности о. Беринга был зимний учет морских млекопитающих и северных оленей. Близ мыса Монати зафиксировано более 7 000 сивучей, к тому же впервые за сто с лишним лет обнаружена группа из восьми каланов, включавшая самку с детенышем.

В послевоенные годы на международном уровне обсуждался вопрос об урегулировании рыболовства в северо-западной части Тихого океана. Это касалось в первую очередь лососевых и морских млекопитающих, таких, как киты, северные морские котики, каланы и др. Сразу после принятия в 1957 г. Временной конвенции о сохранении котиков северной части Тихого океана была организована Командорская государственная котиковая инспекция (первый инспектор — П. Коновалов). Это название просуществовало недолго, вскоре учреждение было переименовано в Командорскую инспекцию рыбоохраны. Егор Петрович

[1] Томатов, Пинигин, Прянишников. Записки экспедиции, 1968.

работал в ней приблизительно с 1962 г. — после В.А. Осипова. В 1966 г. он уступил должность районного инспектора выпускнику Иркутского СХИ биологу-охотоведу В.Е. Пинигину.

Томатов проводил регулярные полевые работы, в том числе систематические учеты каланов, чего до него никто не делал. Он не имел ни возможности, ни желания публиковать богатейший учетный материал, но с радостью делился им с другими исследователями (известна только одна публикация 1972 г., в которой он выступал как соавтор — «Каланы на острове Беринга»[1]). В 1964 г. на его наблюдения ссылался С.В. Мараков в своей диссертации «Млекопитающие и птицы Командорских островов», в 1968 г. — Барабаш-Никифоров в совместной с Мараковым и Николаевым книге «Калан»[2]. Его не раз упоминал Л.М. Пасенюк.

А еще Егор Томатов был великолепным фотографом-анималистом.

Не доезжая Томатовских, недалеко от места, где р. Запорная выходит в долину, расположены **Березинские покосы** — по фамилии беринговских алеутов, братьев Березиных, старшим из которых был Дорофей Семенович (1946–2018).

Между р. Запорной и Томатовскими ручьями находится участок долины — **Мутная**. **Ивановскими ручьями** называют место впадения р. Ивановский Запор в озеро Гаванское, это наиболее посещаемый участок зимней подледной рыбалки. Другой рыболовный участок, **Белокаменка**, лежит в той же долине по северному борту западнее Ивановских ручьев. Между Ивановскими ручьями и Белокаменкой расположены ручейки **Самовар** и **Самолов**, эти названия употребляют главным образом старожилы. Чуть дальше находятся **Ульченковские покосы** — бывшие покосы Николая Андреевича Ульченко (1926–?), приехавшего на остров в 1956 г. вместе с семьей[3].

Участок **Шутхину** (Шитхина, Ситхину) находится между Томатовскими и Ивановскими ручьями напротив Малой Наковальни, в этом месте протекает ручей **Добавочный**[4]. Многие местные жители старшего поколения помнят значение слова *ситхис* и переводят его как «дерьмо», или нечто «дурно пахнущее». Действительно, раньше уровень воды в долине был значительно выше, и сборщицы ягод страдали

---

1 Мымрин, Муляр, Томатов, Мараков, 1972.

2 Мараков, 1964. С. 33, 72, 178; Барабаш-Никифоров, Мараков, Николаев, 1968. С. 96–97.

3 ПМА: А.П. Ульченко, 11.08.2008.

4 ПМА: Ю.Ю. Голых, 2012 г.

от зловонных испарений и выходящих болотных газов, кроме того, разлагалась отнерестившаяся рыба. Поселковую свалку в 1980-х гг. также называли *ситхинуу*[1].

Сопка Наковальня отмечена еще в монографии Суворова, а топоним **Малая Наковальня** нигде официально не фигурирует. Если смотреть со стороны моря, Малая Наковальня расположена прямо за Наковальней. Также на картах не отмечена известная каждому жителю сопка **Утюжок**, расположенная по левому борту Гаванской долины.

Ближе к устью на заболоченной низине находится **Тинное озеро** — часть старицы реки Гаванской. Основную часть старицы называют **Кривун**.

В той же долине, напротив поселкового кладбища и огородов, лежит круглое Тухлое, оно же **Гнилое озеро**. Озеро называется так потому, что в нем отмачивали соленое мясо морских котиков, которое затем шло на корм собакам[2]. Собачники[3] с ездовыми собаками располагались неподалеку на сопке. Тушки бросали прямо в воду и оставляли на несколько дней. Запах стоял соответствующий.

На надпойменной террасе левого борта р. Гаванской южнее устья р. Запорной расположено **Чаячье озеро** — место бывшего водозабора, ныне пересыхающее. Небольшое пересыхающее озерцо в центре поселка, ниже освященного православной церковью родника раньше было полноводным и носило название **Лебединое**[4], сегодня топоним помнят лишь представители самого старшего поколения, остальные называют участок Ключиком или Родником.

Тропы вдоль обоих бортов долины называют *собачками* — раньше здесь ездили собачьи упряжки в зимнее и даже летнее время. Такие же *собачки* есть и в других частях острова, правда, за последние десятилетия они почти полностью заросли.

В районе скалистого Непропуска близ села Никольского выделяют **Чертов Палец** — узкий проход между скалами, узнаваемый по небольшой пальцеобразной естественной стеле у внутреннего борта прохода. Между речками Гаванской и Каменкой протекает **Солдатский ручей**: здесь в 1940-х гг. патрулировавшие остров пограничники делали кратковременный привал. История о том, что на этом месте якобы

---

1 Устное сообщение Е.В. Головко, 2011 г.

2 ПМА: И.И. Вожиков, 23.11.2012.

3 Места, где привязывали и держали ездовых собак (под открытым небом).

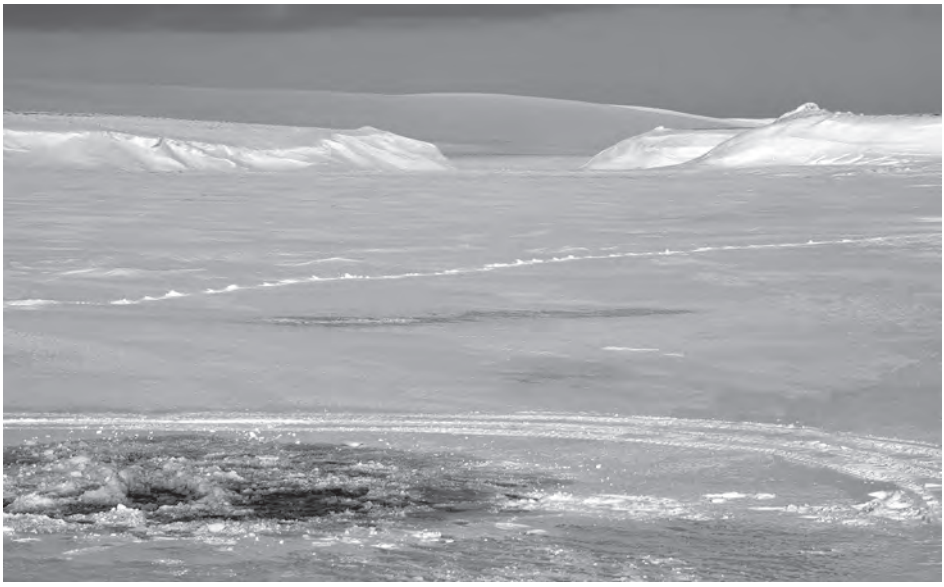
4 ПМА: В.Т. Тимошенко, 2005 г., 5.05.2007.

пропал солдат, беспочвенна: подобный инцидент действительно имел место, но значительно позже и не был связан с ручьем.

Истории с приезжими, даже самые загадочные, редко сохраняются в памяти командорцев. В устье речки Песчанки (между реками Каменкой и Федоской) на песчаном холме стоит символический крест — в октябре 1997 г. в этом районе при странных обстоятельствах бесследно исчез сотрудник электростанции Сергей Головко. Однако ни крест, ни участок не получили собственного названия.

В нижнем течении реки Каменки находится участок **Григорьевские покосы** (покос Аркадия Сергеевича Григорьева, ныне покойного), название бытует последние два десятилетия. Выше по течению расположена **Проволока** — участок старой дороги, функционировавшей до того, как была отстроена дорога на Старую Гавань, но это название знакомо немногим.

В долине реки Ладыгинской выделяются несколько участков, связанных со сбором морошки и местами подледного лова. **Папироска** расположена вдоль северного борта озера Ладыгинского и подразумевает избу, незамерзающие ручьи и морошечник. Раньше название распространялось на всю долину, и данный конкретный участок с избой был местом «перекура» — кратковременного отдыха на пути от Северного лежбища к поселку, он расположен как раз в середине пути.

Ворота — узкий проход между озерами Шангинским и Воротным, о. Беринга

Сегодня выделяют также **Поперечную** — участок с противоположного юго-восточного борта Шангинского озера, соединяющегося с Ладыгинским. Узкий проход между озерами Шангинским и Воротным называют **Воротами**.

На о. Медном было много локальных названий, но после закрытия острова все они стали забываться. Поэтому остановимся лишь на одной, самой яркой истории.

В 1912 г. Е.К. Суворов вскользь упомянул о мистических «карликах-челакакан». Согласно поверью, человечки жили на о. Медном в **бухте Челяковской**, расположенной по соседству с селищем Корабельным. После выхода книги местные жители были сильно обижены некоторыми необдуманными высказываниями ученого. И казалось бы, невинная, брошенная мимоходом фраза тоже была воспринята в штыки. В контексте других высказываний она ущемляла самолюбие алеутов, выставляя их, как им тогда показалось, необразованными дикарями. Поэтому в последующие несколько десятилетий на расспросы приезжих они только отшучивались: «Мало ли чего болтали раньше»[1]. Быть может, именно по этой причине топоним так и не был нанесен на карты.

По рассказу К.Т. Ладыгина, родившегося и выросшего на промысловом ухоже Корабельном, бухта *Чалакускаҳ (Чалакушка)* расположена севернее современной бухты Водопад — в том месте, где ниспадает высокий заметный водопад (54°40′44″ с. ш.). В скалах южнее мыса Корабельного находится скрытая пещерка — «прибежище чалакучах». То же самое подтверждает медновский алеут Г.М. Яковлев: если идти по берегу в южном направлении (без учета непроходимости мест) за Корабельной идет первая бухточка с небольшим водопадиком, а следом — *Чалакускаҳ* с водопадом. В этом месте в 1950-х гг. брал воду китобой «Алеут»[2].

Фольклорные сюжеты о чалакаках

Командорские алеуты рассказывают, что *чалакакаҳ (челакакаҳ, чалакучаҳ, чалакучинаҳ)* — это низкорослый человечек с мохнатыми ножками и бесшумной походкой. *Чалакакан* (мн. ч.) жили в пещерах и исчезали при виде людей.

---

1 Суворов, 1912. С. 91; Редько, 1927. С. 85.

2 ПМА: К.Т. Ладыгин, 20.10.2006, 23.03.2011, 3.04.2013; Г.М. Яковлев, 13.05.2009, 8.11.2015.

Упоминание о *чалакалаӽ (chalakalaӽ)* встречается в легенде «Чунин — прародитель аттуанцев», записанной Кнутом Бергсландом в 1950 г. на Уналашке. В этом изложении *чалакала* был мохнатым и чем-то средним между человеком и животным[1].

О *чалакучинаӽ* (уменьшительно-ласкательное от *чалакакаӽ*) любил рассказывать Кирилл Терентьевич Ладыгин:

«*Чалакучаӽ* ночью ходят. Штор в землянках нет, вот они в окна и смотрят. Мать сперва боялась — мы ушли, она одна, а они в окно заглядывают. Но ничего не делают, и мать бояться перестала.

Дело было зимой. Мать говорит: *«Надо сыну сказать, что чалакучинаӽ — тоже люди. Покажи ему, какие они, пускай знает, пускай людям расскажет»*. Отец согласился: *«Ночью, часов в двенадцать, пойдем, я тебе кое-что покажу»*. Покушали, чай попили. Отец сделал из махорки мелешину [лемешину, жвачку из табака и древесной золы], положил за щеку, и пошли. Заходим [в песцовую кормушку-ловушку[2]] — там песцы бегают. Отец отпер окошечко потихоньку: *«Иди сюда, сынок, смотри, это — человек, днем его близко не увидишь, а ночью можно»*. Ночь лунная, все видно. Он — как индеец, весь в шкурах. Стоит, мясо кушает. Руки лохматые, глаза сверкают. *«А что кислое* [мясо] *кушает?» — «Природа его такая»*. Песцы вокруг бегают, но не лают, не трогают. А он стоит и кушает.

Днем отец говорит: *«Пойдем, посмотрим песцовый самолов. Сейчас дойдем до Чалакускаӽ* [больших] *камней на лайде, смотри внимательнее, оттуда появится человек. Чалакакаӽ — маленькие люди. Я не обманываю»*. Идем, погода хорошая. *«Сынок, смотри, идет!»* Метрах в пятнадцати остановился, на нас смотрит. *«Сейчас его не станет». — «Как не станет?»* Мы идем дальше — и точно, его как не было. Следов на месте, где он стоял, тоже нет.

Пошли промышлять дальше. Промысел окончен — для всех на острове праздник. Старики говорят: *«А теперь покажи ему, где они живут»*. Это на самой Корабельной, где морошечник, они там в скалах жили. Я покушал морошки, а отец: *«Надо торопиться»*. Нас было пять человек. Подошли — а там как кратер от вулкана. Фонарики взяли, начали спускаться вниз. Там из камня как будто лестница. Минут пять спускались. Внизу — как кровати из камня сделаны. Человека два-три или четыре жили. Шкуры там, чтобы надевать. У них рубах не было — только

---

1 Bergsland, 1959. P. 125; Bergsland, 1994. P. 129.

2 Кормушка-ловушка состояла из небольшого домика и сетного дворика.

шкуры. Душно. Поднялись наверх» (Рассказы 2006–2013 гг., лит. обработка Н.А. Татаренковой).

Беринговский вариант рассказывал известный алеутский сказочник Георгий Андреевич Ладыгин, родной дядя Кирилла. Его по моей просьбе пересказала Вера Терентьевна Тимошенко, двоюродная сестра Георгия Андреевича[1]:

«*Чалакакаӽ*, похожие на «мамаев» в шляпах [обычно *Mactromeris polynyma*, в данном случае двустворчатых моллюсков *Megangulus luteus*] — это маленькие человечки. Они живут под камнями, в трещинах и расщелинах скал. Когда *чалакакаӽ* видят людей, прячутся, а когда людей нет, выходят. Очень пакостливые. Раньше жители замачивали рыбу и соленое котиковое мясо в речке, мясо завязывали в сеть и опускали в воду. *Чалакакаӽ* как только люди уйдут, забирались в сеть и выбирали самые лучшие кусочки, наутро оставались одни кости. Люди удивлялись: неужели это маленькие птички склевали? Нет-нет, это *чалакакаӽ*, они шкодливые. Увидят из-за мыса, что люди идут, и прячутся.

Но иногда *чалакакаӽ* сами приходили туда, где живут люди, — ночью, когда все спят. Приходили с гармошками и шумели, баловались: люди выставят на улицу обувь и одежду просушиться, а они — кто торбаса наденет на голову, кто что. Такой шум подымали, что даже хозяева просыпались и вместе с ними веселились. Но не все *чалакакаӽ* были такие добрые. Некоторые, когда уходили, натягивали нити, чтобы человек, если за ними пойдет, запутался. *Чалакакаӽ* были везде: и на Беринга, и на Медном».

Исторические казусы

Процесс формирования топонимов бесконечен. Пока заселены острова, народная фантазия не иссякнет. Однако последнее время прослеживается странная тенденция давать географическим объектам названия, никак не связанные с регионом. Так, 1 декабря 2004 г. было принято постановление о присвоении **проливу** между Беринга и Медным имени **Адмирала Кузнецова**. На тот момент российский флот отмечал столетие со дня рождения Николая Герасимовича, но, при всем уважении к заслугам Героя Советского Союза и одного из наиболее выдающихся военачальников Великой Отечественной войны,

[1] Татаренкова, 2008. С. 239.

Кекур (останец) Орлов Камень в окрестностях с. Никольского, о. Беринга

Вид на метеостанцию с. Никольского со стороны Чертова Пальца (участка Непропуска)

Долина р. Гаванской и сопка Утюжок, о. Беринга

Устье р. Гаванской ранней весной

Озеро Лебединое, с. Никольское, 2016 г.

Село Никольское (историческая часть), о. Беринга, 2016 г.

Заросшее мелководное Тинное озеро, образовавшееся на месте старицы р. Гаванской, о. Беринга

Чаячье озеро, на заднем плане сопка Наковальня и Столовые горы

Река Гаванская в предзимье, на заднем плане Свинные горы *(слева)* и Гаванская гора *(справа)*

Озеро Ладыгинское (вид с участка Папироска), о. Беринга

Когда устье реки Ладыгинской *(вверху)* замывает океаническими наносами, образуется временное озерцо *(внизу)*

Мыс Гаупта, или Китовый (вид с мыса Забияки), о. Беринга

Меандры в нижнем течении р. Каменки, о. Беринга

Федоскинские покосы, о. Беринга

Речка Китовая (Федоскинский водопад)

Речка Сухая, о. Беринга. Ход горбуши

Столбчатая отдельность в бухте Дубовой, о. Беринга

Мыс Кирпичный, также называемый «Наполеоном», о. Беринга *(А.Г.)*

Северо-западное котиковое лежбище, бухта Песчаная, о. Беринга

Бухта Малый Ракушечник

Бухта Большой Ракушечник, о. Беринга

Северо-западное котиковое лежбище, вид на Северное лежбище, о. Беринга

Река Водопадная, восточнее бухты Наюшки

Бухта Наюшка, вид на бывшее Полуденное лежбище

Абразионные формы в бухте Лабазовской, о. Беринга

Река Перегонная, бывшее Полуденное лежбище

Черный мыс, о. Беринга

Бывшая промысловая юрташка-полуземлянка, 2010 г.

Мыс Островной (Островной Перешеек), о. Беринга

Озеро Перешейковское, о. Беринга

Бухта Буян и мыс Буяновский, на горизонте виден о. Медный

Бухта Старцевская Шайба, о. Беринга

Бухта Командор и мыс Командор, на горизонте виден о. Медный

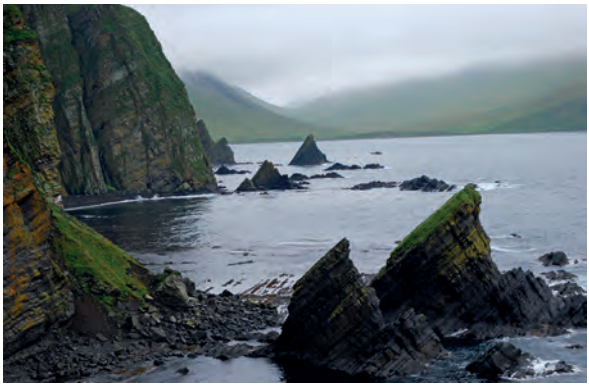
Байдарная Пристань. Небольшие водопады на юге о. Беринга не достигают подножия скал, развеиваясь в брызги

Река Передовая в одноименной бухте, о. Беринга

Вид на Байдарную Пристань (с мыса Толстого)

Бухта Преображенская, вид на бухту Песчаную, 2009 г. *(В.А.)*

Скалы мыса Дровенского, или Глинки *(М.Б.)*

Бобровые Камни, о. Медный *(С.Р.)*

Гора Аровая *(слева)* и гора Гаванская *(справа)*, о. Медный *(М.Б.)*

Бухта Глинка, о. Медный *(М.Б.)*

Вид о. Медного с горы Сахарная Головка *(С.Р.)*

Участок Дырявый близ мыса Южного *(М.Б.)*

Бухта Перешеек Островной, вид с мыса Пестряков *(М.Б.)*

Собачья Дыра близ мыса Палата *(М.Б.)*

Вид на мыс Дровенской, или Глинку *(М.Б.)*

Мыс Ивановский, о. Медный *(М.Б.)*

Орлов Камень близ мыса Юго-Восточного *(М.Б.)*

Саранка, или рябчик камчатский *(Fritillaria camschatcensis)*

Лабазник *(Filipendula camtschatica)*

Морошка *(Rubus chamaemorus)*

«Кислая капуста»: штормовые выбросы близ Старой Гавани. Водоросли сублиторали: алярия, пальмария и др.

Урила (баклан), здесь — *Phalacrocorax urile*

Горбуша в брачном наряде (лощавая)

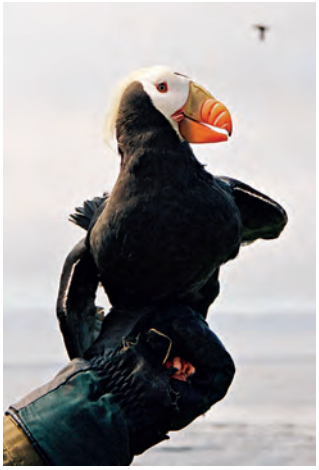
Красноногая говорушка

Песец тащит лощавую нерку, оз. Саранное

«Серенькие» — сеголетки северного морского котика

Топорок (топорик)

Серокрылые чайки и другие птицы на о. Топорков

Острова Арий Камень *(слева)* и Топорков *(справа)*

Остров Арий Камень

стоит признать, что ни к Командорам, ни к Камчатке его деятельность не имела отношения.

29 декабря 2004 г. вышло второе постановление — о присвоении двум безымянным вершинам на о. Беринга наименований в память о члене Совета «Интеркосмос» Леониде Андреевиче Кашине и начальнике Главного управления геодезии и картографии СССР Илье Андреевиче Кутузове. Координаты **горы Кашина** — 54°57,5′ с. ш., 166°17,5′ в. д., **горы Кутузова** — 54°56,5′ с. ш., 166°20,3′ в. д. И вновь та же ситуация: ни создание сети космической триангуляции, ни использование материалов космических съемок для создания карт не имеют прямого отношения к тихоокеанским островам. Несмотря на то что общественность острова единодушно отвергла идею, новые топонимы были официально утверждены. В то же время встречные предложения увековечить имена исторических персонажей, чьи судьбы тесно связаны с Командорами, остались без ответа.

Впрочем, история помнит и более казусные случаи. В двухтомном фолианте «Приключения и путешествия графа Морица Августа Беневского», изданном в Лейпциге в 1791 г., знаменитый словацкий путешественник и авантюрист Маурициий (Мориц) Бенёвский сообщает, что был со своей командой на о. Беринга и залив, в котором стояло его судно, назвал в свою честь **бухтой Святого Маурициия** (Маврикия). По утверждению Морозевича, судно стояло в бухте в мае 1771 г. и указанная бухта — не что иное, как современный Никольский рейд. Как следствие, топоним запечатлен на карте Морозевича. Менее подробно эта история изложена на страницах книги Дыбовского[1]. Известно, что судно с беглецами, пожелавшими нелегально покинуть пределы России, в середине мая 1771 г. подходило к одному из необитаемых Курильских островов, а затем какое-то время штормовало, прежде чем достичь берегов Японии. Вероятность того, что Бенёвский стоял у берегов о. Беринга, крайне мала.

[1] Dybowski, 1885. S. 101; Morozewicz, 1925. S. XIII–XIV, mapa w. Beringa.

Вместо заключения

Вероятно, когда-нибудь на смену современным картам придут обновленные, содержащие большее количество подписанных объектов. Хочется верить, что на них будут исправлены допущенные неточности: вместо Монати будет написано Манати, вместо Яновской — Яковская и т.д. А еще будет указан, хотя бы в скобках, мыс Хитрова и другие утраченные названия. Еще хочется вернуть на карту имя Дыбовского. Морозевич назвал его именем сопку, расположенную у южной границы водораздела между реками Подутесной и Буян. В настоящее время вершина названия не имеет.

В 2004 г. по инициативе Думы Алеутского районного муниципального образования была создана специальная экспертная комиссия, занимавшаяся вопросами переименования географических объектов. Местные краеведы отметили, что на карте островов отсутствуют имена целого ряда исторических лиц, чья деятельность была тесно связана с Командорами. Вспоминали Гребницкого и Черского. Но в вышестоящих инстанциях предложения так и не были услышаны. Если этот вопрос будет когда-либо поставлен вновь, то следует иметь в виду пятерку главных кандидатов, которые достойны быть увековеченными на карте. Это Гребницкий, Черский, Фрейберг, Редько и Хабаров.

Об управляющем островами Николае Александровиче Гребницком было сказано достаточно много. Эта кандидатура не вызывает сомнений.

Александр Иванович Черский (1879–1920) приходился сыном известному геологу и географу Ивану Дементьевичу Черскому. Александр — зоолог, основоположник идеи островного звероводства и автор труда «Командорский песец». Черский приехал на о. Медный в 1915 г. и работал в должности старшего смотрителя за рыбными и пушными промыслами. В 1917 г. алеуты избрали его помощником уездного комиссара, а Камчатка в скором времени утвердила в должности комиссара. Но в связи с техническими сложностями решение

осталось только на бумаге. В 1918 г. ученый уехал во Владивосток, но уже в следующем году как незаменимый специалист был вынужден вернуться и принять на себя административные функции. Жизнь его оборвалась внезапно и трагично. Жители настолько любили и уважали этого человека, что, провожая в последний путь, выставили у дома почетный караул, и над могилой трижды прозвучал винтовочный залп[1].

Николай Никитич Лукин-Федотов и защитники островов[2]
Рельеф. Гипс. 2018. И.П. Вьюев

Николай Никитич Лукин-Федотов (конец 1860-х — 1909) — старший надзиратель за пушными промыслами. Служил на о. Беринга с мая 1893 г., в 1895 г. был переведен на о. Медный, где следил за состоянием котиковых лежбищ, обеспечивал их охрану и производил фотофиксацию. С 1903 г. состоял в штате уездного управления; в 1905 г. временно исполнял обязанности помощника уездного начальника. Во время Русско-японской войны и последующие годы *«вооружив все население Меднаго он с успехом отражал нападения хищников и даже организованную высадку со шхун дессанта»*[3]. 18 марта 1905 г. за отличия, оказанные при защите Командорских островов, был произведен из фельдфебелей в подпоручики, с зачислением в запас армейской пехоты по Приморской области.

Евгений Николаевич Фрейберг (1889–1981) — ярчайший, незаслуженно забытый представитель своего времени. В 1924–1925 гг. был начальником командорских промыслов, что приравнивалось к должности управляющего. Фрейберг за год сумел сделать больше, чем его предшественники за 20 с лишним лет. Благодаря его усилиям стала функционировать предложенная Черским система островного звероводства. В итоговом отчете он изложил много ценных предложений. Многие из них были претворены в жизнь. Грамотный специалист и мудрый администратор, Фрейберг был человеком неординарным, романтичным и любившим жизнь во всем ее многообразии. Спустя

---

1 Бондарева, 1966. С. 26.

2 Портрет Лукина-Федотова достоверно неизвестен.

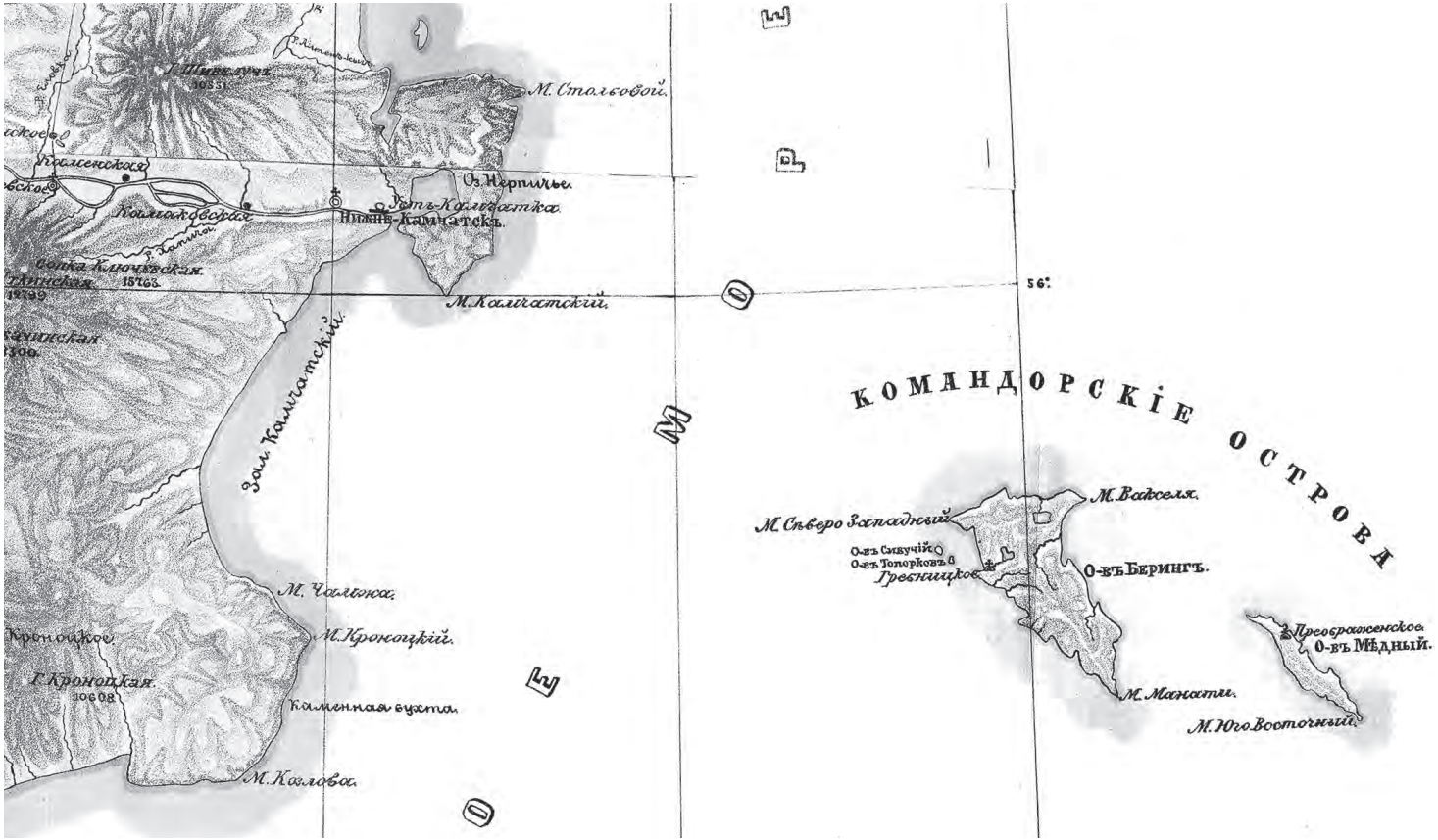
3 Суворов, 1912. С. 28–29.

несколько лет после командировки на Командоры он уже закладывал город в бухте Тикси. С ним были жена, дочь и сын, рожденный на острове от алеутской девушки. Полярник Отто Шмидт называл этих малышей «первыми детьми Арктики».

Борис Алексеевич Редько (предп. 1891–1937) в 1923–1925 гг. жил на о. Медном и исполнял обязанности помощника начальника командорских промыслов. Был признанным специалистом по вопросам дальневосточного рыболовства и пушного промысла. Написал прекрасную работу, затрагивающую в том числе вопросы алеутской культуры. В 1927 г. на конференции по изучению производительных сил Дальнего Востока Редько выступил с резкой критикой идеи В.К. Арсеньева принудительно выселить алеутов на Камчатку. Благодаря его грамотному аргументированному докладу выселение алеутов было признано нерациональным. В 1930-х гг. подвергался преследованиям и в конечном итоге был расстрелян как «враг народа».

Валентин Поликарпович Хабаров (1898–1942) — медновчанин, первый командорский алеут, получивший высшее образование и успешно защитивший диссертацию на соискание степени кандидата географических наук. Представитель некогда многолюдного алеутского рода Хабаровых.

Возможно, сегодня эти пожелания кажутся несбыточными. Но опыт показывает, что в жизни нет ничего невозможного.

Карта полуострова Камчатки (фрагмент)
(Сборник..., т. 3, вып. 1, 1882)

Приложения

Приложение 1

Формирование топонимов Командорских островов

Современное название	Ранние топонимы XVIII – первой половины XIX в.	Гребницкий, 1882	Дыбовский, 1885[1]; Стейнегер, 1885[2]	Савич, 1893; Карта 1894; Стейнегер, 1898[3]; Карта 1914[4]	Морозевич, 1903[5]; Суворов, 1912[6]
			Остров Беринга		
м. Тонкий	–	1882: бывшее лежбище нерп	D-1885: Tonkij mys Wastocznyj / m. Waksela[7] S-1885: Tonkij Mys	1894: м. Северовосточный / Вакселя 1898: m. Tonkoi	1903: pr. Tonkoj 1912: м. Тонкий
б. Линялая	–	1882: бывшее лежбище нерп	D-1885: b. Liniajata / Czmulilach	1894: м. Северовосточный / Вакселя	–
б. Большая	–	1882: бывшее лежбище нерп	D-1885: b. Balszaja tretiaja	1894: м. Северовосточный / Вакселя	–
б. Проливная м. Проливной	–	1882: бывшее лежбище нерп	D-1885: b. Bułunkowaja (Bałunkowaja)	1894: м. Северовосточный / Вакселя	1903: pr. Miasnicki
б. Мясниковская	–	1882: бывшее лежбище нерп	D-1885: b. Miasnikowskaja	1894: м. Северовосточный / Вакселя	–
б. Мяконькая	–	1882: бывшее лежбище нерп	D-1885: b. Odinoczeczna-ja (Odinaczeczna-ja)	1894: м. Северовосточный / Вакселя	–
м. Вакселя / Северо-восточный	1848: м. Вакселъ 1852: NO Мыс / Вакселя	1882: м. Вакселя / Тонкий	D-1885: m. Niepropusknoj S-1885: Nepropusk	1893: м. Вакселя 1894: м. Северовосточный / Вакселя 1898: Nepropusk / Cape Waxell 1914: м. Северовосточный / Вакселя	1903: pr. Wschodni / Waxell 1912: м. Северо-Восточный / Вакселя

б. Дровяная Дальняя	–	–	D-1885: b. Drowianaja (Drawiannaja)	–	–
б. Дровяная Ближняя	–	–	D-1885: b. Drowiannaja bolszaja (Drawiannaja balszaja) S-1885: b. Travnaja	1898: b. Dravianaya	1903: z. Drzewna (Древесная) 1912: б. Дровенская
без названия	–	–	D-1885: Bajdarnaja pristań	–	–
риф Захарьевский	–	–	D-1885: m. Tundrennyj	–	–
б. Тундровая	–	–	D-1885: b. Tundrennaja	1898: b. Tundrinaya	1903: z. Tundranaja 1912: б. Тундряная
б. Столбовая	–	–	–	–	1912: Столб

[1] Б. Дыбовский посещал острова трижды: в 1879, 1882 и 1883 гг. Топонимы приведены на польском языке, большинство записаны по правилам польской грамматики, некоторые — по правилам русской, нередко встречается замещение букв, в частности, «а» и «о».

[2] Топонимы, собранные Л. Стейнегером во время жизни на Командорских островах в 1882–1883 гг. Приведены на немецком языке.

[3] Визиты Л. Стейнегера на Командоры во время командировок в 1895–1897 гг. Топонимы приведены на английском языке.

[4] Картографическая съемка 1898 г.

[5] И. Морозевич работал на Командорских островах в 1903 г., материал был опубликован только в 1925 г. Поскольку между сбором информации и публикацией книги прошло более 20 лет, указан год поездки на острова. Топонимы приведены на польском языке, при необходимости в скобках дан перевод на русский язык.

[6] Е. Суворов посещал острова в 1910 и 1911 гг.

[7] У Дыбовского мысы Тонкий и Северо-Восточный объединены, поэтому на карте заметен ряд несоответствий.

Современное название	Ранние топонимы XVIII – первой половины XIX в.	Гребницкий, 1882	Дыбовский, 1885; Стейнегер, 1885	Савич, 1893; Карта 1894; Стейнегер, 1898; Карта 1914	Морозевич, 1903; Суворов, 1912
б. Старая Гавань р. Старогаванская	конец XVIII: старая гавань 1852: Старая Гавань	1882: Старая Гавань летнее селение и огороды р. Старо-гаванская	D-1885: b. Staraja gawań r. Starogawanskaja *якорная стоянка*[1] S-1885: Staraja Gavan	1893: Старая Гавань 1894: Старая Гавань 1898: Staraja Gavan 1914: Старая Гавань	1903: z. Stary Port 1912: Старая Гавань селение р. Старогаванская
м. Старогаванский	–	–	–	1894: м. Старогаванский	–
б. Прямая р. Прямая Дорога	–	–	D-1885: m. Prjamoj	–	–
б. Гольцовка р. Шайбовская	–	–	D-1885: b. Golcowkina	–	–
р. Товарищеская Шайба	–	–	D-1885: b. Szajbina	–	1903: z. Balszaja 1912: б. Шайба Старогаванская
р. Конец Ухожа южнее – б. Большая Буяновская	–	–	D-1885: b. Bolszaja czetwiortaja	–	–
б. Сосновая р. Мякишевская	–	–	D-1885: b. Listwiennicznaja	–	–
б. Буян р. Буян	–	1882: признаки золота	D-1885: b. Miaśnikowskaja S-1885: Bujan	1898: Buyan	1903: z. Bujan 1912: м. Буян р. Буян
б. Старая Одиночка	–	–	D-1885: b. Bojanowskaja (Bajanowskaja)	–	–

б. Мякишевская	–	–	–	–	–
м. Буян / Буяновский риф	–	1882: м. Буян	D-1885: Bojanowskij (Bajanowskij) ryf S-1885: Bujan-Riff	1893: м. Буян 1894: м. Буян 1898: Buyan Reef 1914: м. Буян	1912: Буянский риф
б. Кислая	–	–	–	–	–
б. Никитинская Шайба р. Никитинская	–	–	D-1885: b. Szajbina r. Szajbina	–	1903: z. Bielanka напротив – сопка Toptá-to[2] 1912: б. Шайба Никитинская
б. Сосновая	–	–	D-1885: b. Listwiennicznaja wtoraja	–	–
б. Белянка	–	–	–	1898: Bielanka	1912: б. Белянка
б. Старая Сластная р. Сластная	–	–	D-1885: b. Słasznaja (Słastnaja)	1898: b. Slastnaya	1903: z. Słastnaja 1912: б. Сластная р. Сластная
м. Пасенюк	–	1882: м. Сластной (название введено Гребницким)	D-1885: Słastnyj mys	–	1912: м. Водопадный
б. Водопадная	–	–	D-1885: wodospad Igidhuch	–	–

[1] Объекты, обозначенные на картах символами, выделены курсивом.

[2] Морозевич дает перевод «Толстая гора» (Morozewicz, 1925. S. 7).

Современное название	Ранние топонимы XVIII – первой половины XIX в.	Гребницкий, 1882	Дыбовский, 1885; Стейнегер, 1885	Савич, 1893; Карта 1894; Стейнегер, 1898; Карта 1914	Морозевич, 1903; Суворов, 1912
б. Старцевская Шайба	–	–	D-1885: b. Szapina połowinnaja	1898: Shaibin	1912: б. Шайба Старцевская южнее – м. Нерпичий
б. Усовая	1742 (Стеллер): Усы	–	D-1885: b. Ussowskaja	1898: b. Ussovaya	1903: z. Usowaja 1912: б. Усовая
б. без названия	–	–	D-1885: b. Połowinnaja (Paławinnaja)	–	–
м. Половинный	–	1882: м. Половинный	D-1885: m. Połowinnyj	–	–
б. Половина р. Половина	1742 (Стеллер): Лесная (?)	–	D-1885: b. Boiszaja piataja 1883: r. Lyesnaya[1] S-1885: Polovino	1894: Половина (место крушения Беринга в 1741 г.) 1898: Polavino 1914: б. Половина	1903: z. Połowina 1912: б. Половина р. Половина
б. Уюм р. Уюм	–	–	D-1885: b. Boiszaja piataja	–	–
б. Большая	–	–	D-1885: b. Boiszaja piataja	1894: м. Половинный	–
б. Судовая	–	–	–	–	–
б. Командор р. Командор	XVIII: б. Беринга б. Командора Берингов Крест 1852: м. Берин<га>	1882: памятник Берингу	D-1885: b. Komandorskaja r. Kamandorskąja (в устье реки стоит крест над могилой Беринга) S-1885: Komandor	1893: Место крушения Беринга в 1741 г. 1894: могила Беринга 1898: Komandor Bering's Grave 1914: Могила Беринга	1903: z. Komandorska 1912: б. Командор р. Командор Могила Беринга

м. Командор	–	1882: м. Командор Место крушения Беринга	D-1885: Mys Komandorskij	1894: м. Командорский 1914: м. Командор	1912: м. Командор
м. Развальный	–	–	–	–	–
б. Непропусковая р. Кислая Капуста[2]	–	–	D-1885: b. Nierpicznaja S-1885: b. Tshigatschi-ganakh	1898: Tchigatchiganakh	1903: z. Czingá-czinganáh
м. Толстый	1852: м. Толстой / Хитрова	1882: м. Толстой	D-1885: m. Tołstoj S-1885: m. Tolstoj Mys	1893: м. Толстый 1894: м. Толстый / Хитрово 1898: m. Tolstoj Mys	1912: м. Толстый
б. Толстый Мыс	–	–	? D-1885: b. Pieregrobnaja	–	–
м. Кондерок[3]	–	–	–	–	–
б. Передовая р. Передовая	–	1882: б. Перегребная (название введено Гребницким)	? D-1885: b. Odinaczkina	1893: б. Перегребная 1894: б. Перегребная 1914: б. Перегребная	1903: z. Tuchminowska (Тухминовская) 1912: б. Перегребная
м. Живот	–	–	–	–	–
Пристань Байдарная	–	–	S-1885: Nepropusk	1898: Nepropusk	–

[1] Стейнегер привел это название на основании интерпретации дневниковых записей Стеллера. Ни в одной из публикаций эта полевая запись не фигурирует.

[2] Жители острова называют бухту Кислой.

[3] Названия Кондерок и Живот при нанесении на современные карты были явно перепутаны местами: получилось, что мыс Кондерок имеет округлую форму, а Живот – навес в виде козырька.

Современное название	Ранние топонимы XVIII – первой половины XIX в.	Гребницкий, 1882	Дыбовский, 1885; Стейнегер, 1885	Савич, 1893; Карта 1894; Стейнегер, 1898; Карта 1914	Морозевич, 1903; Суворов, 1912
м. Перегребный	–	–	S-1885: m. Peregrobnij Mys	1894: м. Перегребной 1898: m. Peregrobnoi / Cape Khitrof 1914: м. Перегребной	–
б. Перегребная	1852: б. Дровяная	–	D-1885: b. Pierdunskaja	1898: b. Peregrobnaya	1903: z. Peregrebnaja
б. Маятник р. Маятниковая	–	–	D-1885: b. Majatnikowskaja S-1885: Majatnik	1894: Маятник 1898: Mayatnik 1914: Маятник	1903: z. Majatnik 1912: б. Маятник
б. Озерная р. Озерная	–	–	D-1885: b. Oziernaja S-1885: Hanna-eta	1898: Hanna-Eta	1903: z. Hanna-Eta
б. Мальцевская	–	–	–	–	–
б. Казарма	–	–	D-1885: b. Piescowa (Piescowa kazarmiennaja)	1894: б. Казарма	1903: Koszary (барак)
б. Говорушечья	–	–	D-1885: b. Goworuszkina (Gawaruszkina) S-1885: b. Gavaruschetschija	1894: б. Говорушечья 1898: b. Gavaruschetschia 1914: б. Говорушечья	1903: z. Gawaruszeczja 1912: б. Говорушечья
м. Непропуск	–	–	S-1885: Nepropusk	1894: Непропуск / Непроходим<ый> утес 1898: Nepropusk 1914: Непропуск	1912: м. Непропуск
б. Эканах	–	–	D-1885: b. Likandrina	1894: Никандрина 1898: Nikandrina 1914: Никандрина	1903: напротив – g. Nikandrina 1912: б. Никандрина

б. Ликандровская	–	–	D-1885: b. Staroriecznaja	1898: Ikanakh	–
м. Элина	–	–	–	–	–
б. Баня	–	–	D-1885: b. Bania	–	–
м. Монати	1742: Кап Манати 1852: SO Край / Кап Манати	1882: м. Манати Лежбище сивучей и нерп	D-1885: m. Cap Manati / Tanam-ang-ta Лежбище сивучей и нерп S-1885: C. Manati	1893: м. Монати 1894: м. Монати 1898: m. Stotchnoi Mys / Cape Manati 1914: Монати	1903: pr. Manati 1912: м. Манати
б. Водяная	–	1882: лежбище сивучей и нерп	–	–	–
м. Сивучий Непропуск	–	1882: лежбище сивучей и нерп	D-1885: лежбище сивучей и нерп S-1885: Sivutshi Stolp	–	–
б. Элина	–	–	–	–	–
м. Островной Столб м. Арий Непропуск	1852: столбы	–	D-1885: Ungiech Kamień (прибрежная скала)	–	–
б. Шипицинская	–	–	D-1885: b. Szypicynskaja S-1885: b. Schipitsina	1894: б. Шепитанская 1898: Shipitsina	1903: z. Szypicyna 1912: б. Шипичинская
б. Собачий Столб	–	–	D-1885: бывшее бобровое лежбище S-1885: Pinnacle	1894: м. Шепитанский 1914: м. Шепитанский	–
б. Вороничья	–	–	D-1885: бывшее бобровое лежбище	–	–

Современное название	Ранние топонимы XVIII – первой половины XIX в.	Гребницкий, 1882	Дыбовский, 1885; Стейнегер, 1885	Савич, 1893; Карта 1894; Стейнегер, 1898; Карта 1914	Морозевич, 1903; Суворов, 1912
м. Птичий Остров / Шепитанский	–	–	D-1885: бывшее бобровое лежбище	–	–
б. Бобровая р. Бобровая озера Бобровые	–	1882: бывшее бобровое лежбище	D-1885: b. Bobrowaja S-1885: b. Bobrovaja	1898: b. Bobrovaya 1914: б. Бобровая	1903: Bobrowa 1912: б. Бобровая
м. Бобровый Непропуск	–	–	–	1894: м. Бобровый	–
б. Нерпичья Телящаяся	–	–	–	1894: м. Бобровый 1898: Stolbi	–
м. Большой Непропуск	–	–	–	1894: м. Бобровый	–
б. Серебрянникова р. Серебрянникова оз. Серебрянникова южнее – м. Серебрянникова	–	1882: б. Бобровая	D-1885: b. Sierebrjannikowa	1898: Serebrenikova	1903: z. Serebrjanikowa
б. Лисинская оз. Лисинское	1750-е: б. Басова (совершенно иная береговая линия: вместо бухты мысок)	1882: вместо бухты обозначен мысок	D-1885: j. Piereszejecznoje севернее – b. Lisowskowaja (Lisonkowaja) 1883: Yushin's Valley S-1885: b. Lissonkovaja	1893: б. Лисинская 1894: б. Лисинская 1898: b. Lissonkovaya 1914: Лисинская	1903: z. Lisonkowa 1912: б. Лисенкова 1943: ухож Лисёнкова
б. Голодная южнее – м. Бовожан / Голодный	–	–	D-1885: b. Gołodnaja	1893: б. Серебрянникова 1894: б. Серебрянникова 1898: b. Golodnaya	1903: z. Głodna рядом – g. Komandorska 1912: б. Голодная

б. Перешеек р. Перешеек оз. Перешейковское	1852: м. Перешеячной	–	D-1885: b. Piesczczannaja	1898: Peresheyek (впервые изображено озеро)	–
м. Островной б. Яковский Стрелок	1852: Столбья	–	D-1885: m. Piesczannyj S-1885: Pereschejek	1894: Перешеек Островной 1898: Ostrovnoi Mys	1903: pr. Ostrownoj 1912: м. Островной Перешеек
б. Изюговая	–	–	–	–	–
м. Диковский Непропуск севернее – б. Дикая севернее – м. Дикий	–	–	D-1885: b. Dikaja S-1885: b Dikaja	1898: b. Dikaya 1894: м. Кратерный	1903: z. Dzika рядом – g. Dzika 1912: б. Дикая
б. Чакаулахтах р. Чакаулахтах (стекает с г. Стеллера)	–	–	–	–	–
б. Каюльская р. Каюльская (стекает с г. Стеллера)	–	–	–	–	–
м. Кратерный / Самоварный	–	–	–	1894: м. Кратерный	–
б. Гладковская р. Гладковская западнее – м. Подъемный	–	–	D-1885: b. Gładkowskaja r. Pieregonnaja[1] S-1885: b. Gladkovskaja рядом – Mount Steller	1893: б. Гладковская 1894: б. Гладковская 1898: b. Gladkovskaya рядом – m. Steller	1903: z. Gładkowska рядом – g. Stellera 1912: б. Гладковская

[1] На карте Дыбовского р. Перегонная нанесена южнее своего реального положения; описание в тексте не совпадает с обозначениями на карте.

Современное название	Ранние топонимы XVIII – первой половины XIX в.	Гребницкий, 1882	Дыбовский, 1885; Стейнегер, 1885	Савич, 1893; Карта 1894; Стейнегер, 1898; Карта 1914	Морозевич, 1903; Суворов, 1912
б. Казарма	–	1882: Гладковское лежбище	S-1885: Kazarma	–	–
м. Казарменный севернее – м. Казарма	1852: м. Лежбища	1882: Гладковское лежбище	S-1885: Kazarma	1894: м. Казарменный 1898: Kazarma	1903: pr. Koszary (барак) 1912: м. Казарменный
б. Орловая м. Орловый	–	1882: Гладковское лежбище	D-1885: b. Kazarmiennaja	1898: Kazarma	–
б. Старая Одиночка р. Водопадная	–	1882: Полуденное лежбище	D-1885: b. Staraja odinaczkina r. Loźbiszcznaja (b. Połudionnaja) S-1885: Padun (водопад на р. Лежбищной)	1894: Водопад 1898: South rookery	1903: Wodospad ujściowy (водопад в устье) 1912: р. Водопадская Бывшее полуденное лежбище
б. Наюшка западнее – р. Перегонная	–	1882: Полуденное лежбище	D-1885: r. Peregonnaja (b. Połudionnaja) S-1885: Steller's Triumphbogen	1893: Полуденное лежбище 1898: South rookery	1903: r. Południowa g. Srodkowa 1912: р. Перегонная Бывшее полуденное лежбище
б. Лобазовская	–	1882: Полуденное лежбище	D-1885: b. Połudionnaja	1893: Полуденное лежбище	–
м. Ревизор б. Ревизор	–	–	D-1885: b. Połudionnaja	1898: m. Poludionni Mys	1912: м. Полуденный
м. Полуденный севернее – б. Полуденная и р. Полуденная	–	–	D-1885: b. Połudionnaja S-1885: Poludjonnij	1894: м. Полуденный	1903: pr. Południowy (южный) 1912: р. Полуденная

м. Сковорода р. Сковородная	–	–	D-1885: m. Skowrodkin	1894: м. Тавалзаннин	–
б. Непропусковая севернее – б. Прибойная	–	–	–	–	–
м. Черный	–	1882: м. Подутесный	–	1893: м. Подутесный	1912: м. Черный
б. Подутесная р. Подутесная	–	–	D-1885: b. Podutiosnaja S-1885: r. Podutjosnaja	1898: r. Podutiosnaya	1903: напротив – gory Dybowskiego 1912: б. Подутесная
б. Таблажанка р. Таблажанка	–	–	D-1885: b. Tawałżankina	1898: Tavalazhanka	1912: Таблазанка
м. Стрельниковский	–	–	–	–	–
б. Ореховская севернее – м. Ореховский р. Угрюмовская Падь	–	–	D-1885: b. Oriéchowaja	1894: м. Ореховский 1914: м. Ореховский	1912: м. Ореховский
м. Тонкий	–	1882: м. Тонкий	D-1885: m. Tonkij zapadnyj S-1885: m. Tonkij Mys	1894: м. Тонкий 1898: m. Tonkoi Mys	1903: pr. Tonkoj 1912: м. Тонкий
б. Сухая	–	–	–	–	–
б. Кислая р. Кислая севернее – б. Нерпичья	–	–	D-1885: b. Kisłaja	–	1912: б. Кислая

Современное название	Ранние топонимы XVIII – первой половины XIX в.	Гребницкий, 1882	Дыбовский, 1885; Стейнегер, 1885	Савич, 1893; Карта 1894; Стейнегер, 1898; Карта 1914	Морозевич, 1903; Суворов, 1912
м. Нерпичий	–	–	S-1885: m. Kitovoi Mys	1898: m. Kitovoi Mys	1903: pr. Kitowoj
б. Китовая 2-я р. Китовая	–	–	D-1885: b. Kitowaja	–	–
б. Федоскина р. Федоскина р. Снегиревская (ручей, приток р. Федоскина)	–	1882: огород (со стороны р. Снегиревской)	D-1885: r. Ogorodnaja S-1885: Fedoskija Dorf (селище, со стороны р. Снегиревской)	1893: с. Федоскино 1898: Fedoskia 1914: б. Федоскина	1903: Fedoskja 1912: б. Федоскина р. Федоскина
р. Евдокимовская	–	–	–	–	–
м. Федоскина / Судовый р. Судовая	–	1882: м. Федоскин	D-1885: m. Fiodiuszkin	1894: м. Федосья	–
р. Тигильская	–	–	–	–	–
р. Трифоновская	–	–	–	–	–
р. Песчанка	–	–	D-1885: b. Piesczanaja połudionnaja (южная)	–	1912: р. Песчаная
р. Каменка	–	1882: р. Каменная	D-1885: b. Kamieńskaja r. Kamieńskaja S-1885: r. Kamennij Pad	1898: r. Kamennaya	1903: r. Kamienna 1912: б. Каменная р. Каменная
кекур Орлов Камень	–	–	D-1885: Orłowyj Kamień	–	–
Входной Риф	1852: м. Риф	–	D-1885: Ryf S-1885: Riff	1894: Входный риф 1896: м. Входный Риф 1914: Входный риф	1912: Риф

Никольский рейд село Никольское	1745–1751: Гавань Басова 1750-е: Гавань Низовцева 1773: р. Гаванская 1827: Гавань	1882: Гавань с. Гребницкое / Никольское	D-1885: b. Gawańskaja / Ńowaja Gawań Gawańskaja dierewnia S-1885: Gavan	1893: с. Никольское 1894: Никольский рейд с. Никольское 1898: Nikolski 1914: с. Никольское	1903: z. Sw. Maurycego o. Nikolskoje 1912: с. Никольское
р. Гаванская оз. Гаванское р. Запорная (приток р. Гаванской)	1852: Лагун	–	D-1885: j. Gawańskije 1883: r. Ozernaya	1894: р. Гаванская 1896: р. Гаванская	1903: r. Jeziorna j. Gawanckije 1912: р. Гаванская
Столовые горы[1]	–	–	D-1885: Stołowe / Bajdari 1883: обозначены, но не подписаны	1894: Две столовыя горы 1896: Большая и Малая Столовые горы 1897: Северные Лодки 1914: Столовыя	1903: Bajdarki / Łódki 1912: Столовыя горы / Лодки
Свинные горы	–	–	1883: обозначены, но не подписаны	1897: Сараныя Лодки 1914: Столовыя	1912: Свиныя горы
сопка Наковальня	–	–	–	–	1903: Kowadło
сопка Малая Наковальня (устн.)	–	–	–	–	1903: Gawnuszka

[1] В таблице приведены не все названия гор и сопок, поскольку сопоставление объектов подобного рода на старых и современных картах затруднительно. Не вошедшую в таблицу информацию можно найти в тексте.

Современное название	Ранние топонимы XVIII – первой половины XIX в.	Гребницкий, 1882	Дыбовский, 1885; Стейнегер, 1885	Савич, 1893; Карта 1894; Стейнегер, 1898; Карта 1914	Морозевич, 1903; Суворов, 1912
р. Лодыгинская[1] оз. Лодыгинское оз. Шангина оз. Воротное	–	1882: р. Ладыгинская	D-1885: b. Ładygińskaja r. Ładygińskaja j. Czernycha j. Marfy / Marfinoje oziero[2]	1896: р. Ладыгинская 1898: r. Ladiginski	1903: r. Ładygińska (река и озера) 1912: р. Ладыгинская
б. без названия	–	–	D-1885: b. Zapadnaja	–	–
м. Гаупта / Китовый	–	–	S-1885: m. Kitovij Mys	1896: м. Гаупта	1912: м. Ворота
б. Китовая оз. Китовое	–	1882: б. Китовая	D-1885: b. Nazanymała / Nizang	1896: б. Китовая 1898: b. Kitovaya	1903: z. Kitowa 1912: б. Китовая
м. Забияка / Китовый Непропуск	–	–	D-1885: b. Chechsaga (мыс подписан как бухта) S-1885: m. Nepropusk	1896: м. Забияка 1898: m. Nepropusk 1914: м. Забияка	1903: Niepropusk 1912: м. Непропуск
б. Николка	–	–	D-1885: b. Piesczanaja pierwaja	–	1912: б. Николкина
б. Дровенская 1-я западнее – Дровенская 2-я	–	–	D-1885: b. Kripiczewskaja (Krypiczeskaja) западнее – b. Dubowaja	–	1912: б. Дровяная
б. Сивучья	–	–	–	–	1912: б. Сивучья
б. Западная западнее – м. Западный	–	–	D-1885: b. Miakiszewskaja zapadnaja	–	–
б. Казак	–	–	D-1885: b. Czornaja	–	–
б. Мелкая Чебаха	–	–	D-1885: b. Dierbieńskaja	–	–

б. Южная	–	–	D-1885: b. Piesczanaja wtoraja	–	–
м. Северо-Западный	1852: NW Мыс / Низменной	1882: м. Северо-Западный	D-1885: m. Kostak / Siewierozapadnyj / Nordwestcap S-1885: m. Zapadnij Mys	1893: м. Северо-Западный 1894: м. Северозападный 1896: м. Северозападный 1898: m. Zapadni Mys 1914: м. Северозападный	1903: pr. Zachodni 1912: м. Северо-Западный
б. Песчаная	–	–	D-1885: b. Kostak S-1885: m. Pestschanij Mys	1898: m. Pestshani Mys	1903: pr. Piaszczysty
б. Кирпичная[3]	–	–	–	–	–
б. Дубовая	–	–	–	1898: b. Dubovaya	–
б. Мякишевская	–	–	–	–	–
б. Угольная	–	–	–	–	–
м. Ухо Дербенское б. Дербен	–	–	–	1898: b. Derben	1903: z. Dęrbowa

[1] На современных картах написание топонимов искажено. Объекты всегда назывались Ладыгинскими.

[2] На картах XIX в. озера Шангинское и Воротное изображены как одно озеро с узкой перемычкой — «воротами». Сейчас это два самостоятельных озера, соединенные протокой.

[3] Мыс Кирпичный (устн.), расположенный ближе к бухте Песчаной, в народе называют Наполеоном за характерные очертания (ПМА: А.А. Генералов, 25.06.2018).

Современное название	Ранние топонимы XVIII – первой половины XIX в.	Гребницкий, 1882	Дыбовский, 1885; Стейнегер, 1885	Савич, 1893; Карта 1894; Стейнегер, 1898; Карта 1914	Морозевич, 1903; Суворов, 1912
м. Ухо Петровское восточнее – м. Петровский	–	–	–	–	–
б. Железная	–	–	–	1898: b. Zheleznaya	1903: z. Żelazna
б. Водяная	–	–	–	–	–
б. Удунух	–	–	–	–	–
б. Костяковская р. Песчанка р. Костяковская	–	1882: р. Китовая Северное лежбище морских котиков	D-1885: b. Piesczanaja tretiaja	–	–
б. Медвежья р. Медвежья	–	1882: Северное лежбище морских котиков	–	–	–
б. Фонтанка р. Фонтанка	–	1882: р. Фонтанка Северное лежбище морских котиков	D-1885: b. Fontałka r. Fontałka	1898: Fontanka	1903: z. Fontanka 1912: Фонтанка
б. Морошник р. Морошник	–	1882: Северное лежбище морских котиков	D-1885: b. Moroszecznaja	1898: Kisikof рядом – Maroshnik	–
р. Гольцовка	–	1882: Северное лежбище морских котиков	D-1885: b. Tiżykowskaja[1]	–	1912: м. Ближний
р. Кишечная	–	1882: Северное лежбище морских котиков	D-1885: b. Kiszocznaja	1898: m. Blizhni рядом – Kishotchnaya	–

м. Юшина Камень Сивучий	1827: м. Тонкий 1848: м. Юшин 1852: м. Юшин / N	1882: м. Юшин Северное лежбище морских котиков	D-1885: m. Lożbiszcznyj / Juszyna S-1885: m. Severnij Mys Dorf (селище)	1893: м. Юшин 1894: м. Юшин 1898: North rookery / Cape Yushin Babin[2] Malisiutchi Kamen Sivutchi Kamen Nerpitchi Kamen Orlof Kamen Zhelty Kamni Company's house 1914: м. Юшин	1903: m. Północny (Северный) лежбище котиков 1912: м. Юшина Северное лежбище Сел. Северное Сивучий Камень Бабин Камень
р. Малый Ракушечник	–	1882: б. Ракушечник летнее селение Северное лежбище морских котиков	D-1885: b. Maleńkaja Rakuszecznaja	–	–
р. Большой Ракушечник	–	1882: б. Ракушечник Северное лежбище морских котиков	D-1885: b. Bolszaja Rakuszecznaja	–	–
б. Яновская	–	1882: Северное лежбище морских котиков	D-1885: b. Jakowskaja	–	–
б. Емельяновская рядом – Камень Надводный / Емельяновский	1852: Камень Подводной	–	D-1885: b. Emiljanowskaja S-1885: m. Emilianovskij напротив – K. Emilianovskij	1894: Камень Подводный 1898: Emilianovski Kamen	–

[1] Тизиковская: участок, расположен южнее р. Гольцовки, немного не доходя до Морошечника. Топоним также указан у Волошинова (Волошинов, 1887. С. 285), но с несколько иным произношением: Тезиковский. Сегодня участок называют Тизиково.

[2] Современное название участка – Прогонный. Топоним Бабин Камень забыт (Волошинов называл участок Бабынским).

Современное название	Ранние топонимы XVIII – первой половины XIX в.	Гребницкий, 1882	Дыбовский, 1885; Стейнегер, 1885	Савич, 1893; Карта 1894; Стейнегер, 1898; Карта 1914	Морозевич, 1903; Суворов, 1912
р. Конец Ухожа	–	–	–	–	–
б. Большая	–	–	D-1885: b. Bolszaja	–	–
б. Угольная	–	–	D-1885: b. Ugłowaja / Ugłowskaja / Utki-uda	–	–
б. Песчаная	–	–	D-1885: b. Piesczannaja	–	–
б. Каменушечья	–	–	D-1885: b. Kamienuszkina	–	–
б. Каюрочная	–	–	D-1885: b. Kajurskaja	–	–
б. Саранная р. Саранная оз. Саранное	1852: оз. Федоски 1759: р. Каменная[1]	1882: б. Саранная оз. Саранное летнее селение	D-1885: b. Sarannaja r. Sarannaja j. Sarannoje S-1885: Saranna Saranskoje Osero Dorf (селище)	1893: б. Саранная оз. Саранное 1894: оз. Федосьи 1898: Saranna Saranna Lake 1914: б. Саранная оз. Саранное	1903: r. Saranna j. Saranna 1912: оз. Саранное с. Саранное
б. Засаранова	–	–	–	–	–
б. Петровская	–	–	D-1885: b. Pietruszkina	–	1912: б. Орловая
б. Уриловая восточнее – м. Уриловый	–	–	D-1885: b. Uryljewa / Killitakach[2]	1898: m. Urili Mys	1912: б. Орловая
б. Большая	–	–	D-1885: b. Bolszaja wtoraja	–	1912: б. Орловая
м. Старая Одиночка восточнее – б. Старая Одиночка	–	–	D-1885: b. Staraja odinoczkina	–	1912: б. Орловая

Островки					
о. Арий Камень	1827: Сивучей камень / о. Новый 1848: о. Сивучий 1852: Камень Арий	1882: о. Сивучий / Арий Камень (лежбище сивучей)	D-1885: w. Arij Kamień (лежбище сивучей) S-1885: Arij K.	1893: Арий Камень 1894: о. Сивучий / Арий Камень 1896: Арий камень / Сивучий 1898: Ari kamen 1914: Арий камень	1903: Kamień Ar 1912: о. Арий Камень
Камень Половинчатый / Половинка / Алитана (устн.)	1848: подводный камень 1852: к. Половинн<ый>	1882: отмечен без названия	D-1885: отмечен без названия S-1885: отмечен без названия	1894: о. Половинчатый 1896: Камень Половинчатый 1898: Polavino Rk. 1914: к. Половинчатый	1912: Половинный риф
о. Топорков	1848: о. Топорков 1852: о. Топорков	1882: о. Топорков	D-1885: w. Toporkowa S-1885: Toporkof	1893: Топорков камень 1894: о. Топорков 1896: о. Топорков 1898: I. Toporkof 1914: о. Топорков	1903: w. Toporków 1912: о. Топорков
Остров Медный					
камни Бобровые	1852: Медновские Утесы	1882: Бобровый Камень	D-1885: Bobrowyj Kamień / Korabł	1894: Бобровый Камень 1898: Bobrovi Kamen 1914: Бобровые камни	1903: Bobrowe Kamienie / Huba-luhin 1912: Бобровые Камни

[1] Топоним упомянут в «Сказке тотемского купца Степана Черепанова...» (Русские открытия в Тихом океане..., 1948)

[2] Дыбовский приводит транскрипцию слова *qilitaqaχ* (баклан), оно бытовало на Ближних и Андреяновских Алеутских островах.

Современное название	Ранние топонимы XVIII – первой половины XIX в.	Гребницкий, 1882	Дыбовский, 1885; Стейнегер, 1885	Савич, 1893; Карта 1894; Стейнегер, 1898; Карта 1914	Морозевич, 1903; Суворов, 1912
м. Сулковского	1852: NW Конец	1882: м. Северо-Западный	D-1885: m. Siewero-zapadnyj	1893: м. Северо-Западный 1894: с. Северозападный / Сулковскаго 1898: NW Cape 1914: м. Сулковскаго	1903: pr. Północno-Zachodni 1912: Северозападная оконечность
м. Свистуловый	–	–	–	–	1903*: Свистовой
м. Промежуточный / Печка	–	–	D-1885: m. Promieżu-tocznyj	1893: м. Промежуточный 1894: м. Промежуточный 1898: m. Petshka	1903: pr. Pieczka 1912: м. Печка
б. Дальнее Песочное Место южнее – м. Скальный южнее – б. Дальнее Песочное Место рядом – г. Стейнегера	–	–	–	–	1903: pr. Haczu-lach (читается как Хач'ул'ах) западнее – sopka Ostatni южнее – góra Stejnegera 1903*: м. Гачулах[1]
м. Матвея южнее – б. Матвеевская	–	1882: м. Матвеевский / Бобровый караул	D-1885: m. Matwiejewskij / Bobrowyj karauł	1893: м. Матвеевский 1894: м. Матвея / Бобровый караул 1898: m. Matvieya 1914: м. Матвея	1903: pr. Macieja / Ugló-magéch 1903*: кекур Большой Столб 1912: м. Матвеевский
м. Цемушка южнее – б. Цемуховская	–	–	–	–	–

м. Глиненоса южнее – б. Кит без шкуры	–	–	–	–	–
м. Песчаный западнее – г. Воронья	–	1882: м. Песчаный	D-1885: m. Piésczanyj	1894: м. Песчаный 1898: m. Pestshani 1914: м. Песчаный	1903: pr. Piasczysty sopka Pierwsza 1912: м. Песчаный
б. Песчаная р. Песчаная оз. Песчаное	1758: б. Колесовская[2] р. Колесовка	1882: б. Песчаная *якорная стоянка*	D-1885: b. Piésczanaja pierwaja	1893: б. Песчаная 1894: б. Песчаная 1898: b. Pestshanaya	1903: z. Piasczysta (Piaskowa) 1912: б. Песчаная
гав. Преображенская р. Преображенка с. Преображенское (нежил.) западнее – г. Галечная	1747, 1758: б. Басовская р. Басовка 1747: б. Всевидова 1830: селение и р. Стикс 1852: Гавань	1882: с. Преображенское	D-1885: b. Gawańskaja w. Gawańskaja / Preobrażeńskaja D-1885: góra Krebsa	1893: с. Преображенское 1894: Гавань с. Преображенское 1898: Preobrazhenskoye *якорная стоянка* 1914: Гавань Преображенская	1903: osada Preobrażenskoje góra Krebsa 1912: Гавань с. Преображенское
м. Сакал / Саклов южнее – г. Гаванская	XVIII: Снежная Гора[3]	1882: г. Преображенская, наивысший пункт[4]	D-1885: góra Preobrażeńskaja	–	1903: pr. Saklewy sopka Portowa
м. Трофимовский	–	–	–	–	1903: pr. Krasny Trofimowski słup (столб)

---

1 Возможно, топоним произошел от алеутского *чачхух* — пояс.

2 На карте название расположено напротив бухты Цемуховской, но р. Колесовка впадает в совр. озеро Песчаное.

3 АРГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.

4 На самом деле одна из самых высоких вершин, но не самая высокая.

Современное название	Ранние топонимы XVIII – первой половины XIX в.	Гребницкий, 1882	Дыбовский, 1885; Стейнегер, 1885	Савич, 1893; Карта 1894; Стейнегер, 1898; Карта 1914	Морозевич, 1903; Суворов, 1912
руч. Благодатный (впадает в безымянную бухту)	–	–	–	–	1903: z. Sołdacka 1912: б. Солдатская
м. Сивучий Камень / Благодарный восточнее – б. Солдатская Восточная	–	–	–	–	–
о. Сивучий Камень Восточный	–	1882: о. Сивучий Камень	D-1885: o. Siwuczyj Kamień	1894: о. Сивучий камень 1898: Sivutchi Kamen 1914: Сивучий камень (знак)	1903: Kamień Ar рядом – Kamień Siwuczów 1912: Сивучий Камень
м. Сихтын Яры южнее – б. Стрельбовая	–	–	–	–	1903: pr. Gownowoj
м. Арий западнее – г. Аровая	–	? 1882: м. Жировой	? D-1885: m. Żyrowoj (Żyrawoj)	? 1893: м. Жировой ? 1894: м. Жировой	–
б. Жировая / Жировская оз. Жировое р. Быстрая по прав. борту – Пристань Байдарская	1758: б. Петровская р. Петровская	? 1882: б. Жировая, речка и озеро богаты красною рыбой	? D-1885: b. Żyrowaja (Żyrawaja)	? 1893: б. Жировая ? 1894: б. Жировая 1898: b. Zhirovaya 1914: б. Жировая	1903: z. Żirowaja 1912: б. Жировая
м. Жировой юго-западнее – г. Жировская	–	?	?	1898: m. Zhirovoi 1914: м. Жировой	1903: m. Żirowoj 1912: м. Жировой

Камень Ваксмута южнее – м. Водопад	–	?	?	?	–
б. Гладковская оз. Гладковское р. Озерная	1758: б. Рыбная р. Рыбна	?	?	1898: b. Gladkovskaya 1914: б. Гладковская Камень Гладковский	1903: z. Gładkowska 1912: б. Гладковская
м. Гладкий	–	1882: м. Гладковский[1]	D-1885: m. Gładkowskij	1894: м. Гладкий 1898: Gladkovski Kamen	1903: Gładkowski kamień 1912: Гладковский Камень
б. Тополевская р. Тополевка южнее – Собачья Дыра (устн.)[2]	–	1882: залежки магнитного железняка	–	1894: *якорная стоянка* 1898: m. Labazofski (лев. борт б. Тополевской) m. Sabatchi (прав. борт б. Тополевской)	1912: Собачья Дыра
м. Поповский	–	–	–	1898: Popofshi[3]	–

[1] На картах 1882, 1885, 1893 и 1894 гг. бухта Гладковская отсутствует, а бухты Жировая и Гладковская объединены. Создается впечатление, что на официальных картах береговая линия была искажена умышленно. Бухты Гладковской нет и в описании Дыбовского.

[2] Плохо проходимое место, зимой много снега, южнее Собачьей Дыры начинается участок с крупными валунами (ПМА: Г.М. Яковлев, 16.03.2010, 10.03.2011).

[3] В 1890-х гг. сюда был перенесен соляной амбар. Прежде он располагался неподалеку от кекура Урилий Камень, но там берег был не слишком удобен для выгрузки соли и погрузки шкур (Stejneger, 1898. P. 61).

Современное название	Ранние топонимы XVIII – первой половины XIX в.	Гребницкий, 1882	Дыбовский, 1885; Стейнегер, 1885	Савич, 1893; Карта 1894; Стейнегер, 1898; Карта 1914	Морозевич, 1903; Суворов, 1912
б. Корабельная	? 1758: б. Песчаная р. Соснина	1882: летнее селение Корабельное *две якорные стоянки*	D-1885: b. Korabielnaja *якорная стоянка и селище*	1893: Корабельное летнее селение 1894: с. Летнее *якорная стоянка* 1898: vil. Karabelni *якорная стоянка* севернее – Urili Kamen 1914: б. Корабельная *якорная стоянка*	1903: osiedle Karabelnoja 1912: б. Корабельная
м. Корабельный на вост. стороне – б. Орловая южнее – г. Круглая	–	1882: м. Корабельный в бухте залежки магнитного железняка (южнее мыса)	D-1885: m. Korabielnyj (Karabélnyj)	1893: м. Корабельный 1894: м. Корабельный 1898: m. Karabelni 1914: м. Корабельный	1903: pr. Karabelny 1912: м. Корабельный
б. Водопад руч. Водопадный	–	–	–	1898: b. Pestshanaya	1912: б. Песчаная
б. Сосинская руч. Сосинский	–	–	–	1898: b. Pestshanaya	1912: б. Песчаная
б. Фомушкина руч. Фомушкин	–	–	–	1898: b. Pestshanaya	1903: z. Suszyna (Сушина)[1] 1912: б. Песчаная
б. Никольская	–	–	–	1898: b. Pestshanaya	1912: б. Песчаная
б. Ожидания	–	–	–	1898: b. Pestshanaya *якорная стоянка*	1912: б. Песчаная
б. Старая одиночка	–	–	–	1898: b. Pestshanaya	1912: б. Песчаная
б. Хлебная	–	–	–	–	1903: z. Chlebna

м. Черный	1852: м. Черной	1882: м. Черный *якорная стоянка* (близ северной стороны мыса)	D-1885: m. Czornyj	1893: м. Черный 1894: м. Черный 1898: m. Tchorni 1914: м. Черный	1903: m. Czarny 1912: м. Черный
б. Кухнинская	–	–	–	–	1912: Собачья Дыра
м. Глупышиные Столбы	–	–	–	1898: Glupisha Kamen	–
б. Байдарская южнее – б. Подъемная Восточная	–	1882: б. Песчаная	D-1885: b. Piesczanaja	1898: b. Pestshanaya	1912: б. Песчаная
м. Венидикт Упал южнее – Малые Бобровые Столбы	–	1882: б. Песчаная	D-1885: b. Piesczanaja	1893: б. Песчаная (сарай) 1898: b. Pestshanaya Pestshani Solthouse (прибл. в этом месте)	1903: Spichrs (spichlerz) solny (амбар соляной) 1912: б. Песчаная
мысок без названия, лев. борт б. Глинки	–	1882: б. Песчаная	D-1885: b. Piesczanaja	1898: Urili Kamen Glinka Reef	1903: pr. Glinka 1912: Нерпичий Камень
б. Глинка	? 1758: б. при Якутской юрте р. Якутская южнее – р. Дектерова напротив в море – Кекурник	1882: летнее селение Глинка *две якорные стоянки*	D-1885: b. Glinka *якорная стоянка и летнее селение* Glinka	1893: летнее селение Глинка 1894: б. Глинка С. Летнее Солян. магаз. *якорная стоянка* 1898: b. Glinka vil. Glinka *якорная стоянка* 1914: б. Глинка	1903: osiedle Glinka 1912: Сел. Глинка

[1] Очертания бухт неясные, вероятно, топоним включает и соседние бухточки. Скорее всего, он соответствует бухте Песчаной.

Современное название	Ранние топонимы XVIII – первой половины XIX в.	Гребницкий, 1882	Дыбовский, 1885; Стейнегер, 1885	Савич, 1893; Карта 1894; Стейнегер, 1898; Карта 1914	Морозевич, 1903; Суворов, 1912
м. Глинка / Дровенской	–	1882: м. Глинка	D-1885: m. Glinka	1894: м. Глинка 1898: m. Dravinskoi	1903: pr. Drzewny g. Drzewna (Деревянная) 1912: м. Дровенской
мысок без названия[1]	–	–	–	1898: Nepropusk	1903: Niepropusk 1912: Непропуск
б. Перешеек Островной	1758: Островской Перешеек	1882: предположенный караул	D-1885: Piereszejek (сужение острова за м. Глинка)	1898: Peresheyek	1903: Przesmyk 1912: Перешеек
м. Ивановский	–	–	–	–	–
м. Дровяные Столбы западнее – г. Сахарная Головка южнее – б. Большая	–	–	–	–	1903: Sacharnaja Gołowka (Główką Cukru)
м. Юго-Восточный	1852: м. SO Конец (с Сопкой)	1882: м. Юго-восточный летнее помещение промысловых шлюпок и сарай	D-1885: m. Jugowostocznyj	1894: м. Юговосточный 1898: SE Cape 1914: м. Юговосточный	1903: pr. Manati[2] / Południowo-Wschodni 1912: м. Юговосточный
м. Южный	–	1882: м. Южный вновь образующееся бобровое лежбище	D-1885: лежбище каланов	1893: м. Южный 1894: м. Южный 1914: м. Южный	–
б. Подъемная	–	1882: вновь образующееся бобровое лежбище	D-1885: лежбище каланов	–	–

м. Говорушечий севернее – б. Марьинская	–	–	–	–	–
м. Непропуск севернее – б. Секачинская	–	–	–	1894: б. Секачинская 1914: б. Секачинская[3]	–
м. Длинный севернее – г. Столовая	–	–	–	1898: m. Dlinni	1903: pr. Długi (Длинный) рядом – g. Piramidalna (Пирамидальная)
м. Каламак	–	–	–	1898: Kulomakh	–
б. Бабичевская	–	1882: б. Секачинская	D-1885: b. Siekaczyńskaja	1893: Бабий подъем[4] 1898: Babinskaya	–

[1] Местные жители называли этот участок мысом Пестряков (ПМА: Г.М. Яковлев, 14.01.2019). Впервые топоним зафиксирован на картосхеме, иллюстрирующей распространение калана в отчете С.В. Маракова за 1956 г. (ТИНРО, № 5407). Также он встречается в научных и иных публикациях (см., например: Мочалова, Якубов, 2004; Зименко, 2013). Пестряками на территории Русской Америки называли гагу; примечательно, что медновские алеуты подразумевали гагу тихоокеанскую *(Somateria mollisima v-nigrum)*, а беринговские — сибирскую *(Polysticta stelleri)*.

[2] Морозевич считал, что «Манати» переводится как «конец земли». Возможно, его убедили в этом местные жители.

[3] Название относится ко всему участку вплоть до мыса Палата. Вероятно, отсюда произошла путаница с Секачинскими бухтами на совр. картах.

[4] Легкий подъем, от него шла тропа к деревне Глинке — самая восточная из пяти троп, расходящихся к разным участкам обширного котикового лежбища.

Современное название	Ранние топонимы XVIII – первой половины XIX в.	Гребницкий, 1882	Дыбовский, 1885; Стейнегер, 1885	Савич, 1893; Карта 1894; Стейнегер, 1898; Карта 1914	Морозевич, 1903; Суворов, 1912
б. Секачинская Запалата[1] южнее – не обозначенные на карте: Запалата Столбы Секачинская Говорушечья	1758: б. Фролова	1882: б. Секачинская	D-1885: b. Siekaczyńskaja	1893: Секачинское лежбище 1898: b. Gavarushkaya севернее – b. Sikatchinskaya севернее – Stolbi севернее – b. Zapalata	1912: б. Секачинская
м. Палата	–	1882: м. Палата самое большое лежбище котиков	D-1885: m. Pałata	1893: Палата 1894: м. Палата 1898: Palata 1914: м. Палата	1903: pr. Pałata 1912: м. Палата
б. Собачья Дыра	–	1882: лежбище морских котов	–	1893: Собачья дыра 1898: Sabatcha Dira севернее – m. Zapani	1912: б. Поганая западное лежбище
м. Поганый (устн.) б. Бабичья (устн.)	–	1882: лежбище морских котов	–	1893: Полуденный подъем Поганое Западная Палата 1898: m. Pagani	–
б. Западная	–	1882: лежбище морских котов	–	1893: б. Песчаная 1898: m. Pestshani севернее – b. Pestshanaya севернее – Pestshanoye (мысок) севернее – Urili Kamen (мысок) севернее – Peresheyek (мысок)	1903: pr. Piasczysty 1912: б. Песчаная севернее – Урилий Камень лежбище котиков

б. Красная	–	1882: лежбище морских котов	–	1898: b. Lebiazhaya	–
м. Лебяжий	–	1882: лежбище морских котов	–	1893: м. Лебяжий 1898: m. Lebiazhi севернее – b. Gorelaya 1914: м. Лебяжий	1903: pr. Łabędzi 1912: м. Лебяжий
б. Лебяжья	–	1882: лежбище морских котов	–	1898: b. Gorelaya	1912: б. Горелая
м. Горелый	–	1882: лежбище морских котов	–	1898: Goreli Kamen	1903: pr. Zgorzały Kamień напротив – сопка Zgorzała (Горелая) 1912: б. Горелая
м. Скалистый рядом – г. Куропаткина	–	1882: лежбище морских котов	–	–	1912: б. Горелая
б. Малая Средняя м. Середочный	–	1882: лежбище морских котов	–	–	1912: б. Горелая
б. Середка	–	1882: лежбище морских котов	–	1898: Serodka западнее – b. Malinka Nepropusk Krepki Pad (Крепкий подъем)	1903: z. Środkowa 1912: б. Середка
м. Водопадский / Нерпичий Южный севернее – г. Шпиль	–	1882: лежбище морских котов	–	1898: m. Vodopadski западнее – сам водопад	1903: pr. Wodospadski южнее – gory Wodospadskie 1912: м. Водопадский

[1] На картах подписана как «Секачинская Зап.», что можно прочитать как «западная», но правильное название — Запалата.

Современное название	Ранние топонимы XVIII – первой половины XIX в.	Гребницкий, 1882	Дыбовский, 1885; Стейнегер, 1885	Савич, 1893; Карта 1894; Стейнегер, 1898; Карта 1914	Морозевич, 1903; Суворов, 1912
б. Стариковская	–	1882: лежбище морских котов	–	1898: b. Nerpitcha западнее – b. Dalnaya западнее – b. Staritchkovaya западнее – b. Bolhaya	1912: Нерпичий Камень лежбище котиков
кекур Корабельный Столб	–	1882: лежбище морских котов	–	1898: Karabelni Stolp 1914: Корабельный столб	1903: Słup Karabelny 1912: Корабельный Столб
м. Нерпичий	–	1882: лежбище морских котов	–	правый борт b. Martishina	–
б. Столбовая севернее – м. Косой Камень севернее – б. Маленькая северо-восточнее – г. Дорожная	1758: б. Песчаная р. Дикая / Снежная	1882: б. Корабельная лежбище морских котов	D-1885: b. Korabielnaja	1893: Столбы 1894: Корабельные камни 1898: b. Stolbovaya m. Shipitsinski	1903: pr. Szypicyńzki 1912: б. Шипичинская[1]
м. Игулак восточнее – г. Столбовая	–	–	–	–	–
б. Сенькина по прав. борту – м. Сенькинский	1758: б. Фроловская	–	–	1898: Senkina	1903: z. Senkina севернее – g. Senkina 1912: б. Сенькина
м. Маленькой Бухты б. Маленькая севернее – г. Сенькина	–	–	–	–	–

б. Солдатская Вторая по прав. борту – м. Солдатский	1758: Всевидовская гавань	–	–	1898: b. Vtoraya Soldatskaya	1903: z. Sołdacka 2 1912: б. Вторая Солдатская
б. Солдатская Первая руч. Узкий севернее – г. Узкая	–	–	–	1898: b. Pervaya Soldatskaya	1903: z. Sołdacka 1 1912: б. Первая Солдатская
м. Узкий	–	–	–	1898: Igitchishaynlakh	1903: pr. Igacziszajulach (Igaczu-Szajulach)
б. Полуденная	–	1882: *тропа от с. Преображенского до бухты*	–	–	1912: Против Гавани южнее – Подъем Погибший
б. Васильевская	–	1882: Столбы (? южнее Васильевской)	–	1898: b. Vasilievskaya	1903: z. Wasilewska 1912: б. Васильевская
м. Завасильевский севернее – б. Гавриловская	–	–	–	1893: м. Васильевский 1898: b. Gavrilskaya	1903: Gawrylska 1912: б. Гавриловская
б. Забобровая рядом – г. Бобровая	–	–	–	1898: Sabatcha Dira (севернее б. Забобровой)	1903: pr. Psiacziura (севернее б. Забобровой) 1903*: Собачья дыра
м. Непроходим / Непроходимый	–	–	–	1893: м. Гавриловский	–
б. Бобровая руч. Бобровый	–	1882: лежбище нерп	D-1885: лежбище каланов	1898: b. Bobrovaya	1903: z. Bobrowa 1912: б. Бобровая

[1] Непонятно, относится ли название к бухтам Столбовой, Маленькой или участку в целом.

Современное название	Ранние топонимы XVIII – первой половины XIX в.	Гребницкий, 1882	Дыбовский, 1885; Стейнегер, 1885	Савич, 1893; Карта 1894; Стейнегер, 1898; Карта 1914	Морозевич, 1903; Суворов, 1912
м. Сивучий	–	–	D-1885: лежбище каланов	–	–
о. Сивучий Камень	–	1882: Сивучий камень	D-1885: o. Siwuczyj kamień	1893: Сивучий Камень 1894: Сивучий Камень 1898: Sivutchi Kamen 1914: Сивучий камень	1903: Kamienie Siwuczówy 1912: Сивучий камень
б. Речная	–	1882: бобровое лежбище	D-1885: лежбище каланов	–	1903: z. Rzeczna
м. Красный	–	1882: бобровое лежбище	D-1885: лежбище каланов	1898: m. Krasni	1903*: м. Красный 1912: м. Красный
б. Нерпичья	–	1882: бобровое лежбище	D-1885: лежбище каланов	–	–
м. Котенок	–	–	D-1885: лежбище каланов	–	–

Условные обозначения:

1758 — Карта о. Медного из рапорта П. Яковлева (Спасский, 1822).

1827 — Плоская карта части о. Беринга сочинения Д.И. Завалишина (РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 200).

1830 — План гавани и бухты при о. Медном сочинения А.И. Ингестрома (РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 247).

1848 — Меркаторская карта Восточного океана 1848 г. (РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 10. Д. 92).

1852 — Карта Командорских островов из «Атласа» М.Д. Тебенькова (1852).

1882 — Карта И. Зандмана, исправленная Н.Н. Беклемишевым и дополненная Н.А. Гребницким (Сборник главнейших официальных документов… Т. 3. Вып. 2, 1882).

1883 — Ранняя рукописная версия карты о. Беринга Л. Стейнегера (SIA. Leonard Stejneger papers 1867–1943).

D-1885 — Карта Командорских островов Б. Дыбовского (Dybowski, 1885).

S-1885 — Карта о. Беринга Л. Стейнегера 1885 г. (Stejneger, Eine Umsegelung der Berings-Insel, 1885).

1893 — Карта Командорских островов из отчета К.И. Савича (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 262).

1894 — Карта Командорских островов по промерам крейсера «Забияка» и транспорта «Якут» (РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 7. Д. 1602).

1896 — Карта северо-западной части о. Беринга (РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 6. Д. 222).

1897 — Карта Командорских островов из сокращенного перевода статьи Стейнегера «The Russian Fur-Seal Islands» (1896), выполненного А.П. Герасимовым (1897).

1898 — Более поздние карты Командорских островов Л. Стейнегера 1898 г. (Stejneger, 1898). Карты идентичны приведенным в публикации 1896 г.

1914 — Карта Командорских островов, напечатанная в 1914 г., но составленная в 1898 г. по промерам крейсера «Забияка» (РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 7. Д. 1603).

1903 — Карта Командорских островов И. Морозевича (Morozewicz, 1925).

1903* — Карта-схема северной части о. Медного И. Морозевича (1912).

1912 — Карта Командорских островов Е.К. Суворова (1912).

1943 — Информация из газеты «Алеутская звезда» (Ладыгин, 1943).

Сокращения:

б. — бухта	м. — мыс	р. — река
г. — гора	оз. — озеро	руч. — ручей
к. — камень	пр. — приток	с. — село, в старых названиях — село/селение
лев. — левый	прав. — правый	сел. — селище

Курсивом выделены объекты, обозначенные на картах символами.

Список промысловых экспедиций на Командорские острова с 1743 по 1800 г.

Годы похода	Название и тип судна	Мореход	Места промыслов
1743–1744	шитик «Св. Петр»	Е. Санников	о. Беринга
1745–1746	шитик «Св. Петр»	Е. Санников	о. Беринга, о. Медный
1747–1748	шитик «Св. Петр»	Д. Наквасин	о. Медный
1747–1748	шитик «Св. Иоанн»	Е. Санников	о. Беринга, заходил на о. Медный
1747–1749	шитик «Св. Симеон и Анна»	И. Бутин	о. Медный
1748–1749	шитик «Св. Перкун и Занат»	И. Бахов	разбился у о. Беринга, вместо него выстроен шитик «Св. Капитон»; в 1749 г. «Св. Капитон» заходил на о. Медный
1749–1750	шитик «Св. Петр»	Д. Наквасин	о. Медный
1749–1750	шитик «Св. Борис и Глеб»	И. Бутин	о. Беринга, Ближние о-ва
1749–1752	шитик «Св. Иоанн»	Е. Санников	о. Беринга, Ближние о-ва
1750–1752	шитик «Св. Симеон и Анна»	А. Воробьев	разбился у о. Медный, вместо него отстроен шитик «Св. Иеремия»
1750–1754	бот «Св. Иоанн»	Г. Низовцев	о. Беринга, о. Медный (с 1751 г.)
1751–1752	шитик «Св. Борис и Глеб»	И. Бутин	? о. Беринга, Ближние о-ва
1752–1757	шитик «Св. Борис и Глеб»	Л. Басалаев, А. Дружинин	разбился у о. Беринга, вместо него выстроен шитик «Св. Авраам», который вывез часть экипажа с разбившегося гукора «Св. Петр»
1753–1755	шитик «Св. Иоанн»	Ф. Жуков	о. Беринга, о. Атту
1754–1755	шитик «Св. Капитон»	Д. Наквасин	о. Беринга, о. Медный, был направлен для исследований залежей меди
1754–1757	шитик «Св. Николай»	Р. Дурнев	о. Беринга; забрал людей с разбившегося шитика «Св. Борис и Глеб» и ушел на о-ва Атту и Агатту
1754–1758	гукор «Св. Петр»	М. Окошников	в 1755 г. разбился у о. Медного, в 1756-м команда на байдарах перешла на о. Беринга; в разные годы ушли на Камчатку на судах: «Св. Андреян и Наталия», «Св. Авраам», «Св. Капитон»
1756–1758	шитик «Св. Петр и Павел»	П. Башмаков (передовщик — П. Всевидов)	о. Беринга, в 1757 г. ушел на Андреяновские и Крысьи о-ва
1756–1759	бот «Св. Андреян и Наталия»	А. Толстых	о. Беринга, о-ва Атту и Агатту

Годы похода	Название и тип судна	Мореход	Места промыслов
1757–1761	шитик «Св. Капитон»	И. Студенцов	в 1758-м заходил на о. Беринга, принял на борт 2 человек с разбившегося гукора «Св. Петр»; разбился на Крысьих о-вах
1758–1762	бот «Св. Иулиан»	С. Глотов	в 1758 г. выброшен на берег на о. Медном, команда ходила на о. Беринга за железом[1] на якоря; в 1759 г. бот ушел на Лисьи о-ва
1758–1762	бот «Св. Николай»	Л. Наседкин	о. Беринга, в 1760 г. ушел на Ближние и Крысьи о-ва
1758–1763	бот «Св. Владимир»	С. Шевырин, Д. Панков	о. Беринга, Андреяновские и Крысьи о-ва
1759–1763	бот «Св. Иоанн Предтеча»	Р. Дурнев	о. Беринга, о. Атту
1760–1764	бот «Св. Андреян и Наталия»	А. Толстых	был выброшен на о. Беринга без сильных повреждений; в 1761 г. ушел на Ближние и Андреяновские о-ва
1761–1763	бот «Св. Иоанн»	Д. Медведев	о. Беринга, в 1763 г. ушел на о. Умнак; бот и вся команда уничтожены алеутами
1762–1764	«Св. Живоначальная Троица»	И. Коровин	о. Беринга, в 1763 г. ушло на о-ва Уналашка и Умнак; судно и бóльшая часть команды уничтожены алеутами
1762–1766	бот «Св. Андреян и Наталия»	С. Глотов	о. Медный, команда на байдаре вывозила с о. Беринга железо и конопать; в 1763 г. ушел на о. Кадьяк и Лисьи о-ва
1764–1766	бот «Св. Прокопий и Иоанн» («Св. Иоанн Устюжский»)	В. Шошин	о. Беринга, в 1765 г. ушел на Ближние и Лисьи о-ва
1764–1768	шитик «Св. Авраам»	В. Софьин	в 1766 г. отправился на о. Медный и там «коснулся земли», часть команды промышляла на о. Беринга; вместо старого отстроено судно «Св. Петр и Павел»
1765–1769	бот «Св. Владимир»	А. Сапожников	в 1766 г. вышел на о. Беринга; с 1767 г. промышлял на о. Атту
1767–1770	бот «Св. Петр и Павел»	И. Коровин	о. Медный, о. Беринга; в 1768 г. ушел на Андреяновские о-ва
1767–1772	бот «Св. Андреян и Наталия»	Л. Вторушин	о. Медный; команда вывозила с о. Беринга железо; в 1768 г. отправился на Лисьи о-ва (переселил с Медного на о. Умнак пару песцов)

[1] Под «железом» здесь и далее подразумевается материал, оставленный Второй Камчатской экспедицией на месте строительства гукора «Св. Петр» вместо разбившегося пакетбота.

Годы похода	Название и тип судна	Мореход	Места промыслов
1768–1772	бот «Св. Иоанн Предтеча»	В. Шошин	с 1769 по 1770 г. промышлял на о. Беринга
1768–1773	бот «Св. Николай»	С. Черепанов	о. Медный, в 1769 г. ушел на о. Атту, затем вернулся на Медный; в 1770 г. ушел на Андреяновские о-ва
1770–1774	бот «Св. Александр Невский»	Д. Панков	о. Беринга, в 1771 г. ушел на Андреяновские о-ва
1772–1776	бот «Св. Петр и Павел»	И. Коровин	о. Беринга, в 1773 г. ушел на Андреяновские о-ва
1772–1778	бот «Св. Михаил»	Д. Полутов	в 1773 г. отправился на о. Беринга, в 1774-м — на Лисьи о-ва, о. Кадьяк и Андреяновские о-ва
1772–1779	бот «Св. Владимир»	П.К. Зайков	в 1773 г. подошел к о. Медному, в 1774-м ушел на о-ва Атту, Унимак, Шумагинские о-ва и п-ов Аляску; в 1779 г. промышлял на о. Беринга; составил карту Алеутской гряды
1773–1779	бот «Св. Евпл»	Я. Сапожников	о. Беринга, в 1774 г. ушел на Лисьи о-ва
1774–1778	бот «Св. Прокопий»	Д. Бочаров	в 1775 г. пришел на Командорские о-ва
1776–1779	«Св. Апостол Павел» кампании Л. Алина и И. Онохова	Г. Третьяков	Командорские о-ва
1776–1781	бот «Св. Апостол Павел» кампании Ореховых и др.	Г. Измайлов	в 1777 г. подошел к о. Медному, в 1778-м ушел на Лисьи о-ва
1776–1781	бот «Св. Александр Невский»	Хомяков (утонул на о. Медном), А. Соснин	о. Медный, о. Беринга, в 1778 г. ушел на о. Амчитку; в 1780 г. на обратном пути был поврежден у о. Медного
1777–1781	«Св. Варфоломей и Варнава»	С. Корелин	Командорские[1] и Андреяновские (1778–1780) о-ва, на обратном пути судно зимовало на о. Медном (1780–1781)
1777–1781	«Св. Изосим и Савватий»	И. Должантов	в 1778 г. судно вышло на Андреяновские о-ва, а затем со взятыми оттуда 30 алеутами пришло на о. Медный[2]

[1] Команда имела указание от Большерецкой канцелярии *«идти судном на Командорские, Ближние и следующие за ними к востоку острова, только недалее линии, проведенной на карте <…> но на Курильские острова, по случаю нахождения там секретной экспедиции, не ходить»* (АРГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 2. С. 133).

[2] В 1781 г. Иван Вторушин бежал с частью команды и 11 алеутами на Курилы и хотел уйти за границу, но бунт был подавлен, и команда вернулась на Камчатку.

Годы похода	Название и тип судна	Мореход	Места промыслов
1777–1782	бот «Св. Андрей Первозванный»	Г. Пушкарев (умер), К. Самойлов	в 1778 г. пришел на о. Беринга, в 1779-м ушел на о-ва Атту и Амчитку; в 1782 г. разбился на о. Беринга[1]
1779–1785	бот «Св. Иоанн Предтеча»	А. Сапожников	Командорские, Ближние и Андреяновские о-ва
1780–1786	бот «Св. Евпл»	Д. Панков	о. Беринга (б. Низовцева), в 1781 г. ушел на о. Амля, Лисьи и Шумагинские о-ва, Аляску; на обратном пути разбился на о. Амля
1780–1786	бот «Св. Иоанн Рыльский»	Ф. Мельников (Меншиков)	о. Беринга, Ближние о-ва
1781–1787	«Св. Апостол Павел»	А. Сапожников	о. Медный, в 1782 г. судно ушло к о. Амчитка; с 1783 по 1785 г. промышляло на о. Медном, затем вернулось на Амчитку, где потерпело крушение (в 1787 г. отстроен «Св. Кирилл»)
1781–1789	галиот «Св. Георгий Победоносец»	Г. Прибылов	в 1781 г. на Командорских о-вах была оставлена артель; в 1783 г. галиот прибыл на Лисьи о-ва, в 1786-м открыл о-ва Прибылова[2]
1781–1791	бот «Св. Александр Невский»	П. Зайков (умер), Белорукий	о. Беринга, в 1872 г. ушел на о-ва Лисьи, Прибылова и Аляску
1783–1786	бот «Три Святителя»	Г. Измайлов	зимовал на о. Беринга, в 1784 г. ушел на о. Кадьяк (на борту был Шелихов с женой)
1783–1795[3]	бот «Св. Николай» (с 1785 г. проводил совместные промыслы с командой «Св. Ап. Павла»)	А. Соснин	о. Беринга; в 1784 г. вывозил на Камчатку людей с разбившегося бота «Св. Андрей Первозванный», а в 1790-м — с разбившегося судна «Св. Ап. Павел»; затем вновь возвращался на о. Беринга

---

1 Судно разбилось в районе совр. Никольского рейда, в отчете бухта названа Басовской. Причина гибели бота связана с халатностью команды. Люди вернулись на Камчатку на судах «Св. Николай», «Св. Изосим и Савватий» и «Св. Георгий Победоносец».

2 На о. Св. Павла были обнаружены следы пребывания другой промысловой партии. Вероятнее всего, первыми на островах Прибылова побывал бот «Св. Алексей» (поход 1781–1786 гг., мореход Е. Деларов), добывший 2 352 шкуры котиков.

3 По другим источникам, бот «Св. Николай» вернулся в 1790 г.

Годы похода	Название и тип судна	Мореход	Места промыслов
1784–1789	«Св. Апостол Павел» (с 1785 г. проводил совместные промыслы с командой «Св. Николая»)	С. Зайков	о. Медный, в 1786 г. судно ушло на о. Кадьяк и п-ов Кенай (на Медном оставлена артель); в 1789 г. разбилось у о. Медного, команда на байдаре перешла на о. Беринга и ушла на Камчатку на «Св. Николае»
1785–1793	галиот «Св. Георгий Победоносец» кампании Пановых	М. Балакирев (умер), Ф. Мельников (Меншиков)	поврежден при выкиде на о. Беринга; в 1787 г. с частью команды вернулся на Камчатку[1]; в 1788 г. галиот вернулся на о. Беринга
1790–1797	галиот «Св. Георгий Победоносец» кампании Лебедева-Ласточкина	Г. Коновалов	о. Беринга, в 1791 г. ушел в Кенайский залив
1796–1799	бот «Св. Николай»		Командорские о-ва; в 1798 г. отправился на о. Атту, бот принесло к берегам Камчатки; снова отправлен на о. Атту, но был поврежден у о. Медного
1792–1802	«Св. Изосим и Савватий»	Д. Бочаров (умер), Кожевин	о. Медный, в 1793 г. судно ушло на Андреяновские и Лисьи о-ва

[1] Галиот возвращался, чтобы доставить на Камчатку португальца и испанца, спасшихся на о. Медном после крушения ост-индского корабля (капитан Петерс). М. Балакирев умер на Камчатке.

Источники

АКМ. Запрещение говорить на местных диалектах в лавке и других общественных местах. Копия с приказа 7 сентября 1897 г. // АКМ ГИ 1150/1.

АКМ. Клировая ведомость (копия) // АКМ НВ 139/14.

АКМ. Приказ о наименовании с. Преображенского // АКМ ГИ 1146/2.

АКМ. Собачья упряжка. Фото Г. З. Санько, 1935 г. // АКМ ГИ 328, 329.

АМАЭ. *Ляпунова Р. Г.* Рабочие тетради // АМАЭ. Ф. К-I. Оп. 2. Д. 1305.

АРГО. *Полонский А.* Перечень путешествий русских в Восточном океане с 1743 по 1800 год // АРГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 2.

АРГО. *Полонский А.* Промышленные на Алеутских островах 1743–1800 // АРГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 1.

ГАИО. О командировании чиновника для обозрения Северо-Восточнаго побережья Приморской области (21 апреля 1881–18 июля 1882) // ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 435.

ГАИО. О награждении: урядника Селиванова шашкою казачьяго образца за отличное действие по отражению шхун на острове Медный и инородца Хабарова золотыми часами за отличныя действия при заведывании караулами на котовых лежбищах на острове медный. Тут же и о награждении креолов острова беринга Галкина и Синицына медалями за неутомимые труды и усердие при поисках остатков Штеллеровой Морской коровы (7 апреля 1883–3 марта 1884) // ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 506.

ГАКК. Местком промышленников о. Беринга, 1923 г.: посемейный список // ГАКК. Ф. 226. Оп. 1. Д. 2.

ГАКК. Метрические ведомости // ГАКК. Ф. Р-220. Оп. 1.

РГАВМФ. Генеральная карта. 1746 г. 10 мая // РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 82.

РГАВМФ. Карта Алеутских островов, составленная по рассказам промышленников 1755–1764 гг. // РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 81.

РГАВМФ. Карта Командорских о-вов. 1894. С карты 1883 г. по промеру кр. «Забияка» и тр. «Якут» в 1893 г. // РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 7. Д. 1602.

РГАВМФ. Карта меркаторская от Охоцка до Лопатки и до Чукоцкаго Носу, положением прежним описанием 1725 году на боту Гавриле под командою бывшего господина кап. ком. Беринга приобщеныя острова и часть земли против того

Носу по журналу бывшего подштурмона Ивана Федорова 1732 году на томже боту а между рекой Камчаткой и Лопаткой к востоку до длины 35°00’ приобщенное с карты сочиненной на пакетботе св. Петре под командою помянутаго господина к.к. видимы места 1741 г. Подленной за рукой кап. Шпанберха копировал Ф. Трапезников 1754 г. // РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 70. Л. 2.

РГАВМФ. Карта Меркаторская «Восточное Камчатское море». Сочинена Яковом Шабановым // РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 92.

РГАВМФ. Карта меркаторская Северовосточной части Сибири, Ледовитаго моря, Восточнаго и Северозападных берегов Америки, с означением путеплаваниев на судах бывших при исполнении Экспедиции под Начальством Флота Капитана Биллингса. Сочинял Флота Капитан Сарычев // РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 705. Л. 1.

РГАВМФ. Карта о-вов Командорских, Атту, Ситхинак, Унимак и др. близ лежащих с показанием пути кораблей Биллингса в 1791 г. и Головнина в 1818 г. Сочинение Литке // РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 150.

РГАВМФ. Карта северозападной части о-ва Беринга. 1896 г. // РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 6. Д. 222.

РГАВМФ. Карта сочиненная видимой земли американской и островами вновь сысканными, под командой бывшаго Г-дина капитана командора Беринга с журнала лейтенанта Вакселя компании 741 и 742 годов. С подлинной копировал Генваря 31 дня. На подлинной пишет тако лейтенант Свен Ваксель флота мастер Софрон Хитров 1744 году. Копия переснята Петром Расторгуевым в 1754 г. // РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 79.

РГАВМФ. Командорские о-ва. 1914 г. // РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 7. Д. 1603.

РГАВМФ. Меркаторская карта Восточного океана и Берингова моря с Алеутскими и Командорскими о-вами 1848 г. // РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 10. Д. 92.

РГАВМФ. План гавани и бухты при о. Медном. Сочинена во время плавания на боте Сивуче мореходом Ингестромом. 1830 г. // РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 247.

РГАВМФ. Плоская карта части о-ва Беринга. 1827 г. Сочинение лейтенанта Завалишина // РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 200.

РГАВМФ. Якорные стоянки у Командорских о-вов. 1898 г. // РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 6. Д. 237.

РГВИА ВУА. Отд. 10. № 586. Карта морская № 34.

РГИА ДВ. Отчет по командировке в 1893 г. на Командорские острова причисленного к Департаменту торговли и мануфактур Министерства финансов Константина Савича // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 262.

РГИА ДВ. Списки жителей о-вов Беринга и Медного за 1881 г. // РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 295.

СПФ АРАН. *Гребницкий А. Н.* Дневник во время пребывания на о-ве Беринг (1895–1897) // СПФ АРАН. Ф. 851. Оп. 1. Д. 6.

СПФ АРАН. *Гребницкий А. Н.* Тетрадь с заметками о острове Беринг (1877–1881) // СПФ АРАН. Ф. 851. Оп. 1. Д. 5.

ТИНРО (ТФ ВНИРО). *Мараков С. В.* Отчет Командорского наблюдательного пункта ТИНРО за апрель-ноябрь 1956 г. // Архив ТИНРО, № 5407.

Library of Congress. Исповедная роспись Обретающимся на островах Андриановских, жителям принадлежащих к Атхинской Николаевской церкви, бывших у Исповеди и Св. Причастия в течение 1867 года (Атту, Беринга, Медный, Шумшу, Симусир) // LC. Reel 59.

Library of Congress. Метрическая Ведомость о родивших и умерших обоего пола на о. Беринг с 1 Мая 1862 года по 1 Мая 1864 года; Метрическая Ведомость о родивших и умерши: обоего пола людей на о. Беринг с 1 Мая 1864 по 1 Мая 1865 года; Метрическая Ведомость о родившихся и умерших на о. Медный за 1867 год по 1 Января 1868 года // LC. Reel 56–57.

MZPAN. Józef Morozewicz wśród tubylców // Archiwum MZPAN.

SIA. Leonard Stejneger papers 1867–1943 // SIA. Record Unit 7147. Box 15. F. 6.

University of Alaska Fairbanks. Alaska's Digital Archives. Karta merkatorskaia. Iakov Shavanov. 1772 (?) // ADA G9236 S12 [177_] S521. URL: http://vilda.alaska.edu/cdm/singleitem/collection/cdmg11/id/10450/rec/3

Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири.— Новосибирск: Наука, 2000.— 768 с.

Арсеньев В. К. Командорские острова в 1923 году // Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока.— Владивосток, 1923.— С. 420–464.

Артюхин Ю. Б. Гнездовая авифауна Командорских островов и влияние человека на ее состояние // Природные ресурсы Командорских островов.— М.: Изд-во МГУ, 1991.— С. 99–137.

Барабаш-Никифоров И.И. В стране ветров и туманов.— М.; Л.: Всесоюз. кооп. объедин. изд-во, 1934.— 92 с.

Барабаш-Никифоров И.И., Мараков С. В., Николаев А. М. Калан (Морская выдра).— Л.: Наука, 1968.— 184 с.

Барканова Л. А. Достойный сын века Просвещения России — адмирал Алексей Иванович Нагаев // Люди великого долга: Материалы XXVI Крашенинниковских чтений.— Петропавловск-Камчатский: Камчат. краевая науч. б-ка им. Крашенинникова, 2009.— С. 11–15.

Белковский А. Н. Новые сведения о посёлке Полуденного (Южного) лежбища острова Беринга // Люди великого долга: Материалы XXVI Крашенинниковских чтений.— Петропавловск-Камчатский: Камчат. краевая науч. б-ка им. Крашенинникова, 2009.— С. 21–25.

Белковский А. Н., Диваков И. В., Звягин В. Н., Окороков А. В., Станюкович А. К., Старков В. Ф., Черносвитов П. Ю. Русские морские экспедиции 18 века. Очерки комплексного изучения памятников материальной культуры.— М., 1996.— 240 с.

Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга 1725–1742.— Л.: Изд-во Главсевморпути, 1935.— 411 с.

Берх В. Н. Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги Российского Купечества.— СПб.: Типогр. Н. Греча, 1823.— 172 с.

Бондарева Н. А. Семь недель на Командорах.— Петропавловск-Камчатский: Дальневост. книж. изд-во, 1966.— 52 с.

Браславец К. М., Шатунова Л. В. Словарь русского камчатского наречия. — Хабаровск: Хабаров. гос. пед. ин-т, 1977.— 195 с.

Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга / Перепеч. с изд. 1940 г.— Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2011.— С. 407–572.

Ваксмут Н. С. Заметка о костяке морской коровы *(Manatus Stelleri — Stellerus borealis)* // Приамурские ведомости: еженедельник. Вып. 278.— Хабаровск, 1899.

Вахрин С. И., Татаренкова Н. А. Русская Америка. URL: http://docplayer.ru/45075378-Tatarenkovu-odnogo-iz-krupneyshih-specialistov-po-istorii-familiy-korennyh-zhiteley-komandorskih.html (18.04.2018, Татаренкова, на правах рукописи).

Вениаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела. Ч. II.— СПб.: Императорская Российская Академия, 1840.— 409 с.

Волошинов Н. А. Отчет по командировке на Командорские острова Генерального штаба Подполковника Волошинова в 1884–85 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып.16.— СПб.: Военная тип., в здании Главного Штаба, 1887.— С. 160–295.

Волошинов Н. А. Фотографии к отчету по командировке на Командорские острова Генерального штаба Подполковника Волошинова в 1884–1885 г. (Оригиналы хранятся в ХКМ и SIA). URL: https://www.biodiversitylibrary.org/item/198050#page/1/mode/1up

Гаврилов С. В. Вдоль камчатских берегов. (Транспортное и рыбопромышленное освоение Охотско-камчатского побережья в конце XIX — первой трети XX в.).— Петропавловск-Камчатский: Камчат. печат. двор, 2003.— 567 с.

Генеалогическая база. URL: http://baza.vgdru.com/post/1/32931/p273803.htm

Гептнер В. Г., Наумов Н. П., Юргенсон П. Б. и др. Млекопитающие Советского Союза. Т. 2. Ч. 1. Морские коровы и хищные.— М.: Высш. шк., 1967.— 1004 с.

Герасимов А. П. Командорские острова и котиковый промысел на них (по книге L. Stejneger'a «The Russian fur-seal islands») // Известия Восточно-Сибирскаго Отдела ИРГО. Т. XXVIII. № 2.— Иркутск: Типо-литография П. И. Макушина, 1897.— С. 109–135.

Головко Е. В. Словарь алеутско-русский и русско-алеутский.— СПб.: Отд-е изд-ва Просвещение, 1994.— 320 с.

[Головнин В. М.] Сочинения: Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное в 1807, 1808 и 1809 гг.; В плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 гг.; Путешествие вокруг света на шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 гг.— М.: Географгиз, 1949.— 425 с.

Гребницкий Н. А. Записка о Командорских островах // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Т. 3. Вып. 2.— Иркутск: Типогр. Н. П. Синицына, 1882.— С. 43–125.

Гребницкий Н. А. Командорские острова.— СПб.: Типогр. В. Киршбаума, 1902.— 41 с.

Гринев А. В. Кто есть кто в истории Русской Америки.— М.: Academia, 2009.— 672 с.

Даль В. И. Толковый словарь живаго великорусскаго языка. Т. 1–4.— СПб.; М.: Изд-ние книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880–1882.

Дыбовский Б. Острова Командорские / Пер. с польск. В. М. Ширяева, О. А. Куликовой; Вступление, ред. и науч. коммент. Н. А. Татаренковой // Вопросы истории Камчатки. Вып. 7.— Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2014.— С. 211–287.

Жегалов Ю. В. Командорские острова // Геология СССР. Т. XXXI: Камчатка, Курильские и Командорские острова. Ч. 1: Геологическое описание.— М.: Недра, 1964.— С. 645–660.

Зверев И. Онга // Алеутская звезда (газ.). 1967, 15 янв. № 5.— С. 2.

Зименко А. В. В бухте Глинка // Живая память: о Сергее Маракове.— Киров: О-Краткое, 2013.— С. 180–189.

Имена на карте Тихого океана. URL: http://shturman-tof.ru/Bibl/Bibl_4/Bibl_4_4.htm

Иркипедия. URL: http://irkipedia.ru/content/sulkovskiy_petr_grigorevich

История Русской Америки (1732–1867). Т. 1. Основание Русской Америки, 1732–1799 / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов.— М.: Междунар. отношения, 1997.— 480 с.

История Русской Америки (1732–1867). Т. 2. Деятельность Российско-американской компании, 1799–1825 / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов.— М.: Междунар. отношения, 1999.— 470 с.

Камчатка XVII–XX вв.: Историко-географический атлас / Под ред. Н. Д. Жданова и Б. П. Полевого.— М.: Федеральная служба геодезии и картографии России, 1997.— 112 с.

Карта Алеутских островов, составленная устюжским купцом Василием Шиловым, 1767 г. // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. / Под ред. А. И. Андреева.— М.: ОГИЗ, 1948.— 383 с.; Приложение.

Кислов В. А. Николай Александрович Гаупт // Страничка гатчинского краеведа. URL: http://kraeved-gatchina.de/ocherki/vydayushchiesya-zhiteli/nikolay-gaupt/ (14.02.2018).

Корсун С. А. Полевые материалы по алеутам Командорских островов // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 12.— СПб.: МАЭ РАН, 2012.— С. 201–222.

Крашенинников С. П. Описание Земли Камчатки. Т. 1 / Репринт 1755 г.— СПб.: Наука; Петропавловск-Камчатский: Камшат, 1994.— 438 с.

Кузмищев Пав. Собрание особенных, или имеющих другое значение слов и некоторых выражений, употребляемых на Камчатке // Москвитянин, журнал, издаваемый М. Погодиным. Ч. 2. № 3.— М.: Университетская тип., 1842.— С. 237–259.

Ладыгин Г. А. Итог нашей работы в летний период // Алеутская звезда (газ.). 1943, 7 окт. № 49.— С. 2.

Латернер М. С. Гидрографическая экспедиция на «Шилке» // Вопросы истории Камчатки. Вып. 7.— Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2014.— С. 6–145.

Литке Ф. П. Путешествие вокруг света, совершенное по повелению Императора Николая I, на военном шлюпе «Сенявин», в 1826, 1827, 1828 и 1829 годах, флота капитаном Федором Литке: Отделение мореходное с атласом.— Санктпетербург: Типогр. Х. Гинце, 1835.— 356 с.

Мараков С. В. Млекопитающие и птицы Командорских островов (Экология и хозяйственное использование).— Дис. … канд. биол. наук. Киров; М., 1964.— 277 с.

Меновщиков Г. А. Алеутско-русский словарь.— Томск: Томский гос. пед. ин-т, 1977.— С. 137–198.

Морозевич И. Месторождение самородной меди на Командорских островах // Труды Геологического комитета. Новая серия. Вып. 72.— СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1912.— 88 с.

Мочалова О. А., Якубов В. В. Флора Командорских островов. — Владивосток: БПИ ДВО РАН, 2004.— 120 с.

Мымрин Н. И., Муляр Ю. Ф., Томатов Е. П., Мараков С. В. Каланы на острове Беринга // Охота, пушнина, дичь. Вып. 37–39.— Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1972.— С. 47–50.

Пасенюк Л. М. В одиночку на о. Беринга, или Робинзоны и мореходы.— М.: Мысль, 1981.— 144 с.

Пасенюк Л. М. Командоры мои и твои.— М.: Молодая гвардия, 1989.— 256 с.

Патканов С. К. О приросте инородческаго населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен (Представлено в заседание Историко-Филологическаго Отделения 10 марта 1910 г.).— СПб.: Типогр. Императорской Академии Наук, 1911.— 210 с.

Пекарский П. П. Рапорт Петра Яковлева // Записки Императорской Академии Наук. Т. 10. Кн. 2.— СПб.: Типогр. Императорской Академии Наук, 1867.— С. 183–186.

Пекарский П. П. Архивные разыскания об изображении несуществующего ныне животного *Rhytina borealis* // Записки Императорской Академии Наук. Т. 15. Пр. 1.— СПб.: Типогр. Императорской Академии Наук, 1869.— С. 1–33.

Петряев Е. Д. Краеведы и литераторы Забайкалья.— Иркутск, 1965.

Посемейный список № 9 алеутов о. Беринга, переселяющихся в Уку и Маламваям — 31 марта 1917 г.с. Никольскаго на о. Беринга // Ведомости родившихся, бракосочетавшихся, умерших на о-ве Беринга за 1916 г.— Рукописная копия, снята в начале 1980-х гг. М. А. Членовым (оригинал утрачен).

Постановление Правительства РФ «О присвоении наименований географическим объектам в Антарктике, Карском и Беринговом морях» / Председатель Правительства РФ М. Фрадков.— Москва, 1 дек. 2004, № 706.

Постановление Правительства РФ «О присвоении наименований географическим объектам в Хабаровском крае, Амурской и Камчатской областях и Чукотском автономном округе» / Председатель Правительства РФ М. Фрадков.— Москва, 29 дек. 2004, № 868.

Редько Б. А. Алеуты Командорских островов // Производительные силы Дальнего Востока. Вып. 5.— Хабаровск; Владивосток: Книжное дело, 1927.— С. 69–112, 181–182.

Русская тихоокеанская эпопея / Сост. В. А. Дивин.— Хабаровск: Хабаров. кн. изд-во, 1979.— 608 с.

Русско-японская война 1904–1905 гг. URL: www.japanrussia.ru/russko-aponskaa-voina-otdelinii-otrad-kreiserov-zakrito-kreiser-i-ranga-34ryrik34–2.html

Санько Г. З. На острове Беринга // Тихоокеанская звезда (газ.). 1935, 2 дек. № 277.

Сарычев Г. А. Путешествие Флота Капитана Сарычева по Северовосточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, в продолжение осьми лет, при географической и Астрономической морской Экспедиции, бывшей под начальством флота Капитана Биллингса с 1785 по 1793 год. Ч. II. Со времени отправления из Петропавловской гавани до окончания экспедиции.— СПб.: Типогр. Шнора, 1802.— 192 с.

Сборник главнейших оффициальных документов по управлению Восточною Сибирью. Т. 3. Вып. 1; Вып. 2.— Иркутск: Типогр. Н. П. Синицына, 1882.

Северная энциклопедия.— М.: Европейские издания; Северные просторы, 2004.— 1200 с.

Сказка тотемского купца Степана Черепанова об его пребывании на Алеутских островах в 1759–1762 гг. // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в.— М.: ОГИЗ, 1948. С. 113–120.

Слюнин Н. В. Промысловые богатства Камчатки, Сахалина и Командорских островов: Отчет Д-ра Слюнина за 1892–1893 гг.— СПб.: Типогр. В. Ф. Киршбаума, 1895.— 117 с.

Сопоцко А. А. Записки по гидрографии. Плавание В. Беринга на пакетботе «Св. Петр» к берегам Америки.— СПб., 2008.

Спасский Г. И. Описание острова Медного // Сибирский вестник. 1822. № 18.— С. 281–290.

Стейнегер Л. Под парусом вокруг острова Беринга. Осень 1882 / Пер. с нем. О. А. Куликовой; Вступление, ред. и науч. коммент. Н. А. Татаренковой // Вопросы истории Камчатки. Вып. 7.— Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2014.— С. 145–210.

[Стеллер Г. В.] Описание плавания из Камчатки в Америку. (Последняя экспедиция Витуса Беринга) / Предисл. А. В. Шумилова; послесл. С. М. Епишкина, В. Н. Звягина.— М.: Прогресс-Пантея, 1992.— 192 с.

Стеллер Г. В. Дневник плавания с Берингом к берегам Америки 1741–1742 / Под ред. А. К. Станюковича.— М.: Изд-во ПАН, 1995.— 224 с.

Стеллериана в России / Отв. ред. Э. И. Колчинский.— СПб.: Нестор-История, 2009.— 78 с.

Суворов Е. К. Из поездки на Командорские острова // Известия ИРГО. Т. 47. Вып. 6.— СПб.: Типогр. Стасюлевича, 1911.— С. 237–263.

Суворов Е. К. Командорские острова и пушной промысел на них.— СПб.: Типогр. В. Ф. Киршбаума, 1912.— 324 с.

Сулковский П. Г. Записка о промыслах на Командорских островах. Извлечена из дел Главного управления П. Г. Сулковским // Сборник главнейших оффициальных документов по управлению Восточною Сибирью. Т. 3. Вып. 2.— Иркутск: Типогр. Н. Н. Синицына, 1882.— С. 3–10.

Суровцева А. Капитан тундры // Алеутская звезда (газ.). 1968, 16 окт. № 83.— С. 1.

Томатов Е., Пинигин В., Прянишников В. Записки экспедиции // Алеутская звезда (газ.). 1968. № 24–27, 29–34.

Томатов Е., Пинигин В., Прянишников В. Калан // Алеутская звезда (газ.). 1968. № 43, 45.

Томатов Е., Пинигин В., Прянишников В. Снова уникум! // Алеутская звезда (газ.). 1968. № 46.

Томатов Е., Пинигин В., Прянишников В. Морской лев — сивуч // Алеутская звезда (газ.). 1968. № 48–49.

Татаренкова Н. А. Способы охоты на морскую корову *(Hydrodamalis gigas)* и одна из причин ее стремительного вымирания // Сохранение биоразнообразия Камчатки и прилегающих морей: Материалы VII международной научной конференции.— Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2006.— С. 156–159.

Татаренкова Н. А. Результаты опроса алеутов Командорских островов в рамках проекта PSP о традиционном использовании двустворчатых моллюсков // Камчатка: события, люди: Материалы XXV Крашенинниковских чтений.— Петропавловск-Камчатский: Камчат. краевая науч. б-ка им. Крашенинникова, 2008.— С. 232–241.

Татаренкова Н. А. Ранние топонимы Командорских островов второй половины XVIII века // «О Камчатке и странах, которые в соседстве с нею находятся…»: Материалы XXVIII Крашенинниковских чтений.— Петропавловск-Камчатский: Камчат. краевая науч. б-ка им. Крашенинникова, 2011.— С. 199–204.

Татаренкова Н. А. Алеутский район: история административного устройства и геральдической символики // Камчатка 2012. Литература, краеведение.— Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2012.— С. 249–283.

Татаренкова Н. А. Командорские острова: местные слова и термины, устаревающие и редко употребляемые понятия // О Камчатке: ее пределах и состоянии: Материалы XXIX Крашенинниковских чтений.— Петропавловск-Камчатский: Камчат. краевая науч. б-ка им. Крашенинникова, 2012.— С. 235–251.

Татаренкова Н. А. Ранний этап деятельности миссионера Иакова Нецветова // Материалы V Международных исторических и Свято-Иннокентиевских чтений.— Петропавловск-Камчатский: Камчат. краевая науч. б-ка им. Крашенинникова, 2012.— С. 64–71.

Татаренкова Н. А. Формирование современных топонимов Командорских островов // Всеобщее богатство человеческих познаний: Материалы XXX Крашенинниковских чтений.— Петропавловск-Камчатский: Камчат. краевая науч. б-ка им. Крашенинникова, 2013.— С. 258–273.

Татаренкова Н. А. Топонимы Командорских островов // Вопросы истории Камчатки. Вып. 7.— Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2014.— С. 288–332.

Татаренкова Н. А. Жизнь и смерть управляющего Командорскими островами Николая Александровича Гребницкого // Россия и АТР. № 4.— Владивосток, 2016.— С. 101–115.

Татаренкова Н. А. «Выселить на Камчатку…» // Новая газета во Владивостоке. 2017, 31 авг. № 405.— С. 16–17.

Татаренкова Н. А. Начкомпром Евгений Фрейберг (1924–1925 гг.) // Aus Sibirien — 2017: Научно-информационный сборник.— Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2017.— С. 127–133.

Тебеньков М. Д. Карта островов Командорских, исправленная колониальными мореходами // Атлас Северозападных берегов Америки от Берингова пролива до мыса Корриентес и островов Алеутских. С присовокуплением некоторых мест Северовосточнаго берега Азии.— 1852.

Хабаров В. П. Котиковое хозяйство на Командорских островах.— Л.: Ленинград. отд-ние учеб.-пед. изд-ва Наркомпроса РСФСР по заказу Ленинград. пед. ин-та народов Севера, 1941.— 71 с.

[Хлебников К. Т.] Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова / Под ред. Р. Г. Ляпуновой и С. Г. Федоровой.— Л.: Наука, 1979.— 280 с.

Цусимские форумы, URL: http://tsushima.su/forums/viewtopic.php?pid=881664

Черский А. И. Командорский песец // Материалы по изучению рыболовства и пушного промысла на Дальнем Востоке. 1919. Вып. 1.— Токио: Типогр. Японо-Русскаго Клуба, 1920.— С. 60–107.

Шелихов Г. Российскаго купца именитаго Рыльскаго гражданина Григорья Шелехова первое странствование с 1783 по 1787 год из Охотска по Восточному Океану к Американским берегам <…>. С Географическим чертежем, со изображением самаго мореходца и найденных им диких людей. Ч. 1.— Град Св. Петра: иждивением В.С., 1793.— 172 с.

Шубин В. О. Жизнь «курильцев» на Камчатке в 1877–1888 гг. // Краеведческий бюллетень. Вып. 4.— Южно-Сахалинск: Сахалинский центр документации новейшей истории, 1992.— С. 37–52.

Шубин В. О. Новые материалы о переселении «курильцев» на Камчатку // Краеведческий бюллетень. Вып. 4.— Южно-Сахалинск: Сахалинский центр документации новейшей истории, 1992.— С. 15–36.

Шубин В. О. Русские поселения на Курильских островах в XVIII–XIX веках // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVIII–XIX веках.— Владивосток: ДВО РАН, 1992.— С. 54–79.

Экспедиция Беринга: Сборник документов / Под ред. А. Покровского.— М.: Главное архивное управление НКВД СССР, 1941.— 418 с.

Baer K. E. Untersuchungen über die ehemalige Verbreitung und die gänzliche Vertilgung der von Steller beobachteten nordischen Seekuh (*Rytina,* Ill.) // Mémories de l'Académie Impériale des Sciences. No. 6.— St.-Pétersbourg: Sciences Math. Phys. Natur., 1840.— S. 53–80.

Bergsland K. Aleut Dialects of Atka and Attu // Transactions of the American Philosophical Society. Few Series. Vol. 49. Pt. 3.— Philadelphia: The American Philosophical Society, Independence Square, 1959.— P. 3–128.

Bergsland K. Aleut Dictionary.— Fairbanks, Alaska: Alaska Native Language Center & University of Alaska Fairbanks, 1994.— 755 p.

Dybowska M. Zapisane w śniegu, czyli polska wiedza o Kamczatce i sąsiednich wyspach.— Wydawnictwo MAAR: Zrealizowano dzięki pomocy finansowej Ministerstwa Kultury i Dziedzictwa Narodowego, 2006.— 81 s.

Dybowski B. J. Wyspy Komandorskie.— Lwow: Z I. Związkowéj drukarni we Lwowie, 1885.— 104 s.

Hulten E. Flora of Kamtchatka and the Adjacent Islands. I. *Pteridophyta, Gymnospermae and Monocotyledonae* — Stockholm: Almqvist & Wiksells Boktryckeri-A.-B., 1927.— 346 p.

Kwiatkowska I. Józef Marian Morozewicz // Polscy badacze Siberii.— Warszawa: Archiwum Polskiej Akademii Nauk, 2008.— S. 76–78.

Lütke F. Voyage autour du Monde: Exécuté par ordre de Sa Majesté l'Empereur Nicolas I-er, sur la Corvette Le Séniavine, dans les années 1826, 1827, 1828 et 1829 par Frédéric Lutké; partie historique, avec un atlas, lithographié d'après les dessins originaux

d'Alexandre Postels et du Baron Kittlitz; traduit du russe sur le manuscrit original, sour les yeux de l'auteur, par F. Boyé. T. 1.— Paris: Typ. de Firmin Didot frères, 1835.— 410 p.

Mattioli S., Domning D. P. An annotated list of extant skeletal material of Steller's sea cow *(Hydromalis gigas)* (Sirenia: Dugongidae) from the Commander Islands // Aquatic Mammals. 2006. Vol. 32 (3).— P. 273–288.

Morozewicz J. Komandory. Studjum geograficzno-przyrodnicze. — Warszawa: Wydawnictwo Kasy im. Mianowskiego Instytutu Popierania Nauki, 1925.— I–XIV, 230 s.

[Netsvetov]. The Journals of Iakov Netsvetov: the Atkha Years. 1828–1844 // Materials for the Study of Alaska History. No. 16. Translated, with Introduction and Supplementary Material by L. Black.— Kingston, Ontario, Canada: The Limestone Press, 1980.— 342 p.

Nordenskiöld A. E. The voyage of the Vega round Asia and Europe / Transl. A. Leslie.— NewYork: Macmillan and Co., 1882.— 756 p.

Pierce R. A. Russian America: a Biographical Dictionary // Alaska History. No. 33.— Kingston, Ontario; Fairbanks, Alaska: The Limestone Press, 1990.— 555 p.

Sauer M. An account of a geographical and astronomical expedition to the northern parts of Russia, for ascertaining the degrees of latitude and longitude of the mouth of the river Kovima; of the whole coast of the Tshutski, to East cape; and of the islands in the Eastern ocean, stretching to American coast. Performed by …Commodore Joseph Billings, in the years 1785, &c. to 1794.— London: Printed by A. Strahan, Printers Street, for T. Cadell, Jun. and W. Davies, in the Strend, 1802.— 332 p.

Stejneger L. Investigations relating to the date of the extermination of Steller's sea-cow (Contributions to the history of the Commander Islands. No. 2) // Proc. of the U. S. National Museum. 1884. Vol. 7.— Washington: Government Printing Officer, 1885.— P. 181–189.

Stejneger L. Eine Umsegelung der Berings-Insel // Deutsche Geographische Blätter. Band VIII. Heft 3.— Bremen, Deutschland: Herausgegeben von der Geographischen Gesellschaft in Bremen, 1885.— S. 225–273.

Stejneger L. The Russian Fur-Seal Islands // United States Fish Commission Bulletin 1896.— Washington: Government Printing Officer, 1896.— Art. 1; P. 1–148; Pl. 1–66.

Stejneger L. The Asiatic Fur-Seal Islands and Fur-Seal Industry // The Fur Seals and Fur-Seal Islands of the North Pacific Ocean. Pt. 4.— Washington: Government Printing Officer, 1898.— 384 p.

Именной указатель

Антипин М. 65
Анучин Д.Г. 106
Арсеньев В.К. 148
Артемьев С. 65
Артюхин Ю.Б. 10
Багдасарян Л.М. 59
Бадаев А.И. 129
Бадаев В.Ф. 127
Балакирев М. 188
Барабаш-Никифоров И.И. 105, 139
Басалаев Л. 184
Басилиер С. 50
Басов Е.С. 15, 30–36, 69–70, 74, 76–78, 90
Бахов И. 184
Башилов В.И. 59
Башмаков П. 184
Беклемишев Н.Н. 51, 88–89, 131
Белорукий 187
Бенёвский М.А. 145
Бергсланд К. 7, 10, 143
Березин А.И. 106
Березин В.Е. 86
Березин Д.С. 139
Березин Е. 86
Березин И.Ф 87
Березин Федосей 86–87
Березин Феоктист 86–87
Березина А.Д. 87
Березина Е. (в девич. Еранская) 86–87
Березина Т.И. (в девич. Хабарова) 86
Беринг В.Й. 11, 14, 34, 44, 46, 62–63, 65, 82–84, 101–103, 106, 110
Беринг Х.Т. 44–45
Беркхан И.-Х. 62
Берх В.Н. 30
Биллингс И.И. 44–47
Богданов Д.В. 59
Бочаров Д.И. 186, 188
Булатов Н. 64
Бурдуковская А.В. (в замуж. Панькова) 19
Бурдуковская М.П. (воспит. Т.Д. Голодова) 19
Бурдуковский В.П. 18–20, 89, 114
Бурдуковский П.В. 19–20, 114
Бутин И. 70, 73, 77, 184
Ваксель С. 29–30, 35, 64–66, 68, 82–84, 87, 101
Ваксмут А.А. 106
Ваксмут Н.С. 106
Ваксмут О.Н. 106
Васильев И.Ф. 19, 114–115
Вассерман А. 25
Верхотуров П. 32
Вожиков И.И. 10, 140
Волков И.А. 22
Волокитин А.Ф. 86
Волокитин Г.Ф. 86
Волокитин И.Ф. 86
Волокитин П.Ф. 86
Волокитин Ф.Д. 19, 86

Волокитин Ф.Ф. 86
Волошинов Н.А. 91, 127, 130
Воробьев А. 73, 184
Всевидов А. 73, 77
Всевидов П.П. 184
Вторушин И. 186
Вторушин Л. 43, 185
Вторых М. 81
Вьюев И.П. 10–11, 24, 30–31, 53, 55, 57, 61, 83, 114, 147
Гагарин В.И. 14
Галкин Н. 119
Галл Р. 44–45
Гардеболь С. 33
Гаупт Н.А. 107–109
Генералов А.А. 165
Глотов С.Г. 38, 185
Голиков И.И. 16
Голиков М.С. 16
Головко Е.В. 7, 10, 96, 99–100, 108, 122, 126, 128, 135, 140
Головко С. 141
Головнин В.М. 46–47, 80
Голодов Т.Д. 19
Голых Ю.Ю. 10
Горячев А.В. 59
Гребзде (Гребзды) Э.И. 8, 128–129, 135
Гребницкая Е.И. (в девич. Писарева) 52
Гребницкая Е.Н. (в девич. Гирс) 53
Гребницкий Н.А. 7, 25–26, 51–56, 58, 87–89, 91, 96, 101, 105, 119–120, 123–124, 129–130, 146
Григорьев А.С. 141
Григорьев И.Г. 127
Григорьев С.С. 119
Григорьева Е.С. (в девич. Снегирёва) 119
Деларов Е. 187
Де-Лонг Д.У. 106
Дергачев И. 64
Должантов И. (или С.) 186
Дружинин А.И. 184
Дурнев Р. 184–185
Душко П.М. 59
Дыбовская М. 7
Дыбовский Б.И. 7, 54–56, 71, 88–89, 93–100, 107–108, 111, 116, 120–123, 127, 130–131, 135–136, 145–146
Екатерина II 41
Емельянов И. 64
Жегалов Ю.В. 59
Жуков Ф. 184
Завалишин Д.И. 48
Зайков А.П. 22–24
Зайков И.А. 22, 25
Зайков П.К. 22–23, 37, 186–187
Зайков С.К. (брат П.К.) 187
Зандман И. 50–51, 54, 73, 88–89
Иванов А. 87
Измайлов Г.Г. 186–187
Ингестром А.И. 49–50, 79–81
Кашин Л.А. 145
Киттлиц Ф.-Г. 47
Кияйкина В.М. 10
Клементьев А. 65
Кожевин 188
Колесов 73
Колосова В.Б. 10
Коновалов Г.М. 188
Корелин С. 186
Корепанов В. 112
Коровин И.И. 185–186
Красильников С. 74
Крашенинников С.П. 71, 97–98
Креницын П.К. 39–44, 120
Крепс (Кребс) Э. 107
Кук Дж. 43–44, 46–47
Кулаков М. 69
Куликова О.А. 7, 10, 56, 103
Курмачев И. 22, 80
Кутузов И.А. 145
Лагунов И. 65

Ладыгин Г.А. 8, 144
Ладыгин Г.Т. 118
Ладыгин И. 118
Ладыгин И.Г. 118
Ладыгин К.Т. 8, 10, 142–143
Ладыгин П.Г. 118
Ладыгин С.Г. 118
Ладыгин Т.А. 8
Ладыгина В.Г. (в замуж. Снегирёва) 118–119
Ладыгина Е. 118
Ладыгина Ев.Т. 8
Ладыгина М.Г. 118
Ладыгина Н.П. 118
Ладыгина С.Г. (в замуж. Прошева) 118
Ладыгина Ю.С. (в девич. Сушкова) 8
Лазарев М.П. 48
Лау Т. 63
Лебедев-Ласточкин П.С. 16
Левашов М.Д. 38–44, 63, 120
Лемашевский П.Г. 25
Липилина И.А. 10
Лисенков (Лисенко) П.Я. 42, 120
Лисенков А.С. 120
Литке Ф.П. 17–18, 37, 47–49, 76, 79–81
Лукин-Федотов Н.Н. 147
Максутов Д.П. 25
Мальцев В.В. 118
Мальцев И.Н. 118
Мальцев (Ладыгин) Н.Ф. 118
Мальцев (Мальцов) В.Н. 102, 118
Мамаев Е.Г. 10
Мараков С.В. 9, 139
Медведев Д. 185
Мельников (Меншиков) Ф. 187–188
Меновщиков Г.А. 10
Мерк К.-Г. 45–46
Мертенс А.К. 47
Мершенин И.В. 17
Морозевич И.А. 7, 58, 94, 96, 99, 120–121, 126, 145–146
Мякишев А.Г. 117
Мякишев З.Г. 117
Мякишев И.З. 117
Мякишев М.З. 117
Мякишев Н.И. 116
Мякишева П.З. (в девич. Измайлова) 129
Мыньков (Маньков) Я. 19, 114
Нагаев А.И. 30–31, 84
Наквасин Д. 35–36, 70, 184
Наседкин Л. 185
Наседкин (Насеткин) М. 14
Неборонов И. 64
Немцов Ф.Г. 23
Нецветов И.Г. (Иаков) 22, 49, 82
Нецветов И.Г. (Иосиф) 50
Низовцев (Низовцов) Г. 38–39, 70–71, 184
Никифоров И. 39
Ножиков И.Е. 8
Ножиков И.И. 129
Норденшельд А.Э. 18, 20
Овцын Д.Л. 64
Окошников М. 74, 184
Ореховы Аф. и И. 37
Паллас П.С. 45
Панков Д.А. 185–187
Панов Ф. 65
Паньков М.А. 8
Панькова А.М. (в девич. Прошева) 8, 118, 129
Пасенюк Л.М. 10, 69, 109–110, 116, 139
Патканов С.К. 17
Пекарский П.П. 37
Петерс 188
Пешков М.И. 129
Пинигин В.Е. 10, 137, 139
Пирожников И. 34
Полевой Б.П. 110
Полонский А.С. 7, 38, 60, 69, 77
Полутов Д. 186
Попков В. 64
Потапов Я.Е. 19, 113

Прибылов Г.Л. 187
Прошев В.М. 118
Прошев М.В. 118
Прошев М.М. 118
Прошева Е.М. (в замуж. Голодова) 118
Прошева М. 118
Прошева П. (в девич. Пахомова) 118
Прянишников В.Г. 137
Прянишникова Г.М. 10
Пушкарев Г.Г. 187
Пфлюгер 25
Расторгуев 32, 82
Расторгуев П. 29, 35
Редько Б.А. 146, 148
Рыбинский И. 32, 73, 77
Савич К.И. 105
Савич М.Н. (внебр. дочь Гребницкого) 53
Самойленко В.А. 59
Самойлов К.А. 187
Санников Е. 184
Санько Г.З. 132
Сапожников А. 185, 187
Сапожников Я.И. 186
Сарычев Г.А. 41, 44–47
Сауэр М. 45
Свиньин И. 121
Свиньинская Т. 121
Свиньинский Еф. 121
Свиньинский М.Еф. 121
Сеньков 48, 80
Серебренников А.И. 112
Серебренников Ан.И. 112
Серебренников В.И. 112
Серебренников И. 112
Серебренников И.И. 112
Серебренников Н.И. 112
Серебренников Р.И. 112
Сизых И.И. 50
Синицын Т.И. 119–120
Синицына В.С. 119
Скорняков-Писарев Г.Г. 31
Слюнин Н.В. 20, 54, 91
Снегирёв Е.Г. 118
Снегирёв С.Г. 118
Снегирёва М. 118
Соснин Аф. 186–187
Соснин Д. 73, 76–78
Софьин В. 38–42, 185
Спасский Г.И. 37
Станюкович А.К. 60, 66–68
Стародубцев С. 65
Старцев А.И. 113
Старцев Г.Ф. 113
Старцев И.Ф. 113
Старцев Н. 113
Старцев П.А. 113
Старцев Ф.Ф. 113, 130
Старцева Д. 113
Стейнегер Л. 18, 20, 55–58, 67, 71, 81, 88–89, 91, 96–97, 101–105, 108, 113, 117–118, 120–121, 124–125, 133
Стеллер Г.-В. 60–68, 71, 87, 96, 100–103
Степанов С. 64
Степнов М.М. 129
Степнов Н.И. 121
Сторчак Е.А. 119
Студенцов И. 185
Суворов А.А. 52
Суворов Е.К. 17, 93–94, 100, 104, 107–108, 111–112, 116, 120, 125–126, 136, 140, 142
Сулковский П.Г. 87, 105–106
Тараканов С. 64
Тарасенко И.И. 65
Тебеньков М.Д. 50–51, 73, 79, 81–82, 87, 89
Тетерин 104
Тимошенко В.Т. (в девич. Ладыгина) 8, 10, 96, 113, 117–118, 129–130, 137, 140, 144
Толстых А. 184–185
Томатов Е.П. 129–130, 137–139

Томпсон В. 120
Торопцов М. 64
Транзе Н.А. вкладка
Трапезников Н.М. 34–36, 38–39, 70
Трапезников Ф. 34
Третьяков Г. 186
Третьяков И. 65
Ульченко А.П. 10, 139
Ульченко Н.А. 139
Фёдоров И. 34
Филиппеус А.Ф. 25
Фрейберг Е.Н. 146–147
Фролов П.К. 37
Фроловы 76
Хабаров Б.П. 9
Хабаров В.П. 104, 120, 146, 148
Хабаров И.П. 9
Хабаров П.Н. 9
Хабаров С.П. 9
Хессельберг А. 65
Хитров (Хитрово) С.Ф. 15, 29, 35, 66, 71, 84, 87, 101
Хлебников К.Т. 17–18, 20–21
Хмелевский Ф.В. 25
Холодилов А.Г. 104
Холодилов Ф. 32
Хомяков 186
Хорохорин П. 65
Хотяинцов Н. 65
Черепанов С.Я. 186
Черский А.И. 105, 146–147
Чириков А.И. 30, 78, 83
Чичагов В.Я. 42
Чичерин Д.И. 41
Членов М.А. 7, 10
Чуян Г.Н. 9, 69
Шабанов Я.И. 38, 40–42, 63
Шангин (Пажук) Г.А. 130
Шангин И.Н. 131
Шангин Н.Е. 130
Шангина (Пажук) А. (в девич. Шипицына) 130
Шангина Е.А. (в девич. Контуйак, по II мужу Старцева) 130
Шангина М.И. (в девич. Куликалова {Исхуль}) 130–131
Шевырин С. 185
Шелихов Г.И. 16, 18, 44, 46, 120, 122
Шестаков Аф. 31
Шидловский И. 7
Шилов В.И. 37
Шипицын М. 115–116
Шипицын С.М. 115–116
Шипицын Ф. 17, 19, 24, 88, 113–115
Широких Д. 18
Шопотов К.А. 110
Шошин В. 185–186
Шпанберг М.П. 32–34
Шутько Н.С. 59
Щетинин Л. 49
Эверман Б. 120
Этолин А.К. 47
Югов Е. 16, 70–71
Юрлов В. 81
Юфимцов П. 65
Юшин Х. 85, 87, 101
Яковлев Г.М. 8–10, 95, 124, 127–128, 135–136, 142, 173, 177
Яковлев М.А. 9
Яковлев Н.П. 121
Яковлев П. 35–37, 60, 73–74, 76, 78
Яковлева Е.П. (в девич. Хабарова) 9
Янсен Н. 64

Сокращения

АКМ — Алеутский краеведческий музей, с. Никольское Камчатского края (о. Беринга).

АМАЭ — Архив МАЭ.

АРГО —Архив Русского географического общества.

ГАИО — Государственный архив Иркутской области, г. Иркутск.

ГАКК — Государственный архив Камчатского края, г. Петропавловск-Камчатский.

ГУВС — Главное управление Восточной Сибири.

КФ ТИГ ДВО РАН — Камчатский филиал Тихоокеанского института географии ДВО РАН.

МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, г. Санкт-Петербург.

МЭК — Музей этнографии им. Северина Удзели Польской академии наук, г. Краков.

ПМА — полевые материалы автора.

РАК — Российс ко-Американская компания.

РГАВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота, г. Санкт-Петербург.

РГВИА ВУА — Российский государственный военно-исторический архив, Военно-ученый архив, г. Москва.

РГИА ДВ — Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, г. Владивосток.

СВАК — Северо-Восточная Американская компания.

СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, г. Санкт-Петербург.

ТИНРО — Тихоокеанский НИИ рыбного хозяйства и океанографии.

ХКМ — Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова.

ADA — Alaska's Digital Archives, University of Alaska Fairbanks.

LC — Library of Congress, Washington.

PANMZ — Polska Akademia Nauk Muzeum Ziemi w Warszawie.

SIA — Smithsonian Institution Archives, Washington.

ок.— около

предп.— предположительно

совр.— современный

устар.— устаревший

Содержание

От издателя 5

Вступление 6

Открытие, заселение и освоение Командорских островов 11

Походы к островам и ранние картографические материалы 29

Первые топонимы второй половины XVIII века 60
- Остров Беринга 60
- Остров Медный 73

Топонимы периода Российско-Американской компании 79

Формирование современных топонимов 88
- Названия основных населенных пунктов 90
- Топонимы, отражающие геоморфологические особенности местности 92
- Топонимы, указывающие на обилие каких-либо животных или растений 97
- Топонимы, посвященные историческим деятелям 101
- Топонимы, обозначающие промысловые участки и места сезонного проживания 110
- Топонимы, отражающие особенности природопользования, события и фольклорные мотивы 122
- Островки и кекуры 131
- Местные названия, не отраженные на официальных картах 136
- Исторические казусы 144

Вместо заключения 146

Приложение 1. Формирование топонимов Командорских островов 150

Приложение 2. Список промысловых экспедиций на Командорские острова с 1743 по 1800 г. 184

Источники 189

Именной указатель 200

Сокращения 205

Благотворительный фонд «Центр охраны дикой природы» (ЦОДП) — российская негосударственная природоохранная организация, учрежденная в 1992 г. Социально-экологическим союзом.

Основные направления деятельности — решение актуальных экологических задач путем разработки и осуществления разнообразных проектов, информационная, методическая и консультационная поддержка природоохранных инициатив, содействие координации действий природоохранных организаций, поддержка деятельности заповедников, национальных парков и других охраняемых природных территорий.

117312 Москва, ул. Вавилова, д. 41, офис 2
Тел./факс: +7 (499) 124–71–78
biodivers@biodiversity.ru
www.biodiversity.ru

Книги по программе Командоры

Выпуск 1. Рациональное природопользование на Командорских островах (состояние и охрана экосистем, проблемы экономического и этнокультурного развития) / Ред. В.Е. Соколов, М.Е. Гольцман, И.И. Крупник, И.И. Русин, А. В. Зименко. — М.: Изд-во МГУ, 1987. — 235 с.

Выпуск 2. Природные ресурсы Командорских островов (запасы, состояние, вопросы охраны и использования) / Ред. В.Е. Соколов, М.Е. Гольцман, А.В. Зименко, А.В. Чесунов. — М.: Изд-во МГУ, 1991. — 215 с.

Выпуск 3. Донная флора и фауна шельфа Командорских островов / Отв. ред. А.В. Ржавский. — Владивосток: Дальнаука, 1997. — 270 с.

Выпуск 4. Мочалова О.А., Якубов В.В. Флора Командорских островов. — Владивосток: БПИ ДВО РАН, 2004. — 120 с.

Выпуск 5. Смирин В. М. Портреты зверей Командорских островов: Наука и искусство — экологическому образованию / Сост. А.И. Олексенко, А.В. Зименко, Е.В. Зубчанинова. — М.: Изд-во Центра охраны дикой природы, 2007. — 60 с., ил.

Научно-популярное издание

Наталья Александровна Татаренкова

Топонимы Командорских островов

Современные фото в тексте и на вкладках:
В. Астафуров (В.А.), *М. Бородавкина* (М.Б.), *А. Генералов* (А.Г.),
И. Липилина (рельефы), *С. Рязанов* (С.Р.),
Н. Татаренкова (без инициалов)
Фото на обложке: *Д.А. Саютин*

Обложка и картосхема: *И.П. Вьюев, И.А. Липилина*

Редактор *А.В. Зименко*
Корректор *Н.И. Маркелова*
Оригинал-макет *Б.Ю. Руссо*

Подписано в печать 20.11.2018. Формат 70×100/16.
Гарнитура «Charter». Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,8. Тираж 250 экз.
Заказ № 2748

Благотворительный фонд «Центр охраны дикой природы»
117312 Москва, ул. Вавилова, д. 41, офис 2
Тел./факс: 8 (499) 124–71–78
biodivers@biodiversity.ru
www.biodiversity.ru

ISBN: 978-5-93699-096-0

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Сам Полиграфист»
129090, Москва, Протопоповский пер., д. 6
www.samprint.ru